

Языковое сознание межкультурная коммуникация

План

1 ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО XXI ВЕКА	3
2 О ПРОБЛЕМАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В МЕЖНАЦИОНАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ	8
3 АКРАТИЧЕСКИЕ И ЭНКРАТИЧЕСКИЕ ДИСКУРСЫ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	15
4. ПРОБЛЕМЫ УРБАНИСТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ 20	20
5. К СООТНОШЕНИЮ ПОНЯТИЙ «СОЦИОЛИНГВИСТИКА» И «ЭТНОЛИНГВИСТИКА»	27
6. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКА: СТАТУС, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ	31
7. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В РОССИИ	33
8. РУССКИЙ ЯЗЫК НА УКРАИНЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ	41
9. О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В КАЗАХСТАНЕ (К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВЫХ КУЛЬТУРАХ И ЯЗЫКОВЫХ СУБКУЛЬТУРАХ)	46
10. ПРИНЦИПЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВ РОССИИ	52
11. ЛИЧНОСТЬ. СЕМЬЯ. ОБЩЕСТВО. КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПОЗИЦИИ: ПОЛУВЕКОВАЯ ДИНАМИКА КОНЦЕПТОСФЕРЫ	56
12. МНОГОВЕКТОРНОСТЬ ЯЗЫКОВОГО СДВИГА В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДИАСПОРЕ США	62
13. ГЕОРУСИСТИКА И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ ЯЗЫКА	69
14. УЧЕТ ЯВЛЕНИЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В ШКОЛАХ С ПОЛИЭТНИЧЕСКИМ СОСТАВОМ УЧАЩИХСЯ	74
15. ИЗМЕРЕНИЕ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ВИТАЛЬНОСТИ	76
16. ТИПЫ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ КАРПАТСКОГО КОНВЕРГЕНТНОГО АРЕАЛА	81
17. МАКАРОНИЧЕСКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ СОЦИУМЕ	86
18. МНОГОЯЗЫЧНЫЕ СИСТЕМЫ КОММУНИКАЦИИ	91
19. ЧЕЛОВЕЧЕСТВО И ЯЗЫК С КИБЕРНЕТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ	94
20. О НЕКОТОРЫХ МЕТОДАХ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ДЛЯ РАЗРУШЕНИЯ СОЦИОФОБИЙ	102

1. ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО XXI ВЕКА

Было отмечено двадцатилетие со времени распада СССР. Прошло достаточно времени, и можно подводить некоторые итоги. Современная языковая ситуация не всегда совпадает с былыми прогнозами, но всё-таки во многом отражает развитие процессов, запущенных в 1991 г., а иногда и несколько ранее.

Россия

Двадцать лет назад нередко, особенно в национальных республиках, предсказывали существенное вытеснение русского языка во всех национальных образованиях, существовавших в пределах СССР. Национально ориентированные интеллигенты, например, в Калмыкии могли мечтать о том, что теперь они будут говорить только по-калмыцки между собой и по-английски при сношениях с внешним миром. Но к середине 90-х гг. в национальных районах России после краткого периода языковой нестабильности возобновился процесс наступления русского языка на малые языки. Правда, по сравнению с советским временем возросло образование на языках меньшинств: на многих из них восстановлены средние школы, а, скажем, в Татарстане существует полный цикл образования вплоть до высшего на национальном языке. При этом государственная поддержка этих языков уменьшилась, зато вступили в силу законы рынка, которые, как правило, требуют взаимопонимания, а это в свою очередь требует уменьшения языкового разнообразия и распространения крупных языков. Особенно это заметно в книгоиздании и выпуске газет и журналов. Играет роль и экономическая ситуация. Один мордовский лингвист жаловался, что учителей мордовского языка и литературы готовят в достаточном количестве, но в большинстве они работают не по специальности, а на московских стройках.

В целом типично положение, констатированное, например, для Удмуртии: «Все вывески в официальных учреждениях продублированы на удмуртский, географические указатели на федеральных трассах — двуязычные. В общественном транспорте звучит приветствие пассажиров на русском и удмуртском. В городах жители говорят в основном порусски. В деревнях — на своих родных языках, хотя и там идет процесс русификации.

В целом ассимиляция удмуртского этноса идет семимильными шагами. Удмурты, переехавшие в город, как правило, в следующем поколении не воспроизводят себя как представителей коренной национальности и становятся русскими» [3: 28.01.2008]. Конечно, эти процессы начались не в 1991 г., но в последнее время они активизировались, несмотря на меры вроде дублирования надписей, во многом показные и в лучшем случае имеющие символическое значение. А развитие образования на национальных языках

сдерживается отсутствием мотивации: можно хорошо знать язык своей национальности, но не иметь возможности применить это знание, тогда как слабое владение русским языком ограничивает возможности.

Ситуация с малыми языками усугубляется отсутствием четкой государственной политики, на что указывают многие. Например, политолог В. Хомяков пишет: «Есть смысл вернуться к тому опыту, который был в советское время, когда у нас были соответствующие ведомства, министерства, которые отвечали за национальную политику, за то, чтобы народы у нас сохранялись и не вступали в конфликты» [3: 28.01.2008]. Пока государственные решения, если и принимаются, то в сторону распространения русского языка, как в отношении ЕГЭ. Отсутствие экзамена по национальному языку и требование обязательной сдачи ЕГЭ на русском языке, конечно, способствуют распространению русского языка, но возвращают языковую политику даже не к советским временам, а к дореволюционной политике обрусения, и на практике ведут к свертыванию образования на малых языках. А если нет целенаправленной политики, то ее место занимает рыночная стихия. Введение ЕГЭ обозначало ещё один аспект проблемы: оно вызвало многочисленные протесты, но они редко связывались с национально-языковой проблемой. Массовых выступлений в защиту малых языков, сравнимых с концом 80-х гг., не было. Надежды и иллюзии времен «перестройки» ушли в прошлое.

Однако существуют и центробежные тенденции. Среди них и рост исламского влияния, препятствующий ассимиляции мусульманских народов, и разрыв хозяйственных и культурных связей. Больше это заметно в обособленных районах с малым процентом русских: Якутии, Туве. Здесь даже отмечалось, особенно в 90-х гг., вытеснение (особенно в образовании) русского языка соответственно якутским и тувинским. А в отношении карачаевцев и кабардинцев указывают, что дети по большей части не стараются выучить в школе русский язык из-за отсутствия мотивировок. «Если это девочка, то она остается рожать детей и продолжает жить в своем закрытом мире. Если мальчик, то его в конце концов учит армия. То есть он возвращается, зная язык, и потом ищет для себя нишу в больших городах. Те же, кто не знает язык вообще, остаются либо у себя в ауле, либо в своей диаспоре и ведут очень замкнутый образ жизни» [7: 5]. Конечно, и такое бывало до 1991 г., но в советское время, например, принимались специальные меры по вовлечению женщин в общественную жизнь.

Появилось и еще одно явление: в Москве и других крупных городах стали заметны люди, не знающие или почти не знающие русский язык. В основном это иммигранты. И в Москве «есть семьи, которые абсолютно не заинтересованы в овладении русским языком.... Во Франции почти нет арабов, не говорящих на французском языке. Они не могут себе этого позволить. А у нас таджики, которые метут двор, себе это позволить могут: никто не метет двор так быстро и дешево, как они, и им для этого язык не нужен» [7: 2].

А люди, не владеющие языком окружающих, оказываются самыми бесправными и подвергаются нещадной эксплуатации.

СНГ и Балтия

Здесь ситуация с 1991 г. совершенно иная, чем в России. В 13 из 15 государств, образовавшихся на территории бывшего СССР, идет общий процесс вытеснения русского языка и замены его в тех или иных функциях так называемыми титульными языками.

Единственным исключением (кроме, разумеется, России, а также требующих особого разговора Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья) с самого начала стала Белоруссия, и пока что ситуация там не меняется. Символическая роль белорусского языка, конечно, превосходит роль вышеупомянутого удмуртского языка, однако в качестве языка повседневного общения и культуры, безусловно, господствует русский, а роль белорусского здесь вряд ли существенно больше роли удмуртского. Такая ситуация поддерживается как привычками и традицией, так и политикой власти. Может ли она измениться при смене руководства, учитывая, что для прозападной оппозиции в стране белорусский язык — символ ориентации на Европу? Во всяком случае, прозападная оппозиция в Белоруссии пока что слаба.

Во всех других странах процесс вытеснения русского языка постоянно идет, но с разной скоростью. Обычно считают, что дальше всего он зашел в прибалтийских государствах, но при этом редко вспоминают про Туркмению. Вот данные (правда, 2004 г.).

Хотя официально русский язык там именуется языком межнационального общения, «русскоязычная пресса представлена слабо», пресса из России не поступает, нет соглашения о взаимном признании дипломов, на русском языке имеется одна школа при посольстве РФ, русских вузов нет [3: 9.07.2004]. Правда, после смерти С. Ниязова ситуация чуть сгладилась, в том числе русский язык в большей мере стал преподаваться в школах и вузах на правах иностранного. Однако, по данным Института народнохозяйственного прогнозирования РАН на 2004 г., из 4,8 млн. населения Туркмении лишь около 100 тыс. свободно владели русским языком, а почти 4 млн. не знали его совсем [8: 2]. Это низший показатель на постсоветском пространстве. Не случаен и полный перевод туркменского языка на латиницу. Конечно, надо учитывать, что Туркмения и раньше была одной из республик СССР с наименьшим уровнем знания русского языка, а процент русского населения здесь невелик. Эта страна, пожалуй, вышла из русского языкового и культурного пространства.

Что касается Прибалтики, то жесткие тамошние меры по вытеснению русского языка хорошо известны. Однако к концу второго десятилетия независимости острота языковых конфликтов несколько сгладилась. Массовой эмиграции русской диаспоры не произошло, активная часть русских, не отказавшись от русского языка, в необходимых пределах выучила язык титульной нации. А коренное население, ранее владевшее

русским языком много лучше туркмен, в большинстве отказалось от идей навсегда забыть русский язык и использует его по мере необходимости в общении не только с русскими, но и с представителями других прибалтийских народов. При полном вытеснении русского языка из официальных сфер он используется в сфере бизнеса. Вот данные о Литве: «В последние годы литовцы называют русский, наряду с английским, самым важным для изучения иностранным языком. И число литовских школьников, выбирающих уроки русского, неуклонно растет... “Аллергия на русский язык”, как выразился один из местных обозревателей, в Литве явно проходит, но пока прошла не совсем. Ее по-прежнему ощущают, естественно, политики... В любом случае прогноз пятнадцатилетней давности, что средством межнационального общения в странах Балтии к этому времени станет вместо русского английский язык, пока не сбылся» [9: 1]. Однако в той же Литве русским языком владеет 80% лиц старшего и среднего поколения, но только 17% среди детей и подростков до 15 лет [8: 2].

В прибалтийских государствах, вероятно, процесс дерусификации дошел до пределов, дальше которых он уже невыгоден самой титульной нации, и ситуация имеет тенденцию к стабилизации (хотя власть иногда стремится принять новые меры против русского языка). Но там, где этот процесс шел медленнее, позиции русского языка постепенно ухудшаются. В Казахстане в ряде областей делопроизводство полностью переведено на казахский язык, в Киргизии обсуждается вопрос об отмене для русского языка статуса второго государственного, а в Таджикистане в марте 2010 г. объявлено о полном переходе на таджикский язык в парламенте. В этом ряду и планы перевода титульного языка во всех этих трех государствах на латиницу. В Казахстане в 2006 г. объявили о переходе на латиницу в течение 15 лет, начиная с 2010 г. [2: 1.11.2006; 3: 17.03.2008]. Пока этот переход в условиях экономического кризиса не начинался, но в дальнейшем он весьма вероятен (отметим, что в Узбекистане, в отличие от Туркмении, переход на латиницу, начавшись в начале 90-х гг., всё еще не завершён). Впрочем, по-прежнему дерусификации противостоит недостаточное владение титульными языками социально активной частью самих титульных наций. Как свидетельствуют телерепортажи, в Киргизии смена власти в 2010 г. шла под лозунгами на русском языке, хотя ведущую роль в ней играли киргизы.

Сравнительно стабильна языковая ситуация в странах Закавказья, даже в Грузии после резкого ухудшения отношений с Россией она пока, насколько можно судить, особо не изменилась. При малом количестве русскоязычного населения (в Грузии и Армении исконно, а в Азербайджане после отъезда большинства русских в начале 90-х гг.) позиции титульных языков, сильные и в советское время, при независимости сразу стали полностью господствующими. При этом титульные нации не проявляли враждебности к русскому языку и сохраняют его в качестве второго языка. Так в Азербайджане, где процент русскоязычного населения остался самым большим в Закавказье, «незнание азербайджанского языка мешает устроиться на работу, так как документация во многих учреждениях и

предприятиях ведется на госязыке». С другой стороны, русский язык — обязательный предмет в школах, на нем много газет, а в Баку книг на этом языке продается даже больше, чем на госуда
рственном [9: 02.08.2007].

В Молдавии (исключая Приднестровье) форсированное вытеснение русского языка шло в первые годы независимости (тогда быстро прошла и латинизация молдавского языка), в годы коммунистического руководства ситуация стабилизировалась. Власть в начале 2000-х гг. даже пыталась придать русскому языку официальный статус, что не удалось сделать из-за массовых выступлений тогдашней оппозиции. Но общая ориентация в сторону Запада очевидна: по мнению экспертов Института Гэллага, в Молдавии «каждый второй школьник, став взрослым, русский знать не будет. Для молдаван, переориентирующих трудовой поток на страны ЕЭС, это не беда» [3: 28.10.2008]. Разумеется, это беда, хотя в другом отношении. А среди русскоязычного населения отмечено явление, более, кажется, нигде не упоминаемое. «Политика там заключается в том, чтобы создать свой “молдавский русский”, который не очень сильно сочетался бы с его большим братом. К примеру, они выпустили у себя свои учебники. Литературные произведения, которые там изучаются, не соответствуют произведениям, изучаемым в русских школах. Всё делается для того, чтобы у учителей не было возможности учить по российским учебникам... Русский язык... в Молдове... стал инструментом частичного отделения от России в официальном культурно-образовательном процессе» [7: 5]. После смены власти в 2009 г. и взятия курса на слияние с Румынией можно ожидать новых мер против русского языка.

Наиболее острая ситуация в языковой области сложилась на Украине. В других новых государствах языковая ситуация либо однородна на всей территории, либо различается по признаку «город — деревня», и только на Украине в разных ее частях просто говорят на разных языках, что осложняет обстановку. До 2004 г. в стране не было и единой языковой политики. На большей части Украины украинизация, прежде всего, затронула сферу образования. Политика была направлена на вытеснение русского языка в бытовую сферу при полном его исключении из обихода лишь в длительной перспективе, после смены поколений. Но взрослые люди, если они работали не в государственных учреждениях и не в сфере культуры, могли достаточно свободно пользоваться русским языком. И иная политика всё время велась в западных областях, где этот язык изгонялся даже из бытовой сферы, что не имело аналогов даже в Прибалтике. В Ивано-Франковске «были случаи, когда людей выбрасывали из автобусов потому, что они говорили на русском» [7:01.11.2006]. При «оранжевой власти» была, однако, попытка распространить западноукраинские нормы на всё государство. В бытовой сфере это, впрочем, вне западных областей оказалось нереальным, но в официальной и культурной сферах шла жесткая украинизация. Однако если в Таджикистане парламент отказывается от русского языка, то в украинской Раде даже при «оранжевых» многие выступали по-русски. А вопрос о статусе

русского языка постоянно служит предметом острой борьбы. При этом не раз кандидаты давали обещания придать русскому языку статус второго государственного или хотя бы официальный статус в районах компактного проживания русских, но потом обещания не выполняли. При новом президенте в 2010 г. форсированная украинизация прекратилась, но русскому языку в статусе второго государственного вновь отказано.

Итак, процесс дерусификации идет везде, кроме Белоруссии. В Туркмении он, похоже, завершился, в Прибалтике и Закавказье по-разному стабилизировался, в Центральной Азии (исключая Туркмению) идет и далек от окончания, на Украине и, возможно, в Молдавии связан с политической борьбой и может еще развиваться по-разному. Но без нового изменения государственных границ трудно предполагать для русского языка как восстановление его былой роли, так и (для большинства государств) полное забвение.

Еще один впервые вставший вопрос, — вопрос о росте вариативности русского языка в разных странах. К сожалению, он изучен мало, хотя можно отметить, например, работу [9], где отмечены некоторые его особенности в Казахстане. Однако, по данным этой книги, в целом пока он не сильно отличается от русского языка России. Однако ориентация на обособление, зафиксированная в Молдавии, может в дальнейшем приводить к более существенным изменениям.

«Дальнее зарубежье»

Еще недавно русский язык был известен не только в пределах СССР, но и во многих других странах, особенно в странах социалистического лагеря и некоторых афроазиатских странах. Нередко он и вне СССР выступал как язык межнационального и международного общения. Затем его использование и знание резко уменьшились. Особо резким спад был в бывших социалистических странах (более всего в Румынии, менее всего в Болгарии, Сербии и особенно Монголии). А если в некоторых странах Запада число знающих русский язык даже возросло, то за счет эмиграции из России и некоторых других частей бывшего СССР. Эмигранты, разумеется, не забудут русский язык, но всегда ли они передадут его детям? __

Главную причину этих событий указали на конференции Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) в Вероне (Италия) в 2005 г.:

«Эрозия коммунистической идеологии и советской модели»; «Ведь Россия больше не воплощает великую утопию. Теперь она стала такой же страной, как и все другие» (цитируется по [1: 66]). Конечно, влияли не только идеология, но и достижения советской науки и культуры. в 60-е гг. в Японии чуть ли не все студенты по естественным специальностям пытались учить русский язык. Но и «такая же страна, как все», если она хочет сохранять русскоязычное культурное пространство, должна предъявлять миру то, чего никто другой предъявить не может. Разумеется, речь не может идти только о литературе XIX в., какой бы великой она ни была, нужны новые успехи в экономике, науке или культуре.

Конечно, это не означает полного прекращения международной роли русского языка. С одной стороны, старые традиции за двадцать лет не могли исчезнуть полностью, даже в Прибалтике. Особо значимыми эти традиции остаются в странах, где могут положительно воспринимать советский опыт (Китай, Вьетнам), и в странах, где Россия традиционно была «окном» в мир (например, Монголия). С другой стороны, появляются новые каналы распространения русского языка. В Китае «знание русского распространяется не столько системой образования, сколько благодаря предпринимателям-«челнокам», постоянно выезжающим в Российскую Федерацию (по экспертным оценкам, в России постоянно находятся более полумиллиона китайских граждан, занимающихся преимущественно торговлей) и приобретающих в ходе своей деятельности... устойчивые языковые навыки, а также массовым поездкам российских граждан (в основном из приграничных территорий) в Китай (до 1,4 млн. чел. в год). По аналогичным причинам всё более «русскоязычной» становится и Турция» [8: 10]. Кроме «челночной» торговли, играют роль и поездки на отдых за рубеж (упомянутая Турция и Египет занимают у россиян место, ранее принадлежавшее Крыму и Кавказу), увеличение эмиграции, которая теперь уже не требует обрыва контактов с бывшей родиной, и многое другое. Но это то, что свойственно «таким же странам, как и все другие», вовсе не великим. В начале 90-х гг. считали, что английский язык скоро вытеснит русский за пределами РФ и потеснит его внутри России. Однако, как указано выше, этого до конца не произошло даже в Прибалтике. Тем более английский язык не приобрел новых функций в России, хотя его роль постепенно растет. Как показывает опрос Левада-центра [4:28.06.2010], о владении английским языком заявляют 9% россиян, это явно больше, чем в советское время, но цифра всё же невелика.

2. О ПРОБЛЕМАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В МЕЖНАЦИОНАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Проблемы сохранения и применения русского языка в гуманитарном пространстве зарубежья органично входят в широкий контекст культуры России, а укрепление позиций русского языка за пределами нашей страны повышает эффективность экономической, научно-технической, культурной, дипломатической и иной деятельности Российской Федерации, способствует поддержанию исторических и других связей государств-участников СНГ и стран дальнего зарубежья. Изучение русского языка за пределами России обусловлено и прагматическими потребностями, среди которых важное место занимают возможность получения пока еще одного из лучших образований в мире, а также возможность приобщения к внесшим весомый

вклад в мировую цивилизацию русской культуре и русскому искусству. Наконец, не следует забывать и о том, что знание русского языка необходимо людям, которые, в силу различных обстоятельств, трудятся вдали от Родины (в России, по некоторым данным, работает более 10 млн. чел. из разных стран СНГ). Таким образом, есть все основания утверждать, что решение этих проблем не только относится к числу приоритетных стратегических интересов России, но и отвечает насущным потребностям расширения диалога национальных культур, упрочения позиций русского языка в образовательном пространстве, сохранения и употребления русского языка в различных сферах общественной жизни, в межличностном общении, способствуя тем самым ускорению интеграционных процессов в Содружестве Независимых Государств.

Очевидно, что положение русского языка в странах СНГ на современном этапе определяется прежде всего его правовым статусом, непосредственно влияющим на широту употребления в регулируемых и нерегулируемых сферах, на возможность изучения русского языка как родного и неродного, на распространенность его в качестве средства межнационального общения (за исключением ситуаций межличностного общения). Здесь уместно напомнить, что, помимо Российской Федерации, статус государственного русский язык имеет только в Белоруссии (с 1995 г.), а также в некоторых республиках (в Абхазии, Приднестровье). В 2000 г. принято решение о предоставлении русскому языку статуса официального в Киргизии. По казахстанским законам государственный (казахский) язык и русский язык, не имеющий какого-либо статуса, равноправны.

Вообще в сферах государственного управления, делопроизводства, хозяйственной и общественно-политической деятельности в странах Средней Азии и в Казахстане законами установлено употребление государственных языков. Однако нередко применение государственных языков в этих сферах общения ограничивается лингвистическими и социальными причинами: так, в некоторых государственных языках региона Средней Азии недостаточно разработаны или отсутствуют терминологические и стилистические системы, необходимые для ведения делопроизводства, учетно-статистической и прочей документации. Кроме того, многие работники данной сферы, в том числе и представители титульной национальности, должным образом не владеют государственным языком и не могут выполнять на них свои профессиональные обязанности. Поэтому в некоторых центральных и городских государственных учреждениях и организациях деятельность и общение нередко осуществляются на русском языке.

Очевидно, что разработка и внедрение современных подходов к изучению феномена межкультурной коммуникации, в основе которых лежит диалог языков и культур, обусловили необходимость описания новых языковых состояний и рассмотрения значимости русского языка как средства межнационального общения в сложившихся геополитических условиях. Русский язык пока что достаточно прочно занимает позицию одного из основных средств межнационального общения на большей части

постсоветского пространства. Однако условия его употребления и изучения как родного и как средства межнационального общения значительно трансформировались. Теоретически и практически важно вскрыть природу противодействия неблагоприятным факторам, обеспечивающего витальность русского языка как родного и как средства межнационального общения в странах СНГ. Необходим принципиально новый подход к исследованию проблем функционирования русского языка в государствах-участниках _____Р0 СНГ: на основе органического сочетания результатов взаимодействия языков и культур и социолингвистических данных о функционировании русского языка в иноязычном окружении дать максимально полную характеристику мотивации употребления, состояния и форм изучения русского языка как языка-макропосредника.

Русский язык входит в сравнительно немногочисленную группу языков, которые перешагнули пределы своего этноса и употребляются для удовлетворения потребностей международного и межнационального общения. Значительные геополитические изменения в последние два десятилетия XX в., появление новых суверенных государств, культивирующих иные, чем прежде, политические, экономические и национально-ценностные ориентации в своем развитии, отказ от прежних приоритетов — все это самым непосредственным образом отразилось на языковой ситуации в странах, где ранее русский язык употреблялся в качестве средства межнационального общения или был широко распространен как один из иностранных языков. Результатом этих изменений стало заметное сокращение изучения и употребления русского языка за пределами Российской Федерации, но ввиду многоаспектности этой проблемы коснемся только одного вопроса: сбылись ли надежды тех, кто рассчитывал на изгнание русского языка из межкультурной коммуникации.

В регулируемых языковым законодательством сферах общения — государственное управление, делопроизводство, общественно-политическая деятельность, производство, торговля и экономика, обслуживание, здравоохранение, книгоиздательство, средства массовой информации, в том числе теле- и радиовещание и т.д., — в большинстве стран СНГ безусловно преобладание либо исключительное использование государственного языка.

Но если речь идет о функционировании языка в межнациональном общении, причем не только в сфере межличностного общения, то проведенные в ряде стран СНГ социолингвистические исследования дают достаточно оснований для утверждения: в настоящее время языковой барьер между людьми разных национальностей достаточно часто преодолевается с помощью русского языка (см. [3]). Свидетельством этого является и проведенная Фондом «Наследие Евразии» в 2007 г. «ревизия состояния русского языка в новых независимых государствах» [11: 12].

Все сказанное об употреблении русского языка в СНГ, на первый взгляд, может быть надежной основой для оптимистичных прогнозов о перспективах функционирования русского языка в межнациональном общении не только в ближайшем будущем и не только в пределах Российской Федерации. Однако

при сохранении нынешних тенденций как в функционировании русского языка в межнациональном и международном общении, так и в самом национальном русском языке такой оптимизм вряд ли оправдан.

Язык может эффективно функционировать в межнациональном общении только при поддержании его (языка) в надлежащем состоянии, сохранении и приумножении всего того, что в совокупности является лингвистическим фактором выдвижения и становления

языка в качестве межнационального [3: 12–21]. Располагая информацией о состоянии и положении русского языка в большинстве стран СНГ, нетрудно сделать вывод, что в настоящее время лингвистические и экстралингвистические факторы функционирования русского языка в межнациональном общении за пределами Российской Федерации оказываются в значительной степени ослабленными. Сюда же можно добавить и некоторые негативные явления в русском языке на территории исконного распространения, представленные расшатыванием его норм, засорением неоправданными заимствованиями, застоём терминотворчества на русском языке, графической экспансией латиницы и т.д.

Если говорить в целом о странах СНГ, то в большинстве из них именно проблемы национально-языковых отношений до сих пор принадлежат к числу наиболее горячо обсуждаемых всеми слоями общества. Можно привести достаточно много примеров из разных стран, но вспомним лишь многотысячные демонстрации протеста в Латвии в связи с принятым в 2004 г. решением законодателей страны резко ограничить преподавание на русском языке в русских (!) школах либо разнообразные акции протеста против перевода на украинский язык русских и «русскоязычных» кинофильмов на Украине в 2007–2008 гг. Кстати, некоторые депутаты Рады объясняют «творческое бесплодие нынешней украинской интеллигенции во многом тем, что её усилия направлены не на развитие украинской культуры, а на борьбу с русской, в том числе с русским языком, который на Украине является родным почти для половины населения» [4: 13]. Таким образом, сегодня состояние национально-языковых отношений в ряде стран СНГ, равно как и многие принятые там решения по кардинальным вопросам языковой политики убедительно свидетельствуют о том, что должные уроки из прежнего печального опыта в сфере языкового строительства в некогда едином многонациональном государстве пока что не извлечены.

В настоящее время вряд ли кто из серьезных исследователей будет утверждать, что идея национальной самодостаточности так же «прочно владеет умами масс», как это было в середине 80 — начале 90 гг. XX в. Если это так (а это именно так), то актуализируются и проблемы взаимоотношений государственного и других языков, проблемы функционирования, развития и изучения бытующих в той или иной стране языков, а также разнообразные аспекты межкультурной коммуникации. Рассмотрение этих проблем можно начать с ответа на вопрос об употреблении русского языка в межнациональном общении после развала СССР. Социолингвистические исследования и некоторые другие материалы, представленные в Банке

социолингвистических данных о функционировании русского языка в межнациональном общении в странах СНГ, позволяют утверждать, что вплоть до настоящего времени в качестве основного средства преодоления языкового барьера между бывшими гражданами СССР выступает русский язык (см. [2: 105–116]).

Этот вывод подтверждается материалами и других социолингвистов, а также многочисленными публикациями в различных средствах массовой информации. Так, материалы компании «Украинские опросы и исследования рынка» также свидетельствуют о том, что большинство жителей Украины и на работе, и в быту пользуется русским языком. Приведем лишь несколько цифр из материалов этого опроса: из тысячи опрошенных в возрасте от 15 до 59 лет на работе русский язык употребляют 43%, украинский — 30%; в домашнем общении преимущественно используют русский язык 52%, украинский — 46% [6]. В Казахстане, «когда условия выбора языка менее регулируемы и определяются стихийно (бытовое обслуживание, торговля, транспорт и т.д.), предпочтение отдается русскому языку» [1: 27].

В журнале «Итоги» в 2000 г. была опубликована серия статей, в которых рассказывалось о судьбе русского языка за пределами Российской Федерации. Вспоминая свое пребывание в Кишиневе, журналисты пишут: «В государственных учреждениях любого уровня, будь то парламент, правительство или университет — везде, куда бы мы ни обращались, приветствовали нас по-румынски, но в ответ на “здравствуйте” немедленно переходили на русский. Это обстоятельство — по контрасту с Украиной поразило больше, чем бесспорное преобладание русского на улицах Кишинева, неизменное “Русское радио” во всех городских маршрутках и телевизор, настроенный на НТВ, в холлах престижных отелей...». Или: «На улицах Бишкека слышна лишь русская речь, и даже местную валюту — киргизские сомы — здесь по привычке называют рублями» [7].

Вместе с тем нельзя не признать, что в ряде стран иноязычное население стало чаще использовать язык титульной национальности (т. е. государственный) в регулируемых языковым законодательством сферах общения. Одна из причин состоит в том, что в большинстве стран СНГ законы о языках прямо или косвенно ущемляют права лиц, не владеющих государственным языком, в политическом, социально-экономическом и культурно-языковом отношениях. Практически во всех странах СНГ (кроме Белоруссии и Киргизии, где русский язык имеет статус государственного или официального) введение законов о государственном языке, знанием которого нередко была обусловлена возможность предоставления гражданства, существенно затруднило поступление на работу и в высшие учебные заведения, остановило продвижение по службе, увеличило угрозу увольнения, ограничило возможность получения какой-либо информации на родном языке и т.д.

Таким образом, не диалог национальных культур, не последовательная культурно-просветительская деятельность по развитию и формированию новых типов двуязычия, а явно дискриминационная по отношению к

иноязычному населению языковая политика большинства новых независимых государств стала сейчас одним из основных факторов, способствующих распространению языка титульной национальности в качестве средства преодоления языкового барьера. Впрочем, в современных условиях говорить о диалоге этнокультур в большинстве стран СНГ достаточно трудно, особенно в том случае, если в качестве одного из участников этого диалога выступает русский язык, русская культура.

О каком диалоге может быть речь, если из культурного пространства некоторых стран происходит фактическое выдавливание русской культуры и русского языка, если этот процесс нередко (но не всегда открыто) возведен в ранг государственной политики.

В ряде стран СНГ органы государственной власти предпринимают достаточно жесткие меры по ограничению сфер функционирования русского языка. Особенно наглядно этот процесс проявляется в сфере народного образования: количество часов на изучение русского языка резко сокращено либо этот предмет вообще исключен из учебного плана национальных школ, практически прекращена подготовка учителей русского языка, не издаются учебники и учебные пособия по русскому языку. Следует отметить и резкое сокращения теле- и радиовещания на русском языке, ограничение информационного, образовательного и культурного пространства в связи с вытеснением русского языка из печатных и электронных средств массовой информации. Исключение русского языка из государственных учебных программ или сокращение количества часов на его преподавание в школах с нерусскими языками обучения значительно сокращает или вообще исключает возможность его организованного изучения. А это приводит к тому, что основным местом изучения русского языка становится, условно говоря, базар — с его грамматикой, лексикой и образными выражениями, ограниченными и стереотипными речевыми ресурсами, которые лишь в той или иной мере удовлетворяют самые примитивные коммуникативные потребности. Таким образом, в большинстве стран СНГ ряд социальных факторов — языковая политика, социальная детерминация речевой деятельности, социальная оценка народа-носителя языка, этнический — противодействуют сохранению русского языка в качестве средства межнационального общения. Вытеснению русского языка из сферы межнационального общения способствует практически повсеместное (вне России) разрушение системы организованного обучения русскому языку в средней и высшей школе. В этих условиях складывается все необходимое для формирования национальных или региональных вариантов языка, который через некоторое время едва ли можно будет назвать русским. Процессы пиджинизации, о чем так много говорилось ранее в отечественной социолингвистике применительно к другим языкам, начинают интенсивно развиваться и в русском языке как неродном.

Из всего сказанного следует, что серьезное увеличение количества специфических черт в русском языке, функционирующем в иноязычном окружении, вновь актуализирует проблему региональных вариантов русского

языка. Когда-то, в советский период, такая постановка вопроса подвергалась серьезной критике. В настоящее же время уже появились исследования, посвященные региональным вариантам русского языка на Украине, в Литве, США, Германии и др. Предположение о формировании национальных вариантов русского языка, не получившее, мягко говоря, ранее поддержки, в последнее время весьма активно реанимируется. И для этого, учитывая современные условия функционирования и изучения русского языка как родного и неродного в большинстве стран СНГ, оснований более чем достаточно. Разумеется, функционирование русского языка в иноязычном окружении обуславливает развитие в нем целого ряда характерных устойчивых черт, совокупность которых может приобрести даже статус узуальной нормы. Разработка и внедрение новых подходов к изучению феномена межкультурной коммуникации актуализируют проблему выявления национально-культурного акцента в неисконной русской речи билингва. Наряду с этим встают также и проблемы преодоления национальнокультурного акцента, поскольку в зависимости от его качественных и количественных характеристик в межнациональном общении вполне реальны коммуникативные неудачи.

Хорошо известно, что выход русского языка за пределы этноса и употребление его в качестве средства межнационального общения привели к тому, что в неисконной русской речи билингва наличествуют специфические черты в фонетике, лексике и грамматике.

Природа этих отклонений разнообразна, а причины появления самые различные и часто взаимообусловлены. В ряду наиболее распространенных причин обычно называют либо недостаточное усвоение билингвом норм русского литературного языка, либо влияние на неисконную русскую речь родного языка билингва, либо первое и второе одновременно.

Среди специфических черт неисконной русской речи билингва наибольший интерес вызывают те, которые могут быть квалифицированы как национально-культурный акцент неисконной русской речи. Представляется, что коммуникативные неудачи чаще всего обусловлены именно национально-культурным акцентом, а не фонетическими и даже не грамматическими особенностями неисконной русской речи. Если проанализировать приведенные Л.П. Крысиным примеры варьирования русского языка в инонациональных условиях, то оказывается, что на поуровневой оси варьирования, в частности на фонетическом и морфологическом уровнях, не возникает ни полного, ни частичного непонимания: так, скажем [h] и [ў] вместо соответственно [г] и [в] не приводит к коммуникативной неудаче, так же как и *кура*, *скоренько*, *сплять* вместо соответственно *курица*, *скоро*, *спят* [9:117]. А вот варьирование на национально-культурной оси действительно приводит к коммуникативной неудаче: употребление с инонациональными коннотациями слов *осел*, *змея* (*Он работает как осел; Она словно змея*) в неисконной русской речи вряд ли будут восприняты адекватно носителями русского языка как родного. В этом случае проявляется разное смысловое содержание в одних и тех же средствах

номинации в русском литературном языке и в русском языке, функционирующем в иноязычном окружении. Поэтому кажется вполне естественной необходимость определения предельно допустимых уровней (качественного и количественного) этого своеобразия, позволяющих квалифицировать рассматриваемое средство общения представителей разных этносов именно как русский язык, точнее, как одну из форм его существования, а не как некий пиджин.

Развитие диалога национальных культур, прежде всего в условиях тесных языковых контактов в пределах одного или даже группы многонациональных государств, занимает сейчас одно из центральных мест в процессе формирования цивилизованных норм взаимопонимания и сотрудничества народов, связанных давними традициями совместного проживания, взаимодействием в духовной, социальной и экономической сферах. В расширении диалога национальных языков и культур в конструктивном для межкультурного общения направлении особенно важны такие функции культуры, как социализация, т.е. усвоение обязательного минимума культуры общества, и инкультурация, т.е. приобщение к культурному наследию и усвоение элементов других культур [8: 7]. Именно поэтому диалог языков и культур своей целью должен иметь не только информацию о национально-культурной ориентации носителей изучаемого языка, но и обеспечение знания культурологического фона языковых единиц. Наблюдения последних десятилетий показывают, что в языке великой культуры, давно пустившем корни в большинстве стран СНГ, значительно увеличилось количество и изменилось качество специфических черт, обусловленных прежде всего родным языком билингва. Нередко «нормы русской литературной речи в национальных регионах на современном этапе складываются весьма своеобразно и не могут быть определены только в категориях “правильное — неправильное”... Сдвиг в нормах оказался особенно ощутимым в последние годы: ориентация на национальный язык и формы его выражения проявляется в широком калькировании слов, их значений, словосочетаний, в отказе от адаптации грамматических форм и проч. Клишируясь и используя как стереотипы, они придают русскому языку иное стилистическое измерение. Это не орнамент, а структура содержания, обусловленная широкой интерференцией» [5: 132–133]. Иначе говоря, средствами русского языка передается ионациональная картина мира.

Похожие изменения происходят и в других регионах: «...на протяжении почти более 100 лет в регионе Северного Кавказа формировался некий вариант русского языка, так как ведущим средством коммуникации выступает русский язык, претерпевающий серьезные изменения. Следует отметить, что в результате длительного и интенсивного контактного и конвергентного развития в пределах единого географического пространства сложилась такая ситуация, при которой носители разных языков, используя русский язык в качестве основного средства общения, вносят существенные изменения в фонологический и диалектный состав языков» [10].

Таким образом, можно совершенно определенно говорить уже не о потенциальном, а о фактическом формировании неких языковых сущностей, имеющих отличия от национального русского языка на фонетическом, грамматическом, семантическом и лексическом уровнях.

Функционирование любого, в том числе и русского, языка в межкультурной коммуникации — процесс очень сложный и многоплановый, включающий в себя взаимодействие целого комплекса как лингвистических, так и экстралингвистических факторов: социальных, лингвистических, демографических, психолингвистических, этноязыковых и ряда других. Вряд ли целесообразно каким-либо образом иерархизировать эти факторы, многие из них взаимосвязаны и взаимообусловлены, все они играют свою роль в процессе становления языка межнационального общения, однако и недооценка любого из них также неправомерна. Важно понять, что сохраняется эта функция русского языка благодаря прагматическим потребностям, среди которых самое важное место занимают возможность торгово-экономических отношений с быстро растущим российским рынком, возможность получения пока еще одного из лучших образований в мире, наконец, возможность приобщения к внесшим весомый вклад в мировую цивилизацию русской культуре и русскому искусству.

3. АКРАТИЧЕСКИЕ И ЭНКРАТИЧЕСКИЕ ДИСКУРСЫ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Яркой особенностью языка средств массовой информации последних лет является так называемый стёб. Социологи Л. Гудков и Б. Дубинин дают такое определение этого явления: «Стёб — род интеллектуального ёрничества, состоящий в снижении символов через демонстративное использование их в пародийном контексте...» [3: 23].

А. Агеев делает к этому определению такое дополнение: «В сущности, стёб очень близок блатной фене: и тот, и другая — языки довольно замкнутых социальных групп, одновременно избранных и отверженных» [2: 203].

Стёб как особый стиль общения, как специфический язык интеллигентской и молодежной «тусовки» возник и развился в 70–80 годы прошлого века. А. Агеев пишет: «...Ёрничество и стёб были тогда противопоставлены официальному политико-патетическому жаргону, а заодно и всему "великому русскому языку", позволившему себя редуцировать до партийного "новояза". Это была своеобразная культурная самооборона, весьма, впрочем, глухая и не всегда ясно осознаваемая "носителями языка"» [3: 22–23].

Время тоталитарного «новояза» безвозвратно ушло, однако противостоящий ему стёб выжил, и не только выжил, но и расцвел пышным цветом. Об этом недоуменно писал в 1994 году А. Агеев: «Удивительно, однако, вот что. На наших глазах сменилась эпоха, ушел в прошлое контекст, в котором стёб только и мог существовать и "функционировать". Вдруг некому и нечему стало противостоять, ибо партийная риторика стала частным делом отставных специалистов по "научному коммунизму". Да и

единомышленники, носители языка как-то незаметно лишились культурного общего пространства.

Стёб по всем расчетам должен был тихо почить в бозе. Но не тут-то было! Последние три–четыре года стали временем настоящего триумфа стёба. Стебают нынче все! Вслед за удалым "Московским комсомольцем" застебали "Независимая", респектабельная "Сегодня", гордый "Коммерсант". В журнале "Столица" перебивают друг друга два мастера просто-таки виртуозного стёба — Денис Горелов и Алексей Ерохин» [3: 23].

Со времени написания цитированных слов А. Агеева прошло пятнадцать лет, но ситуация практически не изменилась: средства массовой информации как злоупотребляли стёбом, так и продолжают это делать. Для того, чтобы понять причину такой живучести стёба, попытаемся разобраться, чем был его противник «новояз» и чем стал после ухода «новояза» сам стёб.

Блестящий анализ «новояза», или языка политических текстов советской эпохи, дал в своей уже ставшей классической работе Патрик Серио [8]. В результате этого анализа выявляются две яркие особенности советского политического языка — так называемые «номинализация» и «сочинение».

Н о м и н а л и з а ц и я — это замена личных форм глаголов их производными на *ание, -ение, -ация* и т. п., например: «Главным источником роста производительности труда должно быть повышение технического уровня производства на основе развития и внедрения новой техники и прогрессивных технологических процессов, широкого применения комплексной механизации и автоматизации, а также углубление специализации и улучшение производственного кооперирования предприятий» [7: 39–40]. Итогом таких бесчисленных номинализаций становится «исчезновение субъекта, агенса того, о чем говорится. Все процессы приобретают безличный облик, хотя и не схожий с тем, который имеет "классическая" безличность в русском языке (например, *Меня так и осенило, Его будто бы ударило*, и т. п.). А после того как субъект устранен, возможны дальнейшие уже чисто идеологические манипуляции с поименованными сущностями» [7: 40].

С о ч и н е н и е — это соединение посредством союза *и* понятий, которые в обычной русской речи синонимами не являются, например: "*партия и народ*". Союз *и* вообще может устраняться, и возникают сочетания типа "*партия, весь народ*" или "*комсомольцы, вся советская молодежь*". Как пишет Ю. С. Степанов, результатом этой процедуры становится следующий семантический парадокс: «Огромное количество понятий в конечном счете оказывается как бы синонимами друг друга, чем и навеивается идея об их действительном соотношении "в жизни", о чем-то вроде их тождественности» [7: 40].

Что же, согласно анализу П. Серио, возникает в результате десятилетий «советского способа оперирования с языком»? По его мнению, это не новый язык, и не новый «подъязык», и не новый «стиль». Это так называемый «дискурс». Давая определение этому сложному понятию, академик Ю. С. Степанов пишет: «Дискурс — это "язык в языке", но представленный в виде

особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей "грамматики" и своего "лексикона", как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, — в конечном счете — особый мир. В мире каждого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это "возможный (альтернативный) мир" в полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс это один из "возможных миров". Само явление дискурса, его возможность, и есть доказательство тезиса "Язык — дом духа" и, в известной мере, тезиса "Язык — дом бытия"» [7: 44–45].

Тезис «Язык — дом бытия» принадлежит, как известно, крупнейшему философу экзистенциалисту Мартину Хайдеггеру [6: 272]. Ю.С. Степанов, отмечая предельную «онтологизированность» концепта языка у М. Хайдеггера, дает свои определения языка как «дома бытия духа» и как «пространства мысли» [7: 45].

Итак, «новояз» как особый дискурс, как особый «язык в языке» был особым, специфическим «домом бытия», или «домом бытия духа», или особым «пространством мысли». Развивая метафорические возможности тезисов М. Хайдеггера и Ю. С. Степанова, можно сказать, что если язык классической русской литературы был «усадебой бытия», то «новояз» сталинско-брежневских времен — «ГУЛАГом бытия, духа и мысли». В таком случае язык диссидентствующей интеллигенции советского времени можно уподобить «кухне бытия, духа и мысли». На этой знаменитой кухне, вдали от всеслышащих ушей и

всевидящих глаз, между «своими» рождались крамольные мысли и говорились крамольные вещи. И говорились они на языке стёба, препарировавшем, как скальпель, омертвелые «новоязовские» номинализации и согласования. Стёб стал домом новой, препарирующей мысли и нового, оппозиционно-деструктивного бытия. И в этом его важная роль в разрушении «новояза» как ГУЛАГа бытия и мысли.

И вот «новояз» как особый дискурс и как особое «пространство мысли» разрушен, но стёб продолжает существовать в своей главной функции — функции своего рода интеллектуальной лаборатории. Здесь можно «разъять» тело символов и других языковых форм на составляющие элементы, подвергнуть их разъедающему воздействию кислоты иронии и поставить диагноз — «вещь ли это настоящая» или фантом, идеологический труп?

В связи с анализом «новояза» и стёба в качестве особых типов дискурса возникает еще один вопрос, в современном российском языкознании не затрагиваемый: если стёб находился с «новоязом» в отношениях противостояния, если его «сверхзадачей» было разрушение и полное уничтожение этого «политико-патетического жаргона», то не вправе ли мы определить эти отношения, вслед за Роланом Бартом, как «войну языков»?

[1: 535–540]. И следовательно, не приходится ли признать еще один факт: русский язык сегодня существует в разделенном виде [1: 519–534].

Ролан Барт, как известно, полагал, что разделение языков в современных обществах обусловлено их отношением к Власти. Соответственно им различаются внутривластные (осененные Властью), или энкратические языки (виды дискурса), и вневластные (обретающиеся, вооружающиеся вне Власти и/или против нее), или акратические языки (виды дискурса) [1: 529]. Легко видеть, что «новояз» по всем своим признакам попадает под определение энкратического дискурса, а стёб — под определение дискурса акратического. В советские времена стёб вел себя как типичный акратический дискурс: он был резко обособлен и социально (ограничиваясь достаточно узким кругом молодежной и интеллигентской «тусовки»), и системно, радикально отличаясь от энкратического «новояза» арсеналом своего «языкового оружия»: набором лексических, синтаксических и стилистических средств. Кроме того, стёб, как и полагается акратическому дискурсу, был парадоксален, то есть агрессивно противостоял доксе (в терминологии Аристотеля докса — это расхожее общее мнение, «вероятное», но не «верное», не «научное») [1: 529].

Однако после развала Советского Союза и после «окончательной и бесповоротной» победы стёба над энкратическим «новоязом» произошло нечто не вполне укладывающееся в логику «войны языков». Согласно этой логике, стёб или сам должен был трансформироваться в энкратический дискурс, или уступить свое место победителю какому-либо иному дискурсу, могущему на эту роль претендовать.

И надо сказать, что претендент на освободившееся место энкратического дискурса был. Стёб не являлся единственным акратическим дискурсом в СССР. Ту же функцию выполнял язык диссидентов — ученых, публицистов, политиков, выступавших с позиции критиков официозного языка и полагавших, что эта их позиция «позволяет отличать реальное от нереального и определять меру несоответствия слов и действительности» [4: 97]. Таким образом, «новоязовское» слово колхоз переводилось на «человеческий язык» как «рабовладельческая плантация, принадлежащая бюрократическому аппарату и управляемая посредством репрессий» [4: 88], а «трудолюбивый энтузиазм масс» как выражение, прикрывающее «безудержную эксплуатацию человека государством, заставляющим советских граждан надрываться на непосильной работе в холоде и голоде, под страхом репрессий» [5: 30].

Критикуя такой метод перевода «новоязовских» определений на «человеческий язык», Патрик Серио в одной из своих работ писал: «Такая позиция является призрачной внешней точкой, находясь в которой, субъект якобы мог бы оценить реальность и слова, используемые для того, чтобы говорить о ней, не определяя своего собственного отношения к этой реальности; данное отношение представляется как непосредственное, абсолютизированное и не вызывающее вопросов... Эта идеология прозрачности порождает впечатление проникновения в истину: субъект, для которого "колхоз" является непрозрачным знаком, восстанавливает истину тогда, когда видит рабовладельческую плантацию...

Для него этот дискурс является настолько "естественным", что слова, которые он использует, становятся невидимыми» [4: 88].

Справедливость критики П. Серио такой позиции кажется особенно очевидной сегодня, когда советский «деревянный язык» ушел в прошлое и неожиданно для многих стало очевидным, что диссиденты, в свое время так много сделавшие для приближения его конца, действительно говорили не на вождя «Адамовом языке», то есть таком абсолютно «прозрачном языке», слова которого являются не более чем незаметными и лояльными представителями вещей [4: 94], а строили свой дискурс, прозрачность которого, лишенная мрачного фона «деревянного новояза» советской эпохи, значительно поубавилась.

Сейчас, из нашего настоящего, казавшегося не так давно прекрасным и свободным от лжи, будущим, не так-то уж и очевидна справедливость такого утверждения: «Самолюбование и самовосхваление является ширмой, покрывающей безотрадное существование советских республик, за которыми установились казенно-восторженные эпитеты: цветущая Украина, солнечная Грузия и т.п.» [5: 30]. Действительно, была Украина цветущей, а Грузия солнечной при коммунистическом тоталитаризме или нет? Это, как говорится, с какой стороны посмотреть. Нынешняя Украина и Грузия уж во всяком случае не состояни претендовать на эти, пусть даже и «казенно-восторженные», эпитеты. И если колхоз» был «рабовладельческой плантацией», то какая номинация является «прозрачной» для того, что образовалось на месте развалившегося «колхозного строя»? Воистину, впору прибегать к помощи стёба.

Таким образом, язык диссидентов, оказавшийся совсем не таким адекватным действительности, как хотелось бы обществу, не занял место энкратического дискурса, не превратился в новую доксу. Но не занял этого места, как уже отмечалось, и стёб, да и не мог его занять в силу своих структурных особенностей: стёб прекрасное оружие "войны языков", великолепный инструмент разрушения, но созидать посредством стёба нельзя.

В анатомическом театре можно постичь строение тела человека, но рождение новой личности происходит в другом месте. Так вот, стёб может быть уподоблен "анатомичке", прозекторской интеллекта, но ни в коем случае не его роддому. Можно век сидеть в интеллектуальной прозекторской стёба и так и сяк препарировать разъятый труп умершего "новояза", но что-либо, кроме анатомических препаратов, породить при этом вряд ли удастся. Думается, нет оснований приветствовать стёб как одну из форм раскрепощения личности. Еще в августе 1994 г. А. Битов, Е. Германова, Б. Окуджава, игумен Иннокентий, Д. Пригов, М. Чудакова и другие представители российской интеллигенции опубликовали в газете "Известия" письмо, в котором были такие слова: «Газетчики и телерепортеры сегодня нередко пользуются свободой слова как наркотиком, сажая своего потребителя на иглу цинического "стёба", подходя ко всему на свете с забубенной легкостью»

[2: 203]. Трудно с этими словами не согласиться. Действительно, стёб в современных российских условиях — это проявление цинизма, и так достаточно широко распространенного, поэтому он не может претендовать на роль энкратического дискурса, которому по крайней мере в начальной стадии своего функционирования для того, чтобы эффективно обслуживать власть, требуется достаточно мощный не разрушительный, а созидательный потенциал.

Таким образом, в современном российской обществе сложилась парадоксальная ситуация: есть и активно функционирует акратический дискурс, но нет в достаточной мере сформировавшегося дискурса энкратического. Тогда возникает вопрос: с чем (или с кем) ведет «языковую войну» агрессивный стёб? С внеязыковой действительностью? С обществом? С зачатками формирующегося энкратического дискурса? Как говорится, «вопрос, конечно, интересный», и ответ на него может быть весьма и весьма любопытным, однако это — дело специального исследования, которое пока никто не сумел осуществить.

4. ПРОБЛЕМЫ УРБАНИСТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Начиная с городской неолитической революции город (= Вавилонская башня) определяет черты многоязычия (собственно языкового или семиотического), сочетания разных знаковых систем и их смешения. Кажется возможным выделить два основных типа древнего города — преобладающий в азиатской части Древнего Ближнего Востока в IV–II тысячелетиях до н. э. тип многоязычного города с несколькими устными и письменными системами общения и начинающийся с самого раннего письменного периода в Египте и много позднее постепенно проникающий в Переднюю Азию к концу II тыс. до н. э. вместе с осевым временем тип одноязычного города, в котором один устный язык сосуществует со множеством других знаковых (не собственно языковых) систем (в частности, с изобразительными — иконическими — знаками, музыкой, архитектурой, орнаментом).

Начиная с недавно найденных Дрейером древнейших текстов- «ярлыков» (конец IV тыс. до н. э.) в Древнем Египте существует контрапункт знаковых систем, основанный на параллелях логографического письма и сопровождающей его графики. Выработанные в достаточно раннее время языковые особенности специальных формализованных приемов изложения в древнеегипетских математических и медицинских текстах оказываются типологически сходными (избегание шифтера 1 л. ед. ч. и другие способы устранения субъективности текста, например, в Московском математическом папирусе) с современным языком науки и поэтому исключают предположения об одностороннем прогрессивном развитии в духе традиционно понимаемой эволюции. Во всех ранних городских системах письма (включая древнекитайские гадательные кости эпохи Чжоу и центральноамериканские доколумбовские) наряду с логографическими и слоговыми фонетическими знаками для записи устного языка используется и система (или разные системы) особой передачи чисел и операций над ними

(самый ранний метод восходит к графике палеолита и к особым трехмерным скульптурным символам, изобретенным после неолитической революции). Начиная со II тыс. до н. э. встречаются (раньше всего в Угарите) особые системы письменных нотных знаков (еще более ранние жестовые способы обозначения вокально-музыкальных различий сохранились в коптской традиции, объясняющей и древнеегипетские символы).

На Древнем Востоке в III–II тыс. до н. э. письменное и устное многоязычие характерно для больших столичных центров — городов Южной Месопотамии, Эблы, Каниша, Хаттусаса, Угарита. О первоначальной языковой пестроте Южной Месопотамии дают представление самые ранние предшумерские протоклинописные тексты второй половины IV тыс. до н. э., где возможно отражение форм, которые предположительно относят к 2 «евфратскому» индоевропейскому диалекту. Наличие индоевропейских форм в шумерских текстах было отмечено ранее [2]. Сравнительно недавно было выдвинуто предположение, что архаический «евфратский» индоевропейский диалект может быть восстановлен на основе особых звуковых чтений «протошумерских» протоклинописных знаков, имеющих наряду с этими древнейшими «евфратскими» чтениями и другие, вероятно более поздние — шумерские [18: 111–147; 19: 381–423]. Гипотетическое время существования евфратского диалекта — вторая половина IV тыс. до н. э., место — Южная Месопотамия. От праиндоевропейского праевфратский диалект мог отделиться существенно ранее, о чем могут свидетельствовать возможно сохранившиеся в нем древние черты: согласно гипотезе Уиттакера, примерно сотня знаков ранней (пред)клинописи, по чтению тличных от шумерских, восходит к соответствующим словам этого диалекта, уже отличного от других индоевропейских. Часть предлагаемых Уиттакером этимологий кажется вероятной, как евфратское *hurin* ‘орел’ (приводится уже в словарном списке A 11/620 в Эбле), тождественное хеттск. *hara-n-*, др.-греч. ὄρνις (значение ‘птица’ = ‘главная птица — орел’). Если «евфратско»-шумерское многоязычие для раннего периода в южномесопотамских городах возможно в IV тыс. до н. э., то в следующем тысячелетии несомненно двуязычие шумеро-аккадское (в частности, по мере вытеснения шумерского из живого употребления, он сохранял свою роль для обучения ему писцов). В Эбле сосуществуют письменный шумерский и аккадский языки с туземным эблаитским; реальность других языков и степени многоязычия этого огромного города в середине III тыс. до н. э., предположенного в специальной работе Гельба, пока не вполне ясны. В Канише староассирийские тексты содержат древнеанатолийские личные имена и заимствования, в Хаттусасе наряду с мертвым шумерским и употреблявшимся писцами аккадским фиксируются клинописью языки туземного населения: анатолийские (хеттский — несийский — язык древнего Каниша-Несы; лувийский, палайский) и неиндоевропейские (почти исчезающий сакральный хеттский и живой хурритский, в том числе в тексте Киккули в симбиозе с индоевропейским месопотамским арийским): в Угарите местный западно-семитский язык представлен вместе с хурритским

в разных типах письма, алфавитного и клинописного, есть и хеттские тексты, а также многоязычные словари с шумерской и аккадской частями.

В перечисленных городах встречаются общие для них характерные металингвистические черты — раннее появление многоязычных словарей и графических способов выделения иноязычных вкраплений в тексте, «глоссового клина».

Основной текст или словарь пишется на главном (официальном) языке данной традиции, который может быть не только основным для того времени международным языком клинописной культуры — шумерским (в Эбле) или международным языком переписки — аккадским (в Эль Амарне), но и главным койне империи — хеттским (в архиве Хаттусаса-Богазкея). Но в этот основной текст писец вставляет слова другого (неофициального, чаще всего родного для него) языка, помечая их особым знаком, состоящим из одного или двух (реже трех) наклонных клинообразных элементов, идущих друг за другом слева направо и сверху вниз в одном случае или представляющих собой два стоящих рядом «угла» в другом случае (исходном для месопотамской клинописи, где древнейшую форму знака в III тыс. до н. э. представляет угол). Они условно называются «глоссовыми клиньями» (немецк. *Glossenkeil*). И. М. Дьяконов, посвятивший этому знаку раздел в своем описании урартской клинописи, выделил три основных типа его применения в разных системах клинописи [3]. В Вавилоне и Ассирии этот знак в разных его вариантах, различавшихся числом углов или клиньев, применялся для отделения от основного текста приписок к нему или комментариев (поэтому его можно было бы назвать «комментаторским клином»), а также для условного обозначения повторения одного и того же слова. Но вместе с тем в поэзии он служил для отделения стихов и полустиший. В урартской клинописи знак использовался для обозначения словораздела. Под возможным влиянием клинописного употребления типа урартского сходное словоразделительное употребление проникает в полуалфавитные системы письма, как древнеперсидская клинопись, и в тексты, написанные угаритским клинообразным алфавитом. В других клинописных системах с помощью глоссового клина писец отмечает особые формы в тексте. Самое раннее металингвистическое употребление комментаторского клина (в это время представленного угловым знаком— *Winkelhaken*, условно передающимся как *) известно в середине III тыс. до н. э. в некоторых словарных текстах из Эблы, где этот знак в ряде случаев следует за формой, используемой во втором столбце словаря [1: 191–199; 5]. Эта форма принадлежит либо эблаитскому языку переводчика, либо тому шумерскому произношению соответствующего начального слова словарной статьи, которое комментируется писцом. Иначе говоря, к каждому шумерскому слову, с которого начинается словарная статья, может относиться металингвистический комментарий, отмечаемый следующим за комментарием глоссовым клином: либо семантический (в этом случае комментирующее или переводящее слово принадлежит родному семитскому языку писца), либо фонетический (в этом случае писец мог ориентироваться

на собственное произношение шумерского языка, который для него не был родным).

Как замечает шумеролог Сивилл [11: 75–98], во многих случаях шумерское слово не переводится точно на шумерский, а комментируется: словарная статья с написанием **ges usuh5 -ri-num*** не означает, что первое шумерское слово (**ges u-suh5**) имеет значение второго — эблаитского (**u-ri-num** 'кедр'), а только указывает на принадлежность дерева, обозначаемого первым словом, к тому же классу деревьев, к которым принадлежало и второе, обозначаемое эблаитским термином (предположительно «евфратского» происхождения). Точно так же словарная статья **balag gi-na-ruu-um*** не определяет однозначно характера того шумерского музыкального инструмента, который сопоставляется с западносемитским названием лиры. Последняя по археологическим и лингвистическим данным вызывается именно с западно-семитским миром и до контакта с ним в Южной Месопотамии отсутствовала. Поэтому кажется вероятным и здесь не перевод, а комментирование, указывающее на сходный, но не обязательно тождественный, класс явлений.

В тех случаях, где в качестве пояснения к шумерскому слову дается его фонетическое чтение, нужно учитывать специфическую природу письма и передачи обеих сторон языкового знака. Для писца, гордившегося (как видно из позднейших школьных упражнений, где воздается слава писцам) своими (по мнению многих ученых, по отношению отчасти бы к части эблаитских писцов — мнимыми) знаниями выученного им шумерского и его диалектов, каждая последовательность клинописных знаков могла иметь двойное чтение — логографическое и фонетическое. Этим можно объяснить такие казалось бы почти автологические словарные статьи, как **ni-dul5 ne-du-lu***, где, однако, добавление окончания — **u** скорее заставляет думать об усвоении этого шумерского термина в семитский язык писца. Более чем полтысячелетия спустя в хеттской клинописной системе, которая, в конечном счете, возводится к сирийско-хурритскому варианту клинописи и в этом смысле может быть косвенно связана по происхождению с эблаитской, металингвистическое спользование комментаторского клина получает широкое распространение. Самым бычным является его употребление по отношению к словам и формам лувийского (южно-анатолийского) диалекта, который становился (особенно в южных частях Анатолии и на ее Западе, в частности, в области Троады) наиболее часто используемым способом разговорной речи, тогда как хеттский оставался вплоть до конца Новохеттского (имперского) периода официальным койне, на котором сочинялись почти все письменные тексты.

Писцы, у многих из которых были лувийские имена, вставляли в свои сочинения немало слов родного языка, во многих случаях отмечая их глоссовым клином [4: 75–77].

Позднее преобладание одного главного койне способствует семиотическому многообразию Афин, Александрии, Рима, Карфагена, послеэллинистических городов Центральной Азии и Восточного Туркестана. Но в некоторых из

перечисленных больших городов оставался след существовавшего ранее (до победы одного основного языка) двуязычия. На примере текстов Блаженного Августина, написанных на латыни, можно понять степень знания им других языков древнего Карфагена и его окружения. В качестве обозначения этноса, самоназвания африканцев финикийского происхождения Августин использует их древний термин (этноним) *chanani* 'ханаанеи' = [kn'ny], финик. *kn'n* = др.евр. *kena'an* [9: 190]. В работах Ваттиони и других исследователей выявлены финикийско-пунические глоссы у Августина [14]: "кровь" *e-dom* 'sanguis' (= др.-евр. *dam*), где *e* — артикль в обобщающей функции; *iar* "lignum" (др.-евр. *ya'ar*); *tammon* "lucrum" (др.-евр. *tamdn*); *Astarte* = *Junonis* [15]; хорошее знание пунической фразеологии видно в ее использовании Августином при этимологизации сложных слов, выступающих в качестве личных имен: *Namphamio... boni pedis hominem* (< *n'm-p'm*, [13: 124]); *Bal-samen* "dominus caeli" (= *samem*, BL SMM, см. подробно об этом финикийском и пуническом божестве — Боге Грозы: [8: 72, 89; 9: 217–220; 15: 84, 88], ср. «Roenuus» Плавта, 1027 [17: 144]); в ряде случаев эти глоссы предполагают христианское употребление пунических слов: *salus* "3, trinitas" (др.-евр. *šalōš*) сравнивается с лат. *salus*; *messe* (в духе угаданного Августином родства пунического, древнееврейского и сирийского языков сопоставляется с др.-евр. *Māšā-*); в проповедях, недавно найденных в библиотеке Майнца (см. новую работу Сницера о латино-пуническом двуязычии): «Бог» — пунич. *ilim* "лат. *deus*, греч. □□ó□" — обозначение одного понятия в трех языках. Уже поэтому возникает вопрос: могла ли служба вестись на пуническом языке, в частности, самим Августином? Он говорит о необходимости найти священника, сведущего в финикийском языке, и упоминает пуническую поговорку, которую переводит на латынь, потому что не все его слушатели понимают пунический [9: 190–191]; о передаче у Августина особенностей синтаксиса таких пунических паремиологических текстов [10: 436; 13: 64].

В большинстве традиций осевого времени господствовал один главный язык (на древнем Ближнем Востоке — арамейский, в том числе в недошедшем до нас подлиннике Нового Завета). Позднее важнейшей становится проблема перевода с него на местные языки. Буддизм в этом намного опережает христианство западного и восточного толков.

Средневековой город с университетом и/или монастырем, пользующимся основным языком культуры (латынью, греческим, санскритом), вместе с тем развивает многообразие социальных и профессиональных диалектов (Сенеан о языке Парижа и Рабле [16]). В то же время, в особенности в более восточных частях Европы остается существенным преимущественно многоязычный характер городского населения. Изучаемая на протяжении последних лет переписка на древнееврейском языке удостоверяла достаточно сложный состав языков Киева перед принятием христианства [7]. По отношению к древней Москве приведем вновь открытые факты: согласно чтению (А. А. Зализняком и А. А. Гиппиусом) найденной в 2007 г. берестяной грамоты № 3 из Московского Кремля на его Подоле проживал

татарин Турабей; о смешанном составе населения центра города говорят и другие встречающиеся в грамоте тюркские (и общевосточные) имена (*Елбуга, Баурам, Ахмед*): по мнению историков, они свидетельствуют об «отъезде» выходцев из Орды на службу московским князьям в конце XIV в. Многоязычие как основная черта большого европейского города Нового времени (Вильнюса, Праги) сглаживается в XX в. усилиями тоталитарных режимов. В качестве главной черты современного большого города сохраняется взаимодействие значительного числа арго и сленгов ([6: 175–191] с обзором предшествующих работ начала XX в.). Отдельную интересную проблему представляет влияние этих арго на основное койне города и на литературный язык (роль плутовской литературы, арготических текстов типа стихов Виллона, Бахтин о Рабле, воспроизведение городской речи у Бабеля и Зощенко в сказовых формах: отражение многоязычия Праги в «Големе» Мейринка). Влияние радио и телевидения, вещающего на разных языках города, создает особые условия для сохранения родного языка у иммигрантов и их детей (телепередачи на персидском языке в городах США).

Нейролингвистический аспект исследования городского двуязычия и многоязычия делает необходимым выделение во всяком случае двух типов размещения языков в речевых зонах. Различие между этими типами зависит от социальных факторов, главным образом от отсутствия или наличия совпадения функций основных языков, которые использует говорящий. При тождестве или близости функций возможно совмещение двух главных языков (английского и китайского) в речевых зонах левого полушария у коммерсантов в Сингапуре (стимуляция электродами по методике Пенфилда). Конфликт двух языков в двух полушариях можно проиллюстрировать данными о туркменском (в его фольклорном варианте) и русском языках жителя Ленинграда, исследовавшегося во время односторонних электросудорожных шоков в лаборатории Л. Я. Балонова.

Динамика соотношения двух основных языков — английского и испанского в больших городах США, по данным последней переписи 2000 г., показывает, что рост населения везде в них происходит за счет испаноязычного населения (в этом как в миниатюрной модели сказывается реальность прогноза, по которому в середине века английский и испанский разделят третье и четвертое места в четверке самых распространенных языков мира). Языковые особенности отдельных самостоятельных кварталов (типа Китай-городов) в больших городах Канады и США делают возможным каждому из языков этих кварталов развиваться самостоятельно вне зависимости от общегородской среды.

Соотношение основного английского и соперничающего с ним по значимости испанского с другими распространенными языками иммигрантов в Лос-Анджелесе — городе и графстве (персидским, армянским, русским, японским, китайским байхуа и кантонским, вьетнамским, кхмерским, тагальским и другими) говорит о сохранении роли каждого из них при явном отсутствии осуществления схемы «котла, растворяющего» все языки кроме

основного. Следы взаимодействия языков, приближающихся к последнему типу, отчасти можно видеть в креольских смешанных языках, как значимых для Нью-Йорка [12], гаитянского и карибского или важного для языковой ситуации в Лос-Анджелесе ямайского [5]. Но эти и другие им подобные смешанные языки возникли вне больших городов и потом были перенесены их носителями в мегаполисы, где они выступают наряду с другими подобными формами речи. Это относится и к многочисленным (около 16) местным вариантам испанского языка, возникшим в разных странах Латинской Америки и сталкивающимся друг с другом и с весьма от них отличным европейским испанским в современных больших городах США (некоторые носители мексиканского диалекта Chicano не знают классического испанского). Взаимонепонятность основных устных вариантов китайского языка делает необходимым использование для междиалектного общения одного из них: в Нью-Йорке наблюдается постепенная замена в этой функции кантонского посредством байхуа, в чем можно видеть соответствие и процессам на территории самого Китая. Главной практической проблемой для больниц и судов остается необходимость перевода на эти языки и с них на английский. Вместе с тем упрочение конфессиональных различий делает существенной и проблему современной роли священных языков церкви — в городах Америки коптского, латыни, иврита, тибетского, церковнославянского, арабского.

Значительный интерес представляет соотношение разных языков в определенном возрасте и в разных возрастных группах (возрастающая роль родного цыганского языка по сравнению с английским у цыган в Лос-Анджелесе; соотношение идиш как языка «бабушек» — родителей с ивритом, английским и русским в семьях иммигрантов из СССР и России в США). Исчезновение америндейских и других малых языков в городах, где на прежней догородской территории на них ранее говорили (сереньо в Лос-Анджелесе), осуществляется в достаточно быстром темпе за счет отказа младших поколений от возможности выучить язык родителей. Большой город типа Нью-Йорка [12] и Лос-Анджелеса можно рассматривать как модель глобальной картины взаимодействия языков.

5. К СООТНОШЕНИЮ ПОНЯТИЙ

«СОЦИОЛИНГВИСТИКА» И «ЭТНОЛИНГВИСТИКА»

Вполне естественно, что понятия и обозначающие их термины могут со временем уточняться, меняться. При этом степень изменений нередко зависит от степени интенсивности процессов, происходящих в обществе. Это в особенности относится к понятиям и терминам, обозначающим определенные социальные явления. Скажем, своеобразная понятийно-терминологическая «встряска» наблюдается в общественных научных дисциплинах последних полутора десятилетий. При этом в крайних случаях оценочная коннотация используемых терминов диаметрально меняется от знака плюс к знаку минус и наоборот. Подобные явления особенно

характерны для понятийного аппарата общественных наук. За примерами далеко ходить не приходится: *капитал*, *капиталист*, *миллионер* и т.п. употреблялись в отечественном обществоведении трех четвертей 2-го столетия с отрицательной коннотацией. С другой стороны, скажем, *революционер* одно из наиболее положительных понятий в прошлом, ныне некоторые склонны отождествлять с понятием «террорист». Даже такое очевидно положительное понятие, как *патриот*, нередко ныне используется иронически или с прямой отрицательной коннотацией.

Но существуют инновации другого порядка, так сказать, естественные. Так, термин *нация* в двадцатом столетии у нас использовался для обозначения этнического понятия в ряду таких, как: *род*, *племя*, *народность*, *нация* (во всяком случае, в отечественной традиции). За последнее десятилетие наряду с этим уже утвердилось второе значение этого термина, скажем, в таких словосочетаниях, как *национальный банк*, *национальные интересы*, *российская нация* и т.п. Как видим, здесь уже понятие *нация* тождественно понятию *государство*. Подобные подвижки значений понятий естественны, так как они вызваны ходом развития общественных отношений. В научном плане их следует положительно воспринимать.

Интересующие нас в данном случае понятия «социолингвистика» и «этнолингвистика» относятся к числу, скажем так, более «спокойных», но и в их значении, а также взаимоотношении со временем происходят определенные изменения. Для более оптимального рассмотрения проблемы соотношения указанных двух понятий целесообразно начать с первого, так как ему посвящено исследований намного больше, пожалуй, в разы.

Что касается самого определения понятия *социолингвистики*, то, несмотря на некоторые колебания в формулировках, оно сводится согласно коллективному «Словарю социолингвистических терминов» (ответственный редактор В. Ю. Михальченко) к следующему: это «отрасль языкознания, изучающая широкий комплекс проблем, связанных с социальной проблемой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия объективных (различных элементов социальных установок, ценностей и т.п.) социальных факторов на язык и той ролью, которую язык играет в жизни общества» [1, 207]. Что касается существа социолингвистики, то оно раскрыто довольно глубоко еще в прошлом веке (в трудах многочисленных отечественных ученых, в том числе таких известных филологов, как: В. А. Аврорин, И. К. Белодед, Р. А. Будагов, В. В. Виноградов, Ю. Д. Дешериев, В. М. Жирмунский, Л. Б. Никольский, Е. Д. Поливанов, В. М. Солнцев, Ф. П. Филин, Н. С. Чемоданов, В. Н. Ярцева, А. Д. Швейцер, Л. П. Крысин, В. Ю. Михальченко и др.).

В их трудах и в работах ряда зарубежных коллег также указывается на то, что социальная лингвистика становилась как научная дисциплина на стыке языкознания, социологии, социальной психологии, этнографии. Она изучает широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия общественных факторов на язык и той ролью, которую играет язык в жизни общества.

В социалингвистических трудах особо выделяется несколько проблем. Одна из них «язык и нация», при изучении которой социалингвистика оперирует категорией «национальный язык». Это тесно увязывается с проблемой *социальной дифференциации* языка, которая проявляется на всех уровнях языковой структуры и многомерна. Она включает как стратификационную дифференциацию, так и ситуативную дифференциацию языков.

Следует подчеркнуть, что одним из важнейших элементов социальной лингвистики является понятие *языковой ситуации*, которая определяется как совокупность форм существования языка (языков, региональных койне, территориальных и социальных диалектов), обслуживающих континуум общения в определенной этнической общности или территориальном объединении. Обычно выделяются 2 группы языковых ситуаций. Одну из них называют *экzogлоссными*, куда входят совокупности различных языков, других – *эндоглоссными*, куда входят совокупности одного и того же языка. В современной социалингвистике большое внимание уделяется вопросам о связи и взаимодействии *языка и культуры*, а также языка с различными компонентами культуры. Эти связи обычно носят двусторонний характер и находят свое отражение главным образом в лексических заимствованиях. Из других наиболее важных социалингвистических проблем следует указать на *билингвизм* и *диглоссию*, *языковую политику* и *методы социалингвистических исследований*. При билингвизме в рамках одного коллектива сосуществуют два языка, которыми пользуются в разных коммуникативных сферах в зависимости от социальной ситуации и других параметров акта общения. Что касается диглоссии, то она наблюдается, как правило, при использовании разных форм одного и того же языка (литературный язык, койне, диалекты, говоры). Среди проблем социалингвистики особое место занимают вопросы *языковой политики*, под которой принято понимать совокупность установок, теоретических концепций, законодательных актов государства (партии, класса и др.), направленные на активное воздействие на процессы языковой жизни общества. Сюда же относятся языковые аспекты национальной политики, а также вопросы конкретного регулирования проблем, связанных с взаимодействием в коллективе различных языковых образований (литературный язык и диалекты, использование двух или нескольких языков и т.п.). В область языковой политики входят также вопросы стандартизации и нормирования литературных языков.

Что касается *этнолингвистики* (от греч. *ethnos* ‘народ’, ‘племя’), то ее обычно определяют как научная дисциплина, находящаяся на стыке этнографии и языкознания. Она изучает взаимоотношение между этносами и их языками. В ее орбите оказываются вопросы взаимосвязи между этнокультурными, языковыми и этнопсихологическими факторами, их роли в функционировании и дальнейшей эволюции языка. Этнолингвистика во многом опирается на социалингвистические и паралингвистические факторы, охватывает область этногенеза и истории, а также этноэтические процессы, как внутренние, так и в межэтнических контактах, роль языка в

формировании и функционировании этнических общностей (рода, племени, народности, нации). Кроме сказанного, этнолингвистика занимается эмпирическими исследованиями моделей и функций применения языка в различных ситуационных контекстах, свойственных разным культурам, равно как и созданием общей теории языка, шире – коммуникации вообще во всей совокупности человеческой культуры. При этом специалисты исходят из понимания того, что конкретные культуры связаны с конкретными языками и взаимодействуют в определенных условиях.

Все сказанное, как представляется, свидетельствует о чрезвычайно большой изоморфности проблематики двух весьма близких научных дисциплин – *социолингвистики* и *этнолингвистики*. Дело доходит порой до того, что специалист, начав разговор, скажем, о социолингвистических вопросах, оказывается затем на «поле» этнолингвистики. И наоборот. В данном случае едва ли можно говорить об особых исследовательских погрешностях. Просто сам анализируемый предмет – язык – таков, универсален и разнообразен как этнолингвистически, так и функционально. Говоря о соотношении *социолингвистики* и *этнолингвистики*, можно утверждать, что их образно можно назвать *сестрами*, даже «*близняшками*», созревшими в утробе матери – лингвистики. Вспомним роль языкознания при зарождении этнологии и этнографии, при определении происхождения и родственных связей различных народов. Тут основным инструментом обычно выступало языковедение, но в формах, как бы мы сейчас сказали, этнолингвистики, а порой и социолингвистики (хотя самих этих терминов тогда еще не существовало). И сейчас многие проблемы, скажем, этнографии, решаются благодаря данным языкознания, а точнее этнолингвистики. Более того, само происхождение того или иного народа порой устанавливается благодаря данным языка, то есть этнолингвистики. Скажем, полсотни различных наций и народностей Кавказа обрели свое место в генеалогической классификации народов мира благодаря данным их языков. А ведь по многим параметрам (религиозным, расовым, количественным и иным) невозможно было бы решить проблему происхождения и принадлежности отдельных народов и их родственных групп к той или иной генетической семье, группе. Не зря две генеалогические классификации – народов и языков – совпадают не только по существу, но и почти полностью по названию.

Следует также отметить, что этнология и этнография, как научные дисциплины, широко используют данные этнолингвистики и при изучении многих других проблем культуры, верований, хозяйствования различных народов как в прошлом, так и в настоящем. При этом для исследователя не важно, относится данный языковой материал к этнолингвистике или социолингвистике. Вообще, к решению этого вопроса, как мне кажется, правильно подошел авторский коллектив указанного выше «Словаря социолингвистических терминов». Как отмечается в «Словаре», в него вносятся и знания других отраслей, но при этом в их определениях отмечается «социолингвистический акцент» [1, 13]. Этот принцип полностью подходит и для этнолингвистического словаря. Более того, что касается

общих с социолингвистическим словарем терминов, то для них подобная помета порой и не требуется. Все ясно из контекста, в котором используется термин в данном случае. В более широком понимании этнолингвистика тесно связана с «народоведением», то есть изучает язык в его отношении к культуре, взаимодействию языковых этнокультурных и этнопсихологических факторов в процессе функционирования и эволюции самого языка. Подобную проблематику в России впервые разрабатывали А. Н. Афанасьев, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня и некоторые другие. Отметим, что, как самостоятельное научное направление, этнолингвистика зародилась в США в XIX–XX вв. Она долгое время оспринималась как часть этнографии и была тесно связана с активным изучением многочисленных индейских племен Северной и Центральной Америки. Несколько новые традиции в этнолингвистике были заложены в первой четверти XX в. Ф. Боасом и его учениками. Одной из главных проблем при этом стало выявление генетического родства языков американских индейцев. Этим же позднее занимались Э. Сепир, С. Лэм, М. Сводеш и некоторые другие. Что касается нашей страны, то в 70–80 гг. прошлого столетия на азе более широкого понимания предмета этнолингвистики в области этнографии и фльклористики обнаруживаются новые взаимосвязи между языком и культурой. Этими проблемами активно занимался известный этнолог Н. И. Толстой со своими учениками и последователями.

6. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКА: СТАТУС, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Термин «функциональная социолингвистика» впервые был употреблен в работе [2]. Функциональная социолингвистика противопоставлена структурной социолингвистике: структурная социолингвистика изучает о т н о ш е н и я между социальной структурой общества и социальной дифференциацией языка, обслуживающего данное общество.

Функциональная социолингвистика изучает процессы: функционирование языка и изменения в функциональных свойствах языковых единиц в зависимости от социальных факторов. Структурная социолингвистика по своим задачам и методам исследования преимущественно «синхронична», функциональная — преимущественно «диахронична».

В компетенцию функциональной социолингвистики входит изучение следующих проблем.

1. **Проблема взаимодействия языков и языковых подсистем.** Здесь изучается во в за -и м о д е й с т в и е языков и языковых подсистем, обусловленное социальными факторами. В условиях многоязычного общества актуально исследование таких процессов, как контакты языков и их интерференция, динамика развития разных типов двуязычия (см. по этому поводу [7]) и нек. др. В условиях общества монолингвального — изучение актуальных для современного состояния языковых подсистем процессов размывания границ между ними, их взаимовлияния и взаимодействия:

границы между такими подсистемами, как литературный язык, территориальные диалекты, просторечие, социальные и профессиональные жаргоны, становятся менее жесткими, происходит «перетекание» языковых средств из одной подсистемы в другую, формирование промежуточных языковых образований типа интержаргона, полудиалекта, общего сленга и т. п. (подробнее об этом см. [8; 9]). Особое место в этих процессах занимает влияние на литературный язык некодифицированных подсистем, в частности жаргонизация литературной речи. С этим связана еще одна проблема.

2. Проблема социально обусловленных изменений литературной нормы.

Она должна рассматриваться в аспекте триады «система — норма — узус»: в узусе может присутствовать, с одной стороны, то, чего еще нет в норме (напр., до недавнего времени употребление слова *кофе* в форме среднего рода признавалось ненормативным, но такое употребление было широко представлено в узусе; ср. также нормативный и узуальный статусы словоформ множественного числа с ударными флексиями у существительных мужского рода типа *договор, инспектор: договора, инспектора* — наряду с традиционнорегулятивными *договоры, инспекторы* и т. п.); с другой стороны, узус допускает даже то, чего «не разрешает» языковая система (например, «незаконные» образования типа *тощакочья моча* — в языке медиков). В порождении подобных ненормативных и внесистемных фактов определяющую роль играют социально и профессионально ограниченные языковые идиомы: специальные подъязыки, профессиональные и социальные арготизмы и жаргоны (см. [4; 10; 11]).

3. Проблема вариативности языковых средств.

В традиционном языкознании эта проблема рассматривается главным образом в русле стилистики: изучается разная стилистическая окраска вариантов, их коммуникативные свойства, различная употребительность в функциональных разновидностях языка и т.д. В функциональной социолингвистике упор делается на р а с п р е д е л е н и и вариантов в социальных группах говорящих и на динамике их использования в различных условиях общения.

4. Проблема коммуникативного выбора языковых средств в разных условиях общения.

При изучении этой проблемы в качестве исходной позиции может приниматься схема коммуникативной ситуации Якобсона — Хаймса: 1) говорящий; 2) слушающий; 3) их отношения (официальные — нейтральные — дружеские); 4) цель общения; 5) тема; 6) средства (языки, диалекты, стили); 7) способ общения (устный — письменный, контактный — дистантный). Составляющие эту схему переменные могут принимать разные значения, что позволяет строить типологию коммуникативных ситуаций, основным свойством которой является обусловленность выбора языковых средств и способов общения в зависимости от типа ситуации (один из примеров построения такой типологии см. в [12]).

К сфере функциональной социолингвистики относятся также:

— **проблема языковой социализации человека** (в разной социальной среде она различна: ср., например, социализацию ребенка в рабочей среде и в среде

интеллигентской; см. в связи с этим работу [1], где исследуются процессы речевого общения с детьми в разных социальных и ситуативных условиях);

— **проблема последовательного** (распределенного во времени) **и одновременного вхождения говорящего в разные малые социальные группы**, языковая и коммуникативная адаптация в каждой из них и связанная с этим

— **проблема кодовых переключений** при общении в разных группах: ср., например, общение подростка в семье — и в игровой группе сверстников, общение людей в профессионально однородной среде — и за пределами профессиональной группы и т. д.;

— **создание социально-речевых портретов** (см. об этом [3; 5; 6; 9: часть IV]) и ряд других проблем.

Перечисленное — лишь п р и м е р ы проблем, относящихся к компетенции функциональной социолингвистики (правда, как кажется, наиболее характерных). Выявление полного перечня этих проблем и хотя бы краткая их характеристика — самостоятельная задача, на решение которой данная статья не претендует. Очевидно, что исследование проблем, подобных тем, что названы выше, средствами «чистой» лингвистики малопродуктивно. Необходимо привлечение средств и методов социолингвистики.

7. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В РОССИИ

Языковая ситуация в любой стране определяется рядом количественных, качественных и аксиологических характеристик. Для степени присутствия в ней иностранных языков наиболее важным является такой качественный показатель, как характер доминирующего в стране идиома (местный или импортированный). Если в стране доминирует импортированный идиом, то очевидно его широкое распространение в значительном числе коммуникативных сфер. Если же доминирует местный идиом, то количество сфер, где присутствует иностранный язык, будет гораздо более ограниченным. В РФ доминирующим и в демографическом, и в функциональном, и в аксиологическом отношениях является русский язык. Он обеспечивал и обеспечивает все внутренние, а также частично внешние коммуникативные потребности государства, что определяет достаточно периферийное положение иностранных языков в языковой ситуации России. Особенно отчетливо это проявлялось в советское время. Советский Союз, частью которого являлась Россия, был, как известно, закрытым обществом, поэтому контакты основной массы населения с внешним миром практически были сведены к нулю. Некоторое исключение составляли страны соцлагеря, но там кроме ГДР были представлены достаточно редкие языки, которые не имели распространения за пределами этих стран. Кроме того, во всех этих странах интенсивно распространялся русский язык, который в случае необходимости и должен был служить языком-посредником между жителями

этих стран и населением СССР. Конечно, иностранные языки изучались в учебных заведениях, начиная от средней школы и кончая вузами. Но учащиеся приобретали там ограниченные и в основном пассивные знания иностранных языков, которые могли пригодиться в жизни, разве что только узкому кругу исследователей для чтения специальной литературы.

По существу активные знания иностранных языков были необходимы лишь дипломатам и работникам различных внешнеторговых организаций, профессиональным переводчикам, а также преподавателям языковых вузов. Очевидно, что в такой ситуации иностранные языки не играли сколько-нибудь существенной роли в языковой ситуации России.

Тем не менее, они в ней присутствовали и поэтому небезынтересен вопрос — какие именно. Следует сказать, что распространение в любой стране того или иного иностранного языка обусловлено целым рядом факторов — историческими традициями, политическими, экономическими и культурными связями страны, ролью языка на международной арене в целом и в конкретном регионе, в частности, и многими другими. Если обратиться к истории функционирования иностранных языков в России, то в разные исторические периоды здесь превалировали сначала немецкий, затем французский языки. В конце XIX в. сложилось определенное распределение иностранных языков между различными слоями общества. Аристократия в основном владела французским языком, а интеллигенция — немецким. В этих социальных группах также было достаточно распространено многоязычие. В первой половине XX в. наибольшее распространение в России имел немецкий язык, за ним следовал французский. Это объяснялось, по-видимому, историческими традициями, политическими факторами, а в конце 1930-х гг., возможно, и осознанием неизбежности войны с Германией. После Второй мировой войны ситуация в мире кардинальным образом изменилась.

Начался процесс глобализации, в основе которого лежит, прежде всего, англо-американская модель общества, его политического устройства, экономики и культуры, цивилизационного и бытового уклада [3: 148]. Языковым следствием этого процесса явилось все более широкое распространение английского языка. Если раньше крупные, функционально развитые языки как бы делили между собой мировое лингвистическое пространство, выступая в качестве основных иностранных языков в различных регионах мира (например, французский был широко распространен в романском ареале, а также многочисленных французских колониях, немецкий — в скандинавских странах, Венгрии, Голландии, Польше и некоторых других странах), то теперь все они начали сдавать свои позиции под натиском английского языка.

Надо сказать, что Советский Союз в целом и Россия как его составная часть в определенной степени находились в стороне от этого процесса. Образовавшееся после войны социалистическое содружество во главе с СССР в идеологическом, военном и экономическом отношении противостояло западному миру. На лингвистическом уровне это содружество

было объединено русским языком, который по идее должен был занимать в нем ту же позицию, что английский язык в странах западного блока. Но широкое распространение английского языка в мире определенным образом затронуло и Советский Союз. Естественно, что он не мог поколебать здесь позиции русского языка ни в одной из традиционно занимаемых им сфер, однако, началось довольно интенсивное перераспределение иностранных языков на этой территории. Демографическая база английского языка начинает расти за счет сокращения демографической мощности других иностранных языков.

Английский язык постепенно занимает доминирующее положение в сферах среднего и высшего образования, вытесняя из них немецкий и французский языки. Он расширяет свое присутствие, насколько это было возможно в тот период, и в сфере науки частично за счет позиций других иностранных языков. Причем это происходит под влиянием как объективных факторов, например, увеличения поступающей в страну научной литературы на английском языке, так и субъективных установок, например, если раньше резюме в научных журналах публиковались в некоторых случаях на французском или немецком языке, то постепенно в этом качестве стал использоваться только английский. С другой стороны, хотя и достаточно медленно, но все-таки осуществляется интенсификация научных связей с внешним миром, где в данной сфере английский язык уже прочно занял доминирующую позицию, что также стимулирует использование английского языка [4].

При этом необходимо отметить, что бытование английского языка в тот период в советской науке было направлено главным образом вовне — на презентацию достижений советской науки на международной арене и не оказывало практически никакого влияния на позиции русского языка.

Надо сказать, что в какой-то момент в стране произошло определенное усиление позиций немецкого языка. Обусловлено это было широкими политическими, экономическими и культурными контактами с ГДР — одной из стран социалистического содружества. Школьники и студенты, изучавшие немецкий язык, имели возможность ездить в

ГДР в составе групп по школьному и студенческому обмену, советские студенты могли учиться в ГДР. Разрабатывалось много совместных научно-исследовательских и экономических проектов. Конечно, рабочим языком там обычно был русский, но специалисты, знающие немецкий язык, все-таки имели при отборе кандидатов определенные преференции. В страну поступало большое количество литературы на немецком языке. И, наконец, группе советских войск на территории ГДР постоянно требовалось значительное количество переводчиков.

Однако в начале 1990-х гг. ситуация коренным образом изменилась. Советский Союз развалился. Россия стала открытым обществом и в полной мере включилась в процесс глобализации. Английский язык еще более упрочил свои позиции. Тем не менее, нельзя сказать, что он полностью воцарился в России. Наряду с английским в стране продолжают

функционировать другие иностранные языки, причем их представленность отражает общую языковую картину современной Европы, с которой Россия в силу своего географического положения и исторического прошлого имеет тесные контакты. По данным Евробарометра наиболее распространенным языком в Европе является английский. Кроме 13% жителей ЕС, считающих его родным, в качестве иностранного им владеет 38% граждан сообщества. Таким образом, в совокупности по-английски в этом регионе говорит более 50% населения. На втором месте — немецкий язык. Так же как и французский, его знает в качестве иностранного языка 14% европейцев. Но как родным им владеет больше граждан ЕС. Судя по различным статистическим данным, именно в данной последовательности располагаются эти три языка и в РФ. Приведем сейчас лишь данные о владении жителями страны различными иностранными языками, представленные в Переписи населения 2002 г. Здесь абсолютно лидирует английский язык — 6955315 чел., или 4,8%. На втором месте находится немецкий язык — 2895147 чел., или 2%. Третью позицию занимает французский — 705217 чел., или 0,5%. С учетом этого обстоятельства в дальнейшем мы сосредоточим свое внимание главным образом на этих языках.

В принципе в стране, где доминирующим идиомом является местный язык, иностранные языки могут быть представлены в следующих сферах: а) государственные, межправительственные контакты, участие в работе международных организаций и т. п.; б) образование; в) наука; г) бизнес. Рассмотрим более подробно каждую из них.

Международная деятельность. По мнению исследователей, в европейских международных организациях (как, впрочем, и во всемирных) безусловно, наиболее значимым является английский язык. Следом за ним идет французский. Позиции немецкого языка были до недавнего времени гораздо более слабыми. И хотя с конца 1980-х г. г. они начали постепенно укрепляться, например, с апреля 1990 г. все заявления европейских комиссий для прессы публикуются помимо английского и французского, и на немецком языке, тем не менее, до сих пор фактического выравнивания функционирования этих трех языков не произошло [1: 102–103]. Однако такая ситуация мало влияет на положение, как немецкого, так и французского языков в РФ. Дело в том, что согласно дипломатическому протоколу все переговоры между государственными деятелями и делегациями высокого ранга всегда ведутся на родных языках их участников с использованием квалифицированных переводчиков. Это же относится к многосторонним заседаниям международных организаций, комиссий и т. п. Работа же различных служб — секретариатов и т. п. проходит на английском языке. В этом плане даже французский язык уже в значительной степени утратил функцию языка дипломатии. Интересно отметить, что в СССР, а позже и в РФ, фамилии граждан в заграничных паспортах всегда транслитерировались в соответствии с французской орфографией, но с середины 1990-х гг. их стали писать на английский манер.

Сфера образования. Эта сфера является как бы вторичной, но очень показательной.

Если есть желающие изучать язык, его будут преподавать. Конечно, здесь наблюдается определенная инерционность. Требуется время на подготовку преподавателей, обеспечение учебниками и т. п. Однако данные по этой сфере все-таки достаточно показательны и интересны. По данным Федерального агентства по образованию РФ, в 2007 г. английский язык изучали 8849401 школьник, немецкий — 1867446 школьников, французский — 464735 школьников, 72723 школьника изучали другие иностранные языки. Как мы видим, количество детей, изучающих английский язык, более чем в 4,7 раза превышает число изучающих немецкий. Перевес немецкого языка над французским, который занимает третье место, тоже значителен (четыре раза). Еще больший разрыв наблюдается между количеством школ с углубленным изучением рассматриваемых иностранных языков (а именно в них дети действительно могут активно овладеть иностранными языками в отличие от обычных школ, где уровень преподавания иностранных языков, как известно, оставляет желать лучшего). В стране в указанный год существовало 1954 такие специализированные школы. В 979 из них углубленно изучали английский язык, в 184 — немецкий, в 88 — французский, в 22 — другие европейские языки, а в 14 — восточные языки. Таким образом, количество школ с английским языком превышает число немецких в 5,4 раза, а немецких школ в два раза больше, чем французских. Есть еще один негативный момент для немецкого и французского языков. Дело в том, что школы с преподаванием этих языков сосредоточены в основном в малых городах и сельской местности, и дети изучают эти языки не потому, что они их интересуют, а потому, что некому преподавать английский язык. Часто по сходным мотивам дети в крупных городах посещают немецкие и французские спецшколы. Мы опросили родителей одной из немецкой спецшколы г. Москвы. Только 10% опрошенных сказали, что выбрали эту школу, поскольку английский язык теперь знают все, а знание немецкого может дать им дополнительные социальные шансы в жизни. Большинство мотивировало свой выбор тем, что общий уровень образования и социальное окружение в специализированных школах лучше, чем в обычных, а устроить ребенка в немецкую школу гораздо легче, чем в английскую. Характерно также, что все опрошенные в качестве дополнительного положительного момента указали на то, что в школе в качестве второго иностранного языка на достаточно высоком уровне преподается английский.

Распределение студентов, изучающих английский, немецкий и французский языки в специализированных вузах, аналогично тому, которое наблюдается в школах. Это вполне объяснимо, поскольку основное количество выпускников затем работает в школах. Если нет потребности в преподавателях того или иного языка, то не имеет смысла их готовить.

В Московском государственном университете нами были получены следующие данные: на пяти курсах педагогического факультета

функционируют 66 групп английского языка, 26 групп немецкого и 18 групп французского языка. На переводческом факультете превалирование английского языка также является существенным, однако, здесь количество французских групп несколько больше, чем немецких: групп с английским языком — 26, с немецким — 12, с французским — 14. Все студенты, изучающие в качестве первого не английский, а другие иностранные языки, в качестве второго обязательно учат английский язык, причем многие из них в дальнейшем трудоустраиваются именно с английским языком.

Очень показательными, на наш взгляд, являются данные об изучении иностранных языков на различных платных языковых курсах. Ясно, что никто не выбирает такие курсы под влиянием обстоятельств. Человек платит деньги только за то, что ему действительно нужно. Так, по данным исследования компании «Технологии Роста» английский язык является абсолютным лидером по количеству желающих изучить его на платной основе россиян. Программы английского языка предлагают все коммерческие курсы и языковые школы, за исключением центров при посольствах неанглоязычных стран. Набрать группы по изучению английского языка, как в Москве, так и в любом другом городе РФ, даже с учетом разного уровня слушателей, намного проще, чем по любому другому языку. Очевидно, именно по этой причине около 30% курсов преподают только английский язык.

Вторым по популярности идет немецкий язык. Его предлагают около 63% платных курсов. Однако этим предложением готово воспользоваться не более 10% всех слушателей. 58% лингвистических центров также обучают французскому языку. Почти половина коммерческих школ имеет преподавателей и программы для изучения итальянского и испанского языков. 10 и более языков предлагает всего 7% языковых школ России (РБК daily 13.03.09).

Сфера науки. Надо сказать, что именно в данной сфере распространение английского языка в XX в. было особенно впечатляющим (см. данные об этом [7]). Он все больше вытесняет немецкий, французский и другие развитые литературные языки из сфер естественных и технических наук. Гуманитарии продолжают достаточно широко использовать родные языки, поскольку они в большей степени привязаны к национальному менталитету. Естественно, что зарубежные специалисты, изучающие историю, литературу, философию и другие отрасли гуманитарного знания пользуются в первую очередь литера-

турой на этих языках. Позиции русского языка во всех отраслях знания продолжают оставаться устойчивыми, однако, в качестве иностранного языка английский, бесспорно, занимает здесь первое место [4]. Причем касается это не только сферы в целом, но и его реального положения в социально-коммуникативных системах российских ученых — представителей естественных и технических наук [5]. Что же касается соотношения английского, немецкого и французского языков в сфере российской науки, то об этом достаточно красноречиво свидетельствуют цифры, которые мы

приведем ниже. К сожалению, в крупнейшей библиотеке страны — Российской государственной библиотеке нет статистики, учитывающей, на каких языках туда поступает литература. Установить это самостоятельно путем анализа каталогов, естественно, невозможно ввиду гигантского объема информации. Но нам удалось получить данные по периодическим изданиям. В 2008 г. в библиотеку поступило 1455 наименований журналов по всем отраслям знания на английском языке, 400—на немецком и 217 —на французском. Анализ материалов, полученных и отреферированных Всероссийским институтом научной и технической информации за десять месяцев 2009 г., показал, что количество документов на английском языке составило 292318 единиц, на немецком —28604 единицы, на французском — 3647 единиц.

О том, каково место анализируемых нами языков в гуманитарных науках, позволяют в определенной степени судить данные о поступлении в 2009 г. литературы в Институт информации по общественным наукам РАН. За десять месяцев туда поступило 5039 книг на английском языке, 593 —на немецком и 896 —на французском. За тот же период Институт получил 686 наименований журналов на английском языке, 127 —на немецком и 106—на французском. Таким образом, и здесь английский впереди, причем со значительным разрывом, определенные колебания наблюдаются лишь в распределении позиций немецкого и французского языков.

Если говорить о будущем немецкого и французского языков в этой сфере в РФ, то оно определится, по-видимому, отношением немецкоязычного и франкоязычного сообществ к присутствию своих языков в сфере науки. А оно весьма различно. Немецкое научное сообщество (а именно оно занимает ведущее положение среди немецкоговорящих ученых) мало озабочено укреплением позиций немецкого языка в данной сфере общения, на что, в частности, указывают сами немецкие исследователи [8: 309–310]. Большинство ученых, особенно уроженцев Западной Германии, хорошо владеют английским языком и широко пользуются им в профессиональном общении. Причем это касается даже представителей гуманитарных отраслей знания. Так, например, на Всемирном конгрессе социологов, который состоялся в 1994 г. в г. Билефельде, немецкого языка не было среди рабочих. Характерно, что на следующем конгрессе, который проходил в Канаде, французский язык в качестве рабочего, конечно, присутствовал. На различных международных конференциях и симпозиумах по естественным и техническим наукам, проводимых в Германии, использование только одного языка —английского является обычной практикой. В то же время во Франции согласно закону 1994 г. «Об использовании французского языка» участник любой научной конференции, проводимой в этой стране, имеет право прочитать свой доклад на французском языке. Стремясь усилить представленность французского языка на всех международных конференциях, которые проходят в стране, правительство Франции создало специальную структуру содействия синхронному переводу [2: 325]. Интересно, что в первый вариант закона Тубона было включено положение,

согласно которому государственные фонды могли предоставлять стипендии для научной

работы только в том случае, если ее результаты будут опубликованы на французском языке. Однако эта мера была объявлена антиконституционной и поэтому была отменена [6: 337–338]. Тем не менее, при выделении грантов на научно-исследовательские стажировки во Франции одним из основных требований к претендентам является хорошее знание французского языка. Так, из всех многочисленных предложений, опубликованных на сайте посольства Франции в РФ, лишь в двух такое требование не выдвигалось (было достаточно знания английского языка).

Совершенно иначе обстоит дело с немецким языком. Например, соискатели стипендий Германской службы академических обменов (DAAD) по большинству программ должны владеть немецким или английским языком, причем в некоторых программах английский стоит на первом месте. Хорошее знание немецкого языка требуется только от соискателей по специальностям актерское мастерство и режиссура, гуманитариев, специализирующихся по германистике, и медиков, которые будут работать с пациентами.

Очевидно, что при таком подходе у иностранных ученых нет особого стимула для изучения немецкого языка.

Сфера бизнеса является весьма значимой для функционирования иностранного языка в стране. Здесь также, безусловно, превалирует английский язык, который является основным языком общения не только в работающих в России фирмах из США, Великобритании и других англофонных стран, но и в многочисленных зарубежных компаниях из других стран, причем даже тех, чьи языки являются высоко развитыми и распространенными. Как известно, экономика ФРГ является наиболее мощной в Европе, а сама Германия — крупнейшим европейским экономическим партнером России. Так, в 2008 г. в РФ работало более 4600 предприятий и фирм с немецким участием. В декабре 2007 г. была даже создана Немецко-российская торгово-промышленная палата. Однако такой размах экономического сотрудничества не влечет за собой автоматически аналогичное по масштабам расширение присутствия немецкого языка. Дело в том, что немецкие бизнесмены, так же как ученые, как правило, хорошо владеют английским языком и охотно пользуются им в деловом общении. Причем даже в тех случаях, когда их партнеры не говорят ни по-немецки, ни по-английски немцы зачастую предпочитают пользоваться услугами переводчиков с английского, хотя в стране более чем достаточно переводчиков с немецкого [1:102–103]. Сходную тенденцию можно наблюдать и в квалификационных требованиях к специалистам, приглашаемым на работу в немецкие компании. Конечно, сказанное не означает, что переводчики немецкого языка вообще сидят без работы, и немецкий язык совершенно не востребован. Если расположить сферы общения по трем иерархично расположенным уровням: верхний — официальные переговоры между парламентскими, правительственными, административно-управленческими и

т. п. структурами, средний — коммуникативная деятельность внутри различных немецких фирм, представительств и т. п., нижний — коммуникативная деятельность в сфере конкретного производства (управленческий и инженерный персонал, службы технического контроля и т. п.), то на первом и третьем уровнях господствует немецкий язык. На втором уровне ситуация неоднозначна. Если речь идет о крупных компаниях, имеющих широкие международные контакты, то в них основным средством общения является английский, в фирмах, работающих только на внутреннем российском рынке, используются как английский, так и немецкий языки.

Французская экономика занимает в Европе второе место после немецкой. Но ее представленность в России по сравнению с немецкой является гораздо более скромной (около 440 предприятий и фирм). Однако в последние годы французское правительство и бизнес предпринимают значительные усилия, направленные на расширение экономических связей с Россией. По-видимому, присутствие французских предприятий и фирм на российском пространстве будет увеличиваться. Но трудно сказать, будет ли это усиливать позиции французского языка. Дело в том, что хотя французы гораздо в большей степени, чем немцы, озабочены сохранением и укреплением позиций родного языка в мире, в сфере бизнеса на первый план все-таки выходят коммерческие интересы. Не случайно закон Тубона не регламентирует использование языков в сфере бизнеса [6: 337–338]. Следует отметить, что французские предприниматели в целом владеют английским языком гораздо хуже, чем немецкие. Тем не менее, ситуация с использованием английского и родного языков в различных сферах бизнеса во многом аналогична той, которая существует в немецких компаниях и учреждениях. Единственной особенностью, по мнению опрошенных нами служащих, является то, что помощник руководителя должен непременно владеть французским языком.

Резюмируя сказанное, можно сделать следующие выводы: 1) в настоящее время английский занимает доминирующее положение во всех сферах функционирования иностранных языков в РФ; 2) существует потенциал дальнейшего расширения и укрепления его позиций; 3) немецкий и французский языки не в состоянии конкурировать с английским языком; 4) в настоящее время позиции немецкого языка несколько более устойчивы, чем французского; 5) в ближайшем будущем, по-видимому, именно между этими языками будет идти борьба за место второго по степени распространенности иностранного языка в России.

8. РУССКИЙ ЯЗЫК НА УКРАИНЕ:

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

По данным Всеукраинской переписи населения 2001 года на Украине насчитывается 8,3 млн. этнических русских (17,3% населения). Однако граждан, для которых русский язык является родным, значительно больше. Это косвенно подтверждают данные мониторингов, регулярно проводимых с 1992 г. Институтом социологии АН Украины. Так, на вопрос о языке

общения в семье были получены следующие ответы: только на украинском общаются — 36,9% (1992) и 38,0% (2006); только на русском — 29,1% (1992) и 39,2% (2006). Как видим, на Украине давно сложилась и сохраняется ситуация [1] использования двух языков во всех сферах жизнедеятельности. На Украине основными законами в этой сфере являются Конституция Украины (1996), Закон «О языках» (1989) и Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств, ратифицированная Верховной Радой Украины в 2003 г. и депонированная в Совете Европы в 2005 г. В соответствии со статьей 19 Хартии этот международный договор вступил в силу в Украине 1 января 2006 г.

В 10-й статье Конституции Украины речь идет не только о том, что «государственным языком в Украине является украинский язык», но и о том, что «в Украине гарантируется свободное развитие, использование и защита русского, других языков национальных меньшинств Украины. Государство оказывает содействие изучению языков международного общения», о чем наша власть хотя и помнит, но тем не менее нарушает Конституцию в этой ее части, препятствуя развитию русского языка и его свободному использованию. Об этом свидетельствуют новые Законы Украины «О рекламе», «О судопроизводстве» и др., которыми не предусматривается использование русского языка в этих сферах.

Наиболее важными сферами жизни общества являются, как известно, обучение, массовая коммуникация, наука и производство, обслуживание, судопроизводство, административная и социально-политическая деятельность. Если определять регулируемые государством функции русского языка в Украине, исходя из Закона «О языках» (1989), то следует отметить, что во всех перечисленных областях жизни общества русский язык функционирует наряду с государственным. Так, например, в статье 27 Закона «О языках» отмечается, что «изучение во всех общеобразовательных школах украинского и русского языков является обязательным», согласно статье 30 «Язык в сфере науки», «в Украине результаты научно-исследовательских работ оформляются на русском или украинском языках», в соответствии со статьей 29 «абитуриенты — граждане Украины, поступающие в высшие и средние специальные заведения в группы с русским языком обучения, сдают вступительный экзамен по русскому языку».

Можно называть и другие статьи Закона «О языках», фиксирующие равноправное функционирование русского языка наряду с украинским (государственным). Однако в действительности абсолютно все статьи названного закона не просто нарушаются органами исполнительной власти на всех её уровнях, а практически игнорируются. Из всех регулируемых государством сфер жизнедеятельности русский язык полностью вытеснен либо принятием новых законов, в которых закреплено использование в этих областях исключительно государственного языка, либо введением внутриведомственных инструкций. Так, по данным депутата Верховной Рады Украины, председателя Всеукраинского Совета российских

соотечественников В. В. Колесниченко, за 15 лет независимости на Украине принято 43 закона и около 100 нормативно-правовых актов, ограничивающих использование русского языка, языков национальных меньшинств (перечень законов и динамика их принятия представлены в таблицах в статье В. В. Колесниченко) [4]. Или, например, Меморандум Национального совета по телевидению с руководителями частных телевизионных каналов об обязательном дублировании с 1 января 2006 г. на украинский язык всей русскоязычной телепродукции (при этом владельцы телеканалов знают, что нарушителям Меморандума грозит лишение лицензии на вещание — прецеденты уже есть).

Особенно остро противостояние государства и русскоязычного населения проявилось в сфере образования. По данным Государственного комитета статистики Украины, в 1989/90 уч. году насчитывалось 4633 школы с русским языком обучения; к 2006/07 уч. году их осталось 1305 (см. статистические данные В. В. Колесниченко [4]); по данным Министерства образования и науки Украины, их — 1411. Расхождение в цифрах объясняется тем, что некоторые школы продолжают числиться как школы с русским языком обучения, но фактически учебный процесс за исключением последних одного или двух

старших классов идет уже на украинском языке. В Киеве на 2006/07 уч. год из 552 средних учебных заведений осталось только шесть школ с русским языком обучения (при том, что столица Украины была и остается преимущественно русскоязычным городом — ср. с приведенными выше данными социологических опросов по Киеву).

Ускоренных темпов вытеснение русского языка из образовательного пространства достигло после Постановления Кабинета Министров Украины № 998 от 17 сентября 1997 г., вслед за принятием которого Министерство образования и науки поставило задачу: число школ с русским языком обучения должно уменьшаться на 2% в год. При выборе языка школьного обучения мнение родителей полностью игнорируется, что является нарушением статьи 25 Закона «О языках» и статьи 53 Конституции Украины, в которой «гарантируется право обучения на родном языке либо на изучение родного языка в государственных и коммунальных учебных заведениях». В шести из 25 областей, судя по официальной статистике, обучение на русском языке не осуществляется вообще.

Не менее важной проблемой, связанной с образовательной сферой Украины, является то, что русский язык не входит в обязательную, инвариантную, составляющую типового учебного плана начальной и средней школы с украинским языком обучения. Статистика не дает ответа на вопрос, в каком количестве школ родителям отказано в их законном праве дать своему ребенку знание русского языка. Только в Киеве русский язык не преподают даже факультативно в 91 школе с украинским языком обучения, игнорируя при этом желание родителей. Уже выросло поколение молодых людей, которые не владеют письменной формой родного языка. (Напомню, что согласно статье 27 Закона «О языках» изучение русского языка, как и

украинского, во всех общеобразовательных школах является обязательным.) Не менее печальная участь постигла русскую литературу, которая перестала существовать как самостоятельная учебная дисциплина, войдя скромной частью в состав курса мировой литературы (18% от общего числа часов). Естественное неприятие родителей вызывает и тот факт, что их русскоязычные дети изучают произведения всемирно известных русских классиков в переводе на украинский язык. В этой связи нельзя не отметить, что проведенные в 2007 г. Институтом социологии Академии наук опросы по всем регионам Украины свидетельствуют о желании родителей, чтобы их дети (внуки) изучали русский язык (среди опрошенных таковых более 82,0% [5]). Не лучшим образом обстоит дело и с использованием русского языка в сфере науки: тексты диссертационных исследований, как и авторефераты, принимаются ВАК Украины исключительно на украинском языке.

Вытеснение русского языка из традиционных для него сфер функционирования: официально-деловой, судебной, административной, официально-политической — наблюдается повсеместно. Особенно болезненно воспринимается русскоязычными гражданами дерусификация культуры и телерадиокоммуникации, что существенным образом нарушает их право на получение информации на родном языке. Таким образом, можно утверждать, что после обретения Украиной независимости и появления ее на геополитической карте мира как самостоятельного государства Закон «О языках» стал стремительно перемещаться из реального правового поля в виртуальное, превратившись в миф, который тем не менее декларативно используется властью для ответов перед Советом Европы. К сожалению, не действует не только Закон «О языках», но и Конституция Украины в той ее части, где «гарантируется свободное развитие, использование и защита русского, других языков национальных меньшинств Украины» (статья 10, часть 2).

Как уже отмечалось, 1 января 2006 г. Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств, пройдя все необходимые процедуры, стала частью национального законодательства (согласно части 1 статьи 9 Конституции Украины и части 1 статьи 19 Закона «О международных договорах Украины»). Однако уже сейчас можно сказать, что данный Закон противоречит части 3 статьи 22 Конституции Украины, согласно которому «при принятии новых законов или внесении изменений к действующим законам не допускается сужения содержания и объема действующих прав и свобод», а закон по Хартии существенным образом сужает правовое поле русского языка (в сравнении с действующим Законом «О языках»), обеспечивая ему поддержку на уровне болгарского (0,4% населения), гагаузского (0,1%), крымско-татарского (0,5%), немецкого (0,1%), румынского (0,3%), венгерского (0,3%) и др. (всего 13 языков). Однако украинский закон противоречит Духу и Букве самой Европейской Хартии и интересам языковых групп в Украине (в том числе — и русскоязычной), согласно которым обязательства государства по защите языка нацменьшинств должны быть тем большими, чем больше численность

представителей той или иной языковой группы [2]. Заметим, что по данным переписи населения Украины 2001 г., русский язык, кроме 17,3% этнических русских, считают родным 88,5% греков, проживающих в Украине, 83% евреев, 64% немцев, 62,5% белорусов, 58,7% татар, 54,4% грузин, 14% украинцев. Эти данные убедительно свидетельствуют о том, что русский язык по распространенности не уступает украинскому языку, а потому статус его в правовом поле государства должен быть равным украинскому. Это подтверждают и данные опроса, проведенного с 18 по 27 марта 2005 г. киевским Институтом социологии по заказу Центра стратегического планирования: 58,1% граждан согласны с тем, что русский язык должен иметь статус государственного наравне с украинским. Наибольшую поддержку русский язык получил в восточном и южном регионах, где в его пользу высказались 93% и 80% граждан, соответственно. По данным социологического опроса Киевского центра политических исследований и конфликтологии, более 80% населения считают необходимым повысить статус русского языка, 64% выступают за признание русского языка вторым государственным [3].

Нежелание представителей законодательной и исполнительной власти выстраивать отношения государства со своими гражданами по европейским демократическим стандартам, беспрецедентная, стремительная и волюнтаристская дерусификация страны создают постоянное давление на русских и русскоязычных граждан, формируют у них комплекс неполноценности (ср. привычно звучавшее до недавних времен в теле- и радиоэфире: «Извините, я буду говорить по-русски»). Циничное, противоречащее всем европейским нормам, тотальное невыполнение исполнительной властью Конституции и Закона «О языках» стало одной из причин, расколовших общество в ходе президентских выборов.

В 2007 г., по истечении первого года действия Европейской Хартии на Украине, государство впервые подало официальный отчет Совету Европы по выполнению своих обязательств. На что рассчитывает Министерство юстиции, подготовив «Первый периодический доклад Украины о выполнении Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств»? [6]. На то, что эксперты Директората Европейской Хартии не знают текста Хартии? Уже на первых страницах официального документа представлены мифы, которыми пичкали общество начиная с 2005 г.:

1) неправильный официальный перевод текста на украинский язык, который, по мнению чиновников Минюста, «объективно способствовал возникновению ряда острых проблем юридического, политического и экономического характера»;

2) искаженное понимание объекта и цели Хартии (по мнению Минюста, объектом Хартии является защита языков, которым угрожает исчезновение как этнокультурного явления, а не языковых прав национальных меньшинств, которые проживают «в определенных регионах государства»).

Одним словом, Закон Украины «Про ратификацию Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств» требует немедленного

пересмотра, в связи с чем Министерством юстиции сделан новый перевод и подготовлен новый законопроект, в который внесены дополнительно в число охраняемых государством языков армянский, караимский и ромский. Причем степень защиты русского языка остается такой же мизерной, как и гагаузского, то есть в рамках базового режима защиты. В то же время в новом законопроекте предусмотрены специальные защитные меры (статья 5) по отношению к государственному языку в тех частях территории Украины, где он менее широко используется (из-за известных исторических обстоятельств и, по мнению чиновников, фактических искусственных ограничений, которые существуют сегодня). В этом документе Минюст вводит в официальный оборот новый термин «язык гражданства» и видит в Хартии не защиту языковых меньшинств, а «дополнительные возможности для изучения языка своего гражданства широкими слоями населения Украины».

Мы рассмотрели основные болевые точки, связанные с языковыми проблемами в государстве. Каковы же перспективы в функционировании русского языка? Думается, не очень радостные. Дерусификация набирает темпы. Знаковым можно считать Указ Президента Украины № 244/2008 от 23.03.2008 г. «О дополнительных мерах по повышению качества образования в Украине», в соответствии с которым правительство должно за два месяца рассмотреть вопрос введения в школах с обучением на языке нацменьшинств факультативных занятий и изучение отдельных предметов на украинском языке, введение бесплатного получения второго высшего образования по специальности «украинский язык и литература» педагогическими работниками таких школ. А если учесть, что педагогические университеты переведены на украинский язык обучения еще в 90-х гг. и учителей-предметников для русских школ не готовит ни один вуз, то вывод напрашивается один: если не принять сейчас срочных мер, школы с русским языком обучения могут перестать существовать вообще.

9. О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В КАЗАХСТАНЕ

(К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВЫХ КУЛЬТУРАХ И ЯЗЫКОВЫХ СУБКУЛЬТУРАХ)

Проблема лингвистического статуса русского языка в странах СНГ (в том числе и в Казахстане) не может быть решена без глубокого осмысления исходных теоретических категорий социолингвистики, прежде всего тех, которые связаны с формированием в определенных социумах этнического и культурного двуязычия. Языковая ситуация в Казахстане характеризуется высоким уровнем этнического и культурного двуязычия и многоязычия. Эти два явления при всех их различиях (см. об этом, в частности, [2: 168–171]) имеют глубокие этнокультурные корни, установить и понять которые можно с помощью категории языковой культуры и языковой субкультуры.

Как известно, в прототипическом смысле культура связана с деятельностью человека, с его сознательным вмешательством в естественное (природное) состояние чего-либо.

Культура, следовательно, — это то, что возделано и обработано человеком, это своего рода результат приложения сил к чему-либо естественному, природному, ставшему данностью и живущему своей жизнью. Подобная биологическая (прототипическая) метафора действительна и по отношению к языку, т. е. его (язык) также можно возделывать и совершенствовать (ср.: *работать над своим языком, совершенствовать свой язык, обогащать свой язык* и т. п.). Языковая культура, таким образом, входит в общий ряд видов человеческой деятельности, т. е. в ряд приобретаемых человеком поведенческих навыков.

В таком случае язык — это один из природных объектов, который дан человеку «поумолчанию», т. е. это естественный объект, «природный» материал. «Возделав», обработав язык, человек отдает себя во власть созданной им речевой и поведенческой культуры, вследствие чего он становится членом этой языковой среды; и благодаря этому человек идентифицирует себя и других членов определенного языкового социума. Поэтому понятие «языковая культура» может быть истолковано двояко.

1. В биолого-феноменологическом смысле языковая культура — это созданное человеческим сообществом в пределах одного или нескольких языков социальнокультурное пространство, определяющее черты речевого поведения всех членов данного социума (обычно этот аспект языковой культуры определяют как свойство образцовых текстов, а также выразительные и смысловые возможности языка вообще). В данном случае языковая культура как категория лингвистики характеризует язык, рассматриваемый в качестве объективного явления; ср.: *в русской языковой культуре, в языковой культуре (практике) англичан, разработанная языковая культура* и т. п.

2. Языковая культура — это способность использовать возможности языка и следовать его нормам и узусу в конкретных актах и ситуациях вербального и невербального общения (в русской лингвистической традиции здесь обычно используют понятие «культура речи»). Этот аспект относится не к языку как данности, а к человеку или социуму; ср.: *высокая (низкая) культура речи, надо работать над культурой своей речи* и т. п.

Естественно, эти два аспекта понятия языковой культуры взаимосвязаны. Вместе с тем их часто отождествляют, говоря, к примеру, о том, что русский язык стал таким-то (обычно плохим) в тот или иной период; ср.: *«необходимо объявить войну постсоветскому новоязу»* и т. п. Второй аспект языковой культуры непосредственно связан с другими явлениями и проблемами языка, в частности, с такими, как норма (нормализация) и кодификация языка, стили языка (функциональная стилистика), воздействующая сила языка (риторика и лингвистическая прагматика, теория речевых актов), функционирование языка в определенном социуме (социолингвистика), исторические изменения

в языке (например, «история русского литературного языка») и некоторые др.

Как известно, в онтологии культура противопоставляется не антикультуре или бескультурью и т. п. проявлениям человеческого поведения, а природному, естественному материалу, в нашем случае — языку как объективному явлению или объективной данности, языку как способности (возможно, врожденной) человека, языку как системе. В социолингвистическом отношении язык — это культурный феномен, поскольку он «возделывается» человеком, человеческим обществом в ходе его использования, что в итоге формируется то понятие, которое и принято называть языковой культурой и которое мы определяем как языковое пространство, в котором вынужден жить человек. Каждый язык «очерчивает» вокруг социума именно своего рода круг, в координатах которого обязан определенным образом вести себя каждый член социума; ср.: *русская языковая культура, английская языковая культура, казахская языковая культура* и т. п. Однако любая языковая культура (т. е. в пределах одной языковой системы) складывается из нескольких субкультур (в значении «нахождение внутри чего-либо», а не в значении «суррогат», «заместитель», «второстепенный»). Субкультура, следовательно, — это более узкое языковое пространство, чем пространство языковой культуры. При взаимодействии языков нормы определенной субкультуры складываются из соответствующих социально-языковых ситуаций. Приведем лишь два типичных примера проявления русско-казахской языковой субкультуры.

(1) «От Сарканда мы девять часов в комсомольском «газончике» добирались к «коктеу», к весеннему пастбищу. Туда, где жили скотоводы так же, как и двести лет назад. Мне «давали» казахский язык на журфаке КазГУ пару месяцев, по учебнику для четвертого класса. Что запомнил? Сабит — то значит Саке, если ласково, а Булат — соответственно, Буке. Мне так хотелось поскорее стать своим среди этих славных, спокойных и сильных, в апреле уже дочерна загоревших людей — чабанов! Над кошмой с дастарханом, сражаясь с куском ароматного мяса, я вежливо сказал владельцу юрты, Амантаю:

- Амеке, пшак берш!

Дастархан онемел.

- Амеке! — повторил я., — дай ножик, пожалуйста!

Хозяин выбежал из юрты, прикрыв ладонями лицо. Меня за ту же юрту отвели проводники — райкомовцы. Не стали бить. И запретили извиняться. Спокойно и внятно, на всю уже жизнь объяснили: есть хитрости в каждом наречии, есть многие тайны-сюрпризы в обычаях разных людей. Их надо сначала узнать и понять — при закрытых устах, при стесненных движениях тела и рук. Лишь потом, потихонечку к ним приобщаться. Иначе будешь лишним и чужим...» (газ. «Столичная жизнь», 1.02.2009).

(2) **«Жена встречает мужа, пришедшего с работы**

С. З.: Как дела? Все нормально? Ничего экстраординарного не произошло?

С. Ж.: Да, пока все нормально.

С. З.: Ну, ходил туда? (*имеется в виду вызов к министру*).

С. Ж.: Бардым. (Ходил.)

С. З.: Не айтты? Үрысты ма? (Что сказал? Ругал?).

С. Ж.: Жок. Баска жумыска ауыстыру туралы сойлесті. (Нет. Говорил о переходе на другую работу)» (пример заимствован из работы [3: 62]).

Пример (1) демонстрирует случай несоблюдения норм языковой субкультуры в условиях несовпадения правил речевого этикета у разных народов. В примере (2) кодовое переключение с русского языка на казахский и обратно согласуется с нормами уже сложившейся особой субкультуры в условиях взаимодействия двух языков и культур. Вместе с тем оба примера демонстрируют многоплановость самого понятия языковой субкультуры, которое следует отличать от таких смежных категорий, как стиль языка (речи), регистр речи, идиом (социолингвистическая категория), подъязык, языковой союз, диглоссия и т. п. Необходимо также различать понятие языковой субкультуры на уровне одной языковой системы и на уровне контактирования языков. В первом случае возможны следующие типы отношений между субкультурами.

А. На уровне определенного синхронного среза можно говорить о таких, к примеру, языковых субкультурах, как литературно-книжная языковая субкультура и просторечная языковая субкультура. Ср. также понятия «книжно-славянский тип» и «народно-литературный тип» древнерусского литературного языка (это не диглоссия, а именно существование двух разных языковых субкультур в истории русского литературного языка). В некоторых случаях следует говорить о проявлениях глобальных субкультур, типичными примерами чего служат понятия «мир Slavia Orthodoxa» и «мир Slavia Latina», введенные в научный оборот Н. И. Толстым.

Б. На уровне диахронического (исторического) развития языка наиболее показательны ситуации, когда происходят активные изменения внутри определенной языковой субкультуры или проявляется активное взаимодействие нескольких разных субкультур внутри единой языковой системы или внутри одного языка.

Субкультуры А и Б формируются и развиваются под влиянием преимущественно экстралингвистических факторов и связаны с типами существования (бытования) языка, с одной стороны, и сферами функционирования языка (сферами общения), с другой. Субкультуры нельзя сводить к приведенным двум сферам (бытования языка и функционирования языка), поскольку они связаны с поведенческой стороной речевой деятельности человека и социума, и нормы субкультуры базируются не на собственно языковых (системно-языковых) отношениях и связях, а конвенциональных и культурно-исторических факторах. Из этого следует, что в субкультурах узус определяет речевое поведение участников коммуникации, хотя при определенных условиях или в результате соответствующей кодификации (ср. понятие языкового строительства) узус в некоторых своих проявлениях может стать элементом языковой нормы.

Норма, помимо своего объективного, имеет и субъективный аспект, когда в определенной сфере использования языка происходят заметные изменения, которые определенной частью представителей соответствующей субкультуры воспринимаются как недопустимые случаи использования языка в речевой деятельности, т. е. как проявления «бескультурья», «падения языковой культуры», «нарушения нормы» и т. п. Применительно к рассматриваемой нами проблеме корректнее будет говорить о резких изменениях не в языке как таковом, а в соответствующей языковой субкультуре, поскольку они не касаются кодовых и системоорганизующих основ языка (в частном случае — русского языка).

Коренные преобразования и изменения, о которых идет речь, как правило, не замечаются и не осознаются носителями и «пользователями» языка, так как они проявляются лишь на уровне речевого поведения и дискурсивной деятельности, осуществляемой в соответствии с новыми нормами и узусом языковой культуры. Нечто подобное происходит и в современной русской языковой культуре и в некоторых ее субкультурах, прежде всего в так называемом ближнем зарубежье, в частности в Казахстане, в котором уровень русско-казахского культурного двуязычия остается высоким. В работах современных казахстанских социолингвистов этот уровень характеризуется показателем в 90 и более процентов (см. работы [1; 4; 5; 6]). И это в итоге определяет лингвистический статус русского языка в Казахстане, обусловленный высоким уровнем владения русским языком всеми этносами, благодаря чему можно считать, что в Казахстане сформировалась особая этноязыковая субкультура, в которой роль русского языка не утрачивает своих позиций: «Русский язык, имеющий международный мировой и международный региональный статус, продолжает оставаться языком взаимопонимания, сотрудничества между народами, служит оптимальным интеграционным и консолидирующим средством стран СНГ, несмотря на то, что изменения в политической, социальной сфере привели к изменению русского коммуникативно-языкового пространства в мире и в Казахстане» [4]. Однако эти процессы не привели к изменению лингвистического статуса русского языка в Казахстане, тем более, появлению какого-то особого, нового варианта русского языка в нынешних странах СНГ.

10. ПРИНЦИПЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВ РОССИИ

Состояние любой научной дисциплины определяется разработанностью ее теории, понятийного аппарата, методов и приемов, а также наличием информации об этой отрасли науки. Социальная лингвистика является относительно молодой междисциплинарной областью научного знания, тем не менее в ней достигнуты значительные успехи.

В отечественной социальной лингвистике созданы труды по функционированию языков в разных регионах страны, социолингвистические энциклопедии, материалы по функционированию и взаимодействию языков включаются в лингвистические работы, созданы

учебники для ВУЗов, она введена в вузовское обучение в качестве отдельного предмета. Вместе с тем, до сих пор мало обобщающих исследований, почти нет трудов по социолингвистической типологии, работ по методам и приемам социолингвистических исследований. В современной социолингвистике широко используются точные методы оценки социолингвистических данных, анкетирование по компьютеру, создание баз данных. Одним из относительно новых приемов интерпретации социолингвистических данных является прием «социолингвистический портрет», создание которого предполагает представление в описании всех основных, релевантных факторов, влияющих на функциональное развитие языка, а также количественную оценку совокупности социальных функций исследуемого языка. Совершенно очевидно, что в таких случаях важна не только широта охвата той или иной функцией носителей исследуемого языка. Очень важной оказывается и частотность культивирования той или иной функции среди носителей языка. Так, например, важны не только количественные параметры массовой коммуникации (МК) на том или ином языке (тиражи газет, журналов, количество часов на радио и телевидении), но и интенсивность включенности разных социальных групп в ту или иную сферу МК. Лишь интенсивное функционирование языка среди соответствующей языковой общности может способствовать его поддержке и распространению.

Таким образом, принципиально важными моментами становятся следующие:

- 1) *типологическая классификация* языков по выполняемым ими социальным функциям;
- 2) выделение *функциональных доминант*, т. е. основных, наиболее важных, актуальных для данной языковой общности и ее социально-коммуникативной системы сфер общения.

Совершенно очевидно, что функциональная классификация языков является одной из важнейших задач социальной лингвистики, так как основным ее предметом являются отношения языка и общества. Очевидно и другое — создание такой классификации невозможно без накопления значительного количества частных исследований отдельных языков. Следует отметить, что в современной отечественной социолингвистике таких исследований много, однако, они фрагментарны, не сводимы, так как каждый исследователь находит свое, оригинальное решение исследуемой проблемы. Другой трудностью при создании функциональной классификации является постоянное расширение или сужение социальных функций языков, поэтому необходимо при классификации языков брать одну точку отсчета — один и тот же период их функционирования. Следует отметить, что *инвентаризация* социальных функций языков Российской Федерации проведена в двухтомном канадско-российском труде [2]. Следующим шагом, способствующим продвижению вперед, должна стать социолингвистическая, *функциональная классификация* языков.

В наиболее общей форме измерить социальные функции помогают два показателя:

демографическая мощьность и *функциональная* мощьность языка [1]. Под демографической мощьностью языка понимается число говорящих на этом языке в отношении к общему числу населения исследуемого ареала. Хотелось бы уточнить данное определение: специфика Российской Федерации, где ряд народов утратил знание родного языка, заставляет нас полагать, что демографическую мощьность языка в исследуемых условиях более целесообразно измерять несколько иначе: демографическая мощьность языка это число владеющих данным языком в отношении ко всему числу данной языковой общности. Для народов России важно, сколько людей той или иной национальности владеют и пользуются родным языком. Более того, очень опасно пытаться начать распространение языка, объявленного государственным, но не распространенного на всю языковую общность данного языка, на чужие, посторонние языковые общности. Это может вызвать языковой конфликт. Конечно, когда речь идет о языках, получивших статус государственных, приходится распространять эти языки на чужие языковые общности. Однако, на наш взгляд, этому процессу должен предшествовать период усиления функционирования этого языка в собственной языковой общности. Кроме того, время распространения нового государственного языка на чужие языковые общности должно охватывать десятилетия, смену нескольких поколений.

Другой количественный показатель — *функциональная мощьность языка*, показывающая соотношение сфер общения, в которых используется тот или иной язык, с совокупностью сфер общения, характерных для данной языковой общности. Наиболее важной областью организованного общения для национальных языков является подсфера словесной национальной культуры. Можно считать, что здесь у национального языка нет конкурентов, поскольку он формировался вместе с национальной культурой, поэтому эффективнее других обслуживает эту сферу. Так, например, тексты подсферы словесной культуры при передаче их средствами другого национального языка нуждаются в средствах адаптации — безэквивалентной лексике.

Таким образом, в качестве основных релевантных признаков *функционального типа* являются:

- наличие языковой общности, владеющей и использующей этот язык;
- демографическая мощьность языка данной языковой общности;
- функциональная его мощьность;
- функционирование данного языка в доминантных сферах общения;
- тенденции функционирования — расширение или сужение функций.

Функциональный тип занимает в социально-коммуникативной системе место, соответствующее объему его социальных функций в макро- или микроязыковой общности, находится с другими компонентами социально-коммуникативной системы в отношениях функциональной дополнителъности. Можно выделить следующие функциональные типы языков России:

Тип I. Язык с глобальными социальными функциями — *русский язык*.

Тип II. Функционально развитые языки (*татарский, чувашский, башкирский*).

Тип III. Среднеразвитые языки (*алтайский, бурятский, коми-зырянский, удмуртский, аварский, кумыкский*).

Тип IV. Языки с восстанавливаемыми социальными функциями (*цахурский, карельский, калмыцкий*).

Тип V. Языки с минимальными социальными функциями (*языки малочисленных народов*).

Тип VI. Языки с изолированными социальными функциями (*внешние и внутренние диаспоры*).

Тип VII. Языки временных языковых общностей (*языковые общности мигрантов-гастарбайтеров*).

По сложившимся в отечественной традиции представлениям для мирового языка характерны: 1) глобальность распространения, 2) его признание как емкого и доступного источника человеческих знаний, 3) языковые особенности —отражение наиболее высокого уровня производства науки, техники, культуры, достигнутой его носителями, и роль языка в жизни всего мира. Важно также богатство словаря, наличие лингвистической традиции, системы функциональных стилей, а также другие лингвистические характеристики.

Как известно, русский язык соответствует всем этим параметрам, поэтому он является одним из мировых языков, языков международного общения. В связи с этим, его социальные функции охватывают значительное количество сфер общения и, соответственно, социальных функций. Так, в репертуар социальных функций русского языка в разных языковых общностях следует включать: функцию языка международного общения, межнационального общения, государственного языка, этнического языка русского народа, русскоязычных и иноязычных диаспор.

Указанные социальные функции реализуются с разной интенсивностью в разных странах мира, в разных социальных условиях, в которых проживают социальные общности, включающие в сферу речевой деятельности русский язык. Таким образом, функционирование русского языка в современном мире определяется наличием соответствующих языковых общностей. Кроме того, русский язык выполняет ряд других социальных функций, например, функцию языка науки, языка ознакомления с другой культурой, языка делового общения. Эти социальные функции в меньшей степени зависят от территориального распространения языковых общностей, поскольку в их реализацию включены люди разных национальностей, разных социальных групп.

Совершенно очевидно, что изучение и использование русского языка различается в странах ближнего (нового) зарубежья и в странах дальнего зарубежья. В странах нового зарубежья, по нашему мнению, каждый культурный человек должен свободно владеть как минимум тремя языками: национальным государственным языком, русским языком и, наконец, английским языком, на котором сейчас публикуется большое количество

научно-технической, экономической и другой информации. Функционирование русского языка в новом зарубежье нередко затруднено из-за законов о языках, в которые вопреки тенденциям развития мирового лингвистического процесса заложено одноязычие, порождающее открытые и латентные языковые конфликты. Принятые во многих бывших союзных республиках нормативно-правовые акты по вопросам языковой политики противоречат Гаагским 1966 г. и Ословским 1998 г. рекомендациям ОБСЕ по языковым и образовательным правам нацменьшинств, Европейской Хартии о региональных языках, Международному пакту о гражданских и политических правах, рамочной конвенции о защите национальных меньшинств и другим международным документам.

В странах дальнего зарубежья в настоящее время в ряде случаев наблюдается отход от изучения и употребления русского языка. Если ранее, до распада Советского Союза русский язык в этих странах изучали на постоянной основе около 150 миллионов человек, то сегодня это количество сократилось в пять раз. Русскоязычное информационное пространство в этих странах сокращается, что отрицательно сказывается на возможностях экономического, научного и культурного сотрудничества. Вместе с тем намечаются новые тенденции в процессах распространения русского языка, своеобразная переориентация, все чаще изучение русского языка мотивируется требованиями рынка, а не только желанием ознакомления с русской культурой.

Функционирование русского языка в современном мире недостаточно изучено. Кроме докладов Министерства иностранных дел о русском языке в современном мире и книги по материалам этих докладов (см. [4; 5]) существуют только фрагментарные конкретные социолингвистические исследования по отдельным проблемам.

В научной литературе хорошо показаны процессы функционирования русского языка в сфере образования, поэтому, судя преимущественно по данным этой сферы, становится очевидным, что в ряде стран русский язык сохраняет свои позиции и даже расширяет их (например, в Армении, во Вьетнаме, в Монголии, в Испании, в Казахстане).

В других странах (например, в Венгрии, Боснии, Герцеговине, Германии) сокращается его функционирование, а в некоторых странах дальнего зарубежья (Франция, Индонезия) положение русского языка стабилизировалось (о языковой ситуации в разных странах мира подробнее см. [3]). Совершенно очевидно, что обучение русскому языку является очень важным звеном в его распространении. Однако не менее важным фактором является социальная перспектива, т. е. социальная потребность в использовании знаний мирового языка в деятельности разных социальных групп. Здесь необходимо отметить, что нередко фактический статус русского языка, т. е. социальная потребность в этом языке, в определенной степени компенсирует отсутствие у языка юридического статуса. Так, например, в Литве русский язык не признан государственным, но при добровольном факультативном его изучении он является вторым иностранным языком

(после английского языка). Причиной такого высокого фактического статуса русского языка среди литовского обучающегося населения является экономическое взаимодействие с Россией, в связи с чем устроиться на работу без знания русского языка бывает достаточно сложно.

Функционально развитые языки (татарский, тувинский, чувашский, башкирский, якутский) относятся к типу II. Для данного функционального типа характерно наличие языковой общности, проживающей относительно компактно в одной из республик, владеющей и использующей этот язык. Важной отличительной особенностью данного функционального типа является государственный статус языков, наличие программ их развития. Естественно, это создает более удобные условия для их успешного функционирования. У языков данного функционального типа достаточно высока демографическая мощь языка, так как большинство языковой общности обычно владеет этим языком. Другим важным релевантным признаком является их сравнительно широкое использование в доминантных сферах, т. е. в сферах словесной культуры. Некоторые языки, например, татарский, башкирский, применяются в сфере образования, включая высшее образование по некоторым специальностям. Тенденцией функционирования следует считать, несмотря на неравномерное развитие разных сфер общения, расширение социальных функций языка. В качестве примера можно привести татарский, чувашский языки. Другие функциональные типы по широте социальных функций расположены между функциональными типами I и V [2]. Отметим, кстати, что выделение функционально среднеразвитых языков (тип III) является условным, приблизительным, т. к. не существует сводимых достаточно полных исследований социальных функций этих языков.

Языки малочисленных народов являются языками с минимальными общественными функциями. Следует отметить, что они функционально различаются: среди них есть языки, которые используются только в нерегламентированном общении (юкагирский, ахвахский, тазский, ненецкий), другие языки минимально функционируют в сферах организованного общения (вепсский, рутульский и др.), а третьи языки используются в разных сферах сравнительно широко, например, абазинский. В последние десятилетия актуальной стала проблема функционирования языков во временных языковых общностях мигрантов-гастарбайтеров. Широкое использование в России труда мигрантов делает актуальной проблему наличия у них знаний русского языка. Особенно важно учесть тот факт, что в период перестройки в связи с распадом Советского Союза, формированием ряда новых суверенных государств и перемещением акцентов на новые государственные языки внимание к изучению русского языка уменьшилось.

Следствием этих процессов стало снижение языковой компетенции. Видимо, в дальнейшем после завершения или ослабления кризисных явлений, когда вопросы рабочей миграции станут снова актуальными, будут предприняты меры организованного воздействия на эту область функционирования

языков. Возможно, будут приняты постановления, законы, будут организованы курсы изучения русского и других языков Российской Федерации. Разные функциональные типы языков входят в различные социально-коммуникативные системы в качестве ее компонентов. Социально-коммуникативные системы обслуживают разные языковые общности. В мировой лингвистической практике наблюдаются однокомпонентные социально-коммуникативные системы (Исландия), двухкомпонентные социально-коммуникативные системы (Канада, Финляндия), многокомпонентные (Швейцария, Сингапур).

В Российской Федерации функционирует многокомпонентная социально-коммуникативная система: правовой статус государственного имеют 33 языка. Языком всего многонационального сообщества Российской Федерации является государственный язык России — русский язык. В 20 национальных республиках он софункционирует с республиканскими государственными языками. В национальных республиках РФ наблюдаются разные типы социально-коммуникативных систем: двухкомпонентные, например, Тува, Татарстан, Башкортостан, Удмуртия, трехкомпонентные, например, Марий Эл, Мордовия и многокомпонентные, например, Дагестан. В областях, населенных русскими, функционирует однокомпонентная социально-коммуникативная система, т. е. разные формы существования русского языка. Среди языкового разнообразия Российской Федерации, в которой ученые насчитывают от 100 до 180 языков можно выделить семь функциональных типов, которые могут составить основу социолингвистической классификации языков России. Основные принципы этой классификации могут применяться и для интерпретации языкового разнообразия в других регионах мира.

11. ЛИЧНОСТЬ. СЕМЬЯ. ОБЩЕСТВО. КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПОЗИЦИИ: ПОЛУВЕКОВАЯ ДИНАМИКА КОНЦЕПТОСФЕРЫ

Автор предлагает к рассмотрению свои наблюдения над ситуацией концептосферы Москвы (при усредненном обывательском понимании «москвича») в ее эволюции на протяжении 60 лет (начиная с 1949 г.). Рассматривается и выявляется через лингвистические и поведенческие факты эволюционная динамика отношения к следующим сферам:

1. Личность. 2. Семья. 3. Общество. 4. Религиозно-конфессиональное сознание.

Вполне возможно и даже естественно, что другой человек, даже коллега и даже близкий по возрасту, отметит иные тенденции или просто не согласится с позициями автора.

Сфера индивидуальной личности

1. Создается впечатление, что раньше играла большую роль статусная позиция индивида достаточно безразлично к его материальному положению и состоянию его недвижимости. В одной и той же компании собирались и дружили люди, имевшие по разным обстоятельствам большую квартиру и те, кто семьей из четырех–пяти человек жили в одной комнате коммунальной квартиры. Важным было социальное отношение к власти имущим и

личностям «сомнительного плана». Как представляется, наиболее четко это отражено в «Собаьем сердце» М. Булгакова, когда одна группа — это профессор Преображенский, его помощник Борменталь, домработница Зина, кухарка, а другая группа — управдом Швондер (кстати, управдомов в те годы действительно боялись, так как они считались главными стукачами), Шариков и их друзья. Ненужно предполагать, что в это время шла политическая борьба: общество просто делилось на «своих» и «чужих» (военные годы, когда действительно наблюдалось единство, я исключаю). Выражение «из

бывших» употреблялось только в противоположной группе, которая в свою очередь именовалась «партийцами».

Атмосферу 37–38 гг. я по возрасту не застала, но она хорошо описана моим мужем, Андреем Дмитриевичем Михайловым, который был всего на четыре года старше меня: «Очень трудно вспомнить, какая же книга была “первой”. Из книг французских писателей, думаю, на первое место надо поставить “Сказки” Перро с гравюрами Доре (эту книгу я не мог не сохранить). А за этой — большой и красивой, пошли маленькие книжонки серии “книга за книгой” — Мериме “Таманго” (не понравилось), “Малыш” и “Прекрасная Нивернеза” Доде (был очарован) и т. д. Очередь Гюго с его “Собором”, вереница книг Дюма, от которых меня буквально насильно отрывали, и многие-многие другие еще ждали своей очереди.

Но сейчас мне хочется рассказать о книге уже взрослой и, главное, о не очень простых обстоятельствах моего с ней знакомства. Мой отец, военный инженер, много повоевавший, трижды раненый, окончил то же Александровское юнкерское училище (что на Знаменке), что и известный писатель Куприн. Но войну отец мой не любил и, пожалуй, больше всего любил природу и книги. Книг у нас дома всегда было очень много и чуть ли не каждый день отец приносил новую.

Вот и однажды отец принес новую книжку. Небольшого формата, в сером твердом переплете. Писатель какой-то совсем неизвестный — некий Клод Тилье. Название тоже ни о чем не говорило: “Мой дядя Бенжамен”. “Почитаем и про этого дядюшку”, — сказал отец. Дело в том, что в последнее время, уложив меня спать, отец читал матери что-нибудь, пока она вышивала. Читался Чехов, Мопассан, Доде, Тургенев... Много лет спустя я обратил внимание на то, что отец выбирал для чтения произведения довольно короткие — о его любимых “Братьях Карамазовых” или “Господах Головлевых” и речи быть не могло. Такое чтение затягивалось далеко за полночь, а я не спал и подслушивал под дверь. Так я прослушал не один рассказ, не одну небольшую книгу. Отец читал довольно громко, но иногда он на какое-то мгновение замолкал и прислушивался.

Мы жили тогда на Чистых прудах в очень большом пятикорпусном доме — не менее тысячи квартир. Дом назывался “военным”, так как был построен на кооперативные деньги военнослужащих. Тут было много военных врачей, инженеров, летчиков-испытателей, но попадались и “комбриги”, и “комбаты”, и даже “комдивы”. Книжка Тилье вышла из печати в апреле 1937

года. Представляете, что творилось в это время (а точнее, в эти ночи) в нашем большом доме! Аресты, а на худой конец обыски и даже самоубийства почти каждую ночь Мы, ребята, думаю, знали об этом, но родители строго-настрого запретили об этом говорить, и мы молчали; мы молчали, даже разговаривая с приятелем, чьего отца вчера увели навсегда.

А зачем была нужна книжка Тилье — понятно: чтобы не прислушиваться к каждому поднимающемуся лифту, шуму открываемой, а то и взламываемой двери, да вообще любому шороху на лестнице.

А книгу очень симпатичного французского писателя Клода Тилье я сохранил. В 1962 году я написал о ней статью, много лет спустя эту статью переиздал, а сейчас опять печатаю с некоторыми поправками в сборнике».

Мои собственные впечатления несколько иные. Мой отец успел до революции кончить в Петербурге классическую гимназию и хорошо знал латынь и греческий. Мы сняли в конце 40-х дачу в Переделкине и там же снял дачу тоже профессор-медик и тоже кончивший (но в Москве) классическую гимназию. Отцу моему после многих инфарктов нужно было гулять и я сопровождала его вместе с этим коллегой. Тогда меня поражало, как много они, медики-теоретики, уделяли внимания классическим языкам: проверяли друг друга на исключения в латинских прилагательных, в системе склонения, выясняли особенности греческих глаголов. Много лет спустя я поняла: они тем самым просто проверяли друг друга и, проверяя, наслаждались воспоминаниями.

Нужно сказать, что в те годы ученые не столько ценились больше, сколько уважались. Быть академиком или даже член-коррпом РАН было крайне престижно независимо от облика их дачи или даже квартиры. Вспомним уже поздний фильм «Девять дней одного года». Физики тогда были «в почете». Имена академиков вроде Капицы или Ландау произносились со священным трепетом; были и словообразовательные преобразования:

Дау, «капичник» и т. д. Помню послевоенных физиков: их ковбойки, их трубки, пение Киплинга под гитару. Все это тогда казалось новым и очень перспективным слоем людей среди оцепенелых белых воротничков и толстых щек чиновников.

Всякие же разговоры политического характера в застольях пресекались и моя мама уже в начале «перестройки» считала такие беседы провокационными.

Больше всего, конечно, боялись иностранцев и контактов с ними (я имею в виду среднюю интеллигентскую массу) и старались, быть может, невольно, все узнать про своих знакомых или поклонников. До сих пор мне странно видеть американские фильмы, где жена вдруг узнает про мужа (или наоборот), что он является совсем не тем человеком, которым она его считала — вообще не тем! «Досье» наших женихов тех лет было развернутым.

Итак, необходимо прежде всего отметить растущую тенденцию уравнивания в личностном плане, тогда как 60 и более лет тому назад явно различались люди, получившие «старое», дореволюционное воспитание и люди типа Homo soveticus. Хорошо ли это? И да, и нет! Уравнивание рождает

посредственность. И здесь хочется процитировать О. А. Седакову: «Чтобы стать новым человеком, следовало стать обывателем, в котором не осталось никакой пассионарности. Все, что ему нужно, — это гарантии, отсутствие риска, комфорт и безопасность. Если такой тип человека наконец восторжествует, мы будем жить в цивилизованном предсказуемом обществе. История кончится» [2]. В этом смысле я не совсем согласна с О. А. Седаковой, поскольку посредственность начинают одолевать страхи и неомифология, о чем прекрасно писал Стивен Кинг.

Было и в те годы что-то от старорусской манеры возвеличивать «отчество» человека и его имя. Раньше считалось недопустимым ставить в письме инициалы после фамилии (как говорила известная писательница: «Если я получаю письмо *Ильиной Н. И.*, я его сразу же разрываю, не читая»). То есть имя + отчество считалось более индивидуализированным, чем фамилия. Раньше считалось недопустимым обращаться в письме *Уважаемый*, но только *Глубокоуважаемый* или *Многоуважаемый*. Безусловно, здесь скрыта некоторая личностная элевация. В этой связи интересно сопоставить с нашим уравниванием эволюцию в обращении английского *Dear*, с которым мы обращаемся практически к полужнакомым людям.

60 лет тому назад не носили обручальные кольца «советские» люди, но только люди старой формации в виде эпатажа или некоторого фрондерства. Их не предлагали надеть и в ЗАГСх. Так, обручальное кольцо носил академик В. В. Виноградов.

Не было принято здороваться, начиная телефонный разговор (еще лет тридцать назад одна известная лингвистка мне сказала: «Он из того поколения, когда по телефону вместо “Алло” говорят “Здравствуйте”»). Я сама услышала это впервые, когда молодая и очень хорошенькая жена-математик моего коллеги сказала, передавая трубку (я услышала): «Какая Таня Николаева невоспитанная: она говорит: “Можно попросить . . . , но не здоровается”». Зато гораздо чаще звучали слова *Спасибо* и *Пожалуйста* вместо современного *Извините*, которое «понижает» говорящего.

К снижению индивидуальности можно отнести и элевацию понятия *сексуальный*. То есть, вместо *20 самых красивых девушек планеты* в СМИ демонстрируют *20 самых сексуальных* девушек. Говорить о снижении можно в том смысле, что красота принадлежит только ее обладателю, тогда как сексуальность рассчитана на Другого.

Но не все можно оценивать негативно. Помню, что когда мы были студентками, разнесся слух, что у Эдиты Пьехи украли чемодан косметики. Мы недоумевали, так как нам известны были только губная помада и пудра в пудренице. Но — целый чемодан!

Это же засохнет! Инновацию в этой сфере наметил впервые А. И. Солженицын в «Круге первом», когда венгерка, идя на свидание, покрывает тоном щеки, а не губы. Именно теперь возник культ естественной красоты, здорового тела; декоративная косметика вытесняется лечебной. Но и это может служить знаком снижения индивидуальности: недаром коллективная

спортивность часто связывается с тоталитарным режимом (полезность ее для здоровья не обсуждаем).

Элементом семиосферы, относящимся и к Личности, и к Обществу, стала победа визуального ряда над аудиорядом — как вообще, так и особенно в сфере шоу, когда эффект достигается не голосом певца (вспомним Шаляпина, Обухову и др.), а огромными деньгами, вложенными в оформление сцены, подтанцовку и т. д.

2. Сфера семьи

Упомянутый выше распространенный сейчас обычай носить обручальные кольца, несомненно, свидетельствует о повышении статуса семьи в обществе. Напротив, такие кольца обычно не носят те интеллигенты, родители которых их демонстративно носили. По выражению Ю. М. Лотмана, «элементы семиосферы часто танцуют кадрили». Так, например, у меня за 55 лет замужества никогда не было обручального кольца: в ЗАГСе их тогда не надевали, а потом хотелось потратить деньги на что-нибудь другое. Напротив, мои родители носили обручальные кольца. Элевации семейного статуса способствует все увеличивающаяся номинация *супруг — супруга* (ранее употреблявшиеся лишь в особо торжественном стиле) вместо *муж и жена*, за которыми просматривается уже более узкая разговорно-бытовая сфера. В самое последнее время начинает исчезать в СМИ и слово *мать*. Пишут: *Х стала мамой*. Видимо, *мать* уже приобретает иные, пейоративные, коннотации, что доказывает и то, что *Х стал папой* пока не появляется. Все это кажется довольно смешным.

Абсолютно новое понятие — *гражданский брак*. Раньше гражданским браком называли брак официальный, но не церковный. Новая номинация «работает» одновременно и на Семью, и на Общество, создавая иллюзию «все-таки семьи» и снимая пейоративность с того, что раньше именовалось иначе. Появление этого фразеологизма осуществилось не сразу. Я думаю, что возникновению этого концепта способствовало появление отдельных личных квартир, где стало возможным быть «в гражданском браке». Ранее улицы центра Москвы были переполнены гуляющими парочками и нравственность укреплялась не только советскими взглядами, но и отсутствием желаемого пространства. Интересно, что подобное явление наблюдалось в 20-е гг. XX в., когда создавался «новый человек, новая семья» и т. п. И все же в последние годы я замечаю увеличение числа официально зарегистрированных браков, особенно в молодежно-юной среде. Над этим явлением нужно подумать, поскольку оно говорит о каких-то новых потребностях и связях.

3. Сфера общества

Характерным новым явлением стало употребление слова *юбиляр* — в применении к человеку, прожившему «круглую» дату. Раньше юбиляром называли человека, проработавшего где-нибудь число лет, кончающееся нулем. Правда и сейчас юбиляром обычно не енут нигде не работавшую домохозяйку. То есть налет общественного служения еще ока остается.

Об эволюции общественных течений мне судить трудно, так как это должны делать одиозные социологи и знатоки массовой культуры.

4. Сфера церковно-конфессиональная

В этой области можно говорить о некотором отечественном парадоксе: одновременно повышается значимость церкви, с одной стороны, и развиваются неопганистические тенденции — с другой. Абсолютно новым обычаем является посещение кладбищ на Пасху, что отражается в письмах представителей русской диаспоры за рубежом, которых это удивляет («*Это ведь Светлый праздник и с покойниками никак не связан*».) Новой является и обязательность для женщин и совсем юных девушек надевать в церкви на голову платок, что сейчас кажется *conditio sine qua non*. Моя мать (1892 г. р.) говорила, что раньше в церкви дамы сидели в шляпках, без которых они не выходили на улицу вообще, а девушки сидели и с одной косой, и с двумя, и в локонах. Появление обязательного платка она связывала с мусульманским влиянием (поскольку в христианской Европе этого нет), или с нахлынувшим в город деревенским населением. Трудно судить, права она в данном случае или нет [1].

Совсем новым явился обычай дарить живым нечетное число цветов, а покойникам нести четное. В 60-х гг. XX в. моя сослуживица рассказывала, к нашему тогдашнему удивлению, о подобном обычае в Румынии. Центральную и Западную Европу этот обычай не затронул. В 2008 г. в Париже я сидела на остановке рядом с приятной пожилой дамой, в руках у которой был букет роз в тон ее блузки. Я пересчитала ее розы. Их оказалось десять. Приятно улыбаясь, она сказала: *Je fais le visite*. Это значит, что для францозов число даримых цветов еще безразлично.

Вероятно, увеличение необходимой ритуальной обрядности и потребность в ней связаны у многих русских с отсутствием глубокого знания основ христианства, которое исчезло за советские годы.

Как ни странно, не так легко определить изменение семантики у такого частотного слова как *именинник*. Это может говорить как о повышении статуса нецерковной личности, празднующей День рождения, а не день своего святого, так и о стремлении приблизить церковность к личности.

Даже на базе этих немногих примеров — победы визуального ряда над простым исполнением в шоу, ношении обручальных колец, понижении социального статуса ученых, возвращении к официальному браку, усилении уравнивания в манере одеваться и т. д. уже можно говорить о повороте оценочной системы российской семиосферы в области указанных выше концептообъектов в сторону от индивидуального к семейному и ритуальному.

11

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Земская Е. А., соглашаясь с этим, сказала, что она не может себе представить свою бабушку в церкви в платке.

2. Седякова О. Посредственность как социальная опасность. Архангельск, 2006.

12. МНОГОВЕКТОРНОСТЬ ЯЗЫКОВОГО СДВИГА В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДИАСПОРЕ США

Русскоязычная диаспора США представляет особый интерес для исследователей не только в силу своей многочисленности, но и в связи с тем, что она существует в условиях отсутствия четко сформулированной языковой политики. Статус официального государственного языка за английским не закреплен и на федеральном уровне даже не обсуждается. Тем не менее, не следует недооценивать активность современного движения за официальный английский, которое началось в 1981 г., когда сенатор С. Хайакава из Калифорнии предложил на рассмотрение Конгресса США соответствующую конституционную поправку. Далее рассмотрения в комиссии дело не пошло, но в течение последующих десяти лет 18 из 50 штатов предприняли меры, направленные на закрепление за английским языком официального статуса. Несмотря на хронологическую близость к тому, что принято считать четвертой волной русской эмиграции, причины подобных инициатив кроются глубже. Прибывающие в США из СССР были лишь незначительной частью того потока иммигрантов из Азии и Латинской Америки, который начался в 1965 г. Приход Р. Рейгана к власти в 1980 г. стал началом нового этапа во внутренней политике США, в определенной степени сходного с нынешними процессами в России. Возврат к «старой гордой Америке», преодоление поствьетнамского шока, постепенный отход от либеральных идей шестидесятых, включая популярный в академических кругах мультикультурализм, и как следствие — двуязычное обучение, по замыслу должны были привести к консолидации американского общества. Английский язык как нельзя более подходил на роль символа единения и возврата к «истинным американским ценностям». Нет необходимости говорить, что сторонниками данного подхода были именно те слои, чья гегемония в американском обществе пошатнулась в 60–70 гг. XX в. Сходные процессы имели место в начале XIX в., в период между 1880 и 1920 гг., а также во время Второй мировой войны [10]. В каждом случае английский представлялся как символ лояльности и приверженности американским идеалам.

Английский язык по-прежнему является важнейшим ингредиентом американского «плавильного котла». Данная метафора вошла в обиход сто лет назад благодаря одноименной пьесе И. Зангвилла, а сам автор провозгласил себя «евреем, не желающим быть евреем» и мечтал о мире, отбросившем расовые и религиозные различия [11]. Сегодня, в условиях того, что Ф. Фукуяма называет «корпоративный мультикультурализм», понятие «плавильного котла» все чаще встречается в критическом контексте, что не мешает миллионам американцев самоидентифицироваться именно как американцы, а не мексиканцы, русские или евреи. В большинстве случаев это означает просто «рожден в США». Если этнический состав семьи однороден,

возможны более развернутые определения типа «итальянский американец», «ирландский американец», и т. д. Но что делать, когда предки — выходцы из Норвегии, Польши, и Пуэрто-Рико? Здесь вступает в силу авторитет культуры, ее представленность на американском рынке.

Обсуждая перспективы сохранения за русским статуса мирового языка, Т. Б. Крючкова указывает на два ключевых признака: демографическую мощь, опирающуюся не только на количество носителей языка, но и на число знающих этот язык в качестве второго, третьего и т. д. за пределами территорий его исконного распространения, а также широкое использование языка в сферах естественных и технических наук и соответствующих отраслях высшего образования [1]. Русским в Америке трудно соревноваться с китайцами, индусами или латиноамериканцами в количестве носителей языка, что компенсируется авторитетом культуры в широком смысле. К началу 80-х гг. русский язык уступал лишь английскому в области научно-технических публикаций, однако, впоследствии эти позиции были в значительной степени утрачены в связи с большей открытостью общества, развитием непосредственных международных контактов, а также постепенным переходом на электронный формат. Несмотря на это, как и пятнадцать лет назад, отделы аспирантуры физических и математических факультетов многих университетов укомплектованы преимущественно выходцами из постсоветского пространства и зачастую служат своеобразными очагами русской культуры. «Утечка мозгов» невольно приводит к распространению русского языка и культуры в академических кругах.

Распад СССР и процессы, происходившие на постсоветском пространстве в 90-е гг., вывели русский язык в американский мейнстрим, что привело к увеличению числа студентов, и соответственно, к открытию новых программ в колледжах и университетах. Нечто подобное наблюдается с арабским языком после событий 11 сентября 2001 года. Таким образом, не следует напрямую связывать количество изучающих конкретный иностранный язык с успехами и стабильностью данной страны. Возможна обратная зависимость: политическая и экономическая нестабильность страны или региона, находящегося в сфере интересов США, независимая политика или военная угроза ведут к росту утилитарного изучения «стратегических языков». Знание иностранного языка открывает новые перспективы получения работы и повышения зарплаты. К примеру, госдепартамент США дает 17% надбавку своим служащим, владеющим иностранным языком в установленном объеме, а также координирует работу программ финансирования учебы за рубежом (www.sras.org/nsli_for_students_of_russian). Кроме того, в сентябре 2009 года Департамент образования выделил 12,4 млн. долларов на развитие преподавания так называемых стратегических языков, русский в их числе, что позволит открыть ряд новых программ в школах и колледжах (www.sras.org/flap_awards_2009). Преподаватели-участники дискуссионных групп на Интернетe отмечают рост интереса к русскому языку за последние два года.

Однако неверно было бы связывать это исключительно с войной в Грузии или украинским газовым конфликтом. Скорее речь идет о вновь возросшем внимании к России, как к одному из ключевых игроков на международной арене.

Стабильность и определенность в отношениях между странами ведет к смещению акцента с утилитарного изучения языка на гуманитарное. Вклад России в европейскую и мировую цивилизацию ни у кого не вызывает сомнений, что обеспечивает стабильное число студентов, интересующихся русской литературой, искусством, музыкой, кинематографом и т. д. Что же касается русского языка, то его распространению препятствует тот самый утилитаризм американских студентов: по сравнению с западноевропейскими языками усилий приходится прилагать больше, а вероятность получения работы минимальна, поскольку приходится соревноваться с подростком и ассимилированным поколением двуязычных выходцев с постсоветского пространства. В результате, русский оказывается в нижней части десятки самых изучаемых языков, по соседству с латынью и древнегреческим. Однако престиж русской культуры обеспечивает достаточное количество студентов, по крайней мере, в течение первых двух семестров. Существование этой константы возможно лишь при наличии государственной программы, направленной на стабильное поддержание престижа русской культуры за рубежом. На уровне индивидуальных учебных заведений следует сфокусироваться на переменных величинах, а именно на категориях студентов, которых приводят в русские программы причины иного порядка: этнические, географические и другие. При этом следует помнить, что все эти причины находятся во взаимодействии, и зачастую студенты не в состоянии четко сформулировать, что же именно заставило их изучать русский язык.

Географическая близость к русскоязычным коммунам, даже беглое знакомство с выходцами с постсоветского пространства нередко побуждает американцев изучать русский язык. Каждая волна эмиграции в США ведет к формированию своего рода языковых гетто, служащих исходным пунктом ассимиляции. Эта универсальная черта наглядно иллюстрируется наличием мест компактного проживания русскоязычного населения, более 20% которого осело в Нью-Йорке и окрестностях, 16% в Калифорнии, далее следуют Флорида, Пенсильвания, Мичиган и т. д. Существование подобных центров делает возможным избирательный билингвизм, постепенную адаптацию без лишнего стресса, а то и вовсе отказ от билингвизма как такового. Общеизвестный Брайтон Бич в Нью-Йорке вызывает самые неоднозначные оценки среди самих эмигрантов. Тех, кто в свое время был расселен вдали от русских центров, характеризует изрядный скепсис в отношении перспектив успешной ассимиляции в условиях языкового гетто, где полицейские, аптекари и продавцы, латиноамериканцы, индусы и корейцы — все говорят по-русски. Следует оговориться, что их степень владения языком не превышает потребностей делового общения, как и на курортах, осваиваемых русскими по всему миру, и вряд ли способна

привести их на уроки русского языка и литературы. Тем не менее, прямой или опосредствованный контакт с русскоязычной диаспорой может послужить тем самым стимулом, который впоследствии приведет студентов колледжей на уроки русского языка. Утвердившись профессионально, многие стремятся покинуть Брайтон. Однако наличие престижных новостроек в районе указывает на то, что достижение материального благополучия не для всех означает отход от коммуны. Интересно, что во время второй, послереволюционной волны эмиграции именно материально благополучные семьи в первую очередь старались охранить родную культуру и язык. Во многом этому способствовала Русская Православная Церковь зарубежья, чье влияние на третью волну эмиграции малозначительно в силу этнического состава последней. Те эмигранты, благодаря кому 20–30 лет назад Брайтон Бич получил название Малая Одесса, сегодня видят не Одессу, а Малый Вавилон. Пестроте и колориту целостной тем не менее одесской субкультуры пришло на смену настоящее столпотворение выходцев с постсоветского пространства, смешение культур, языков и обычаев. Со стороны все они воспринимаются как единая русская диаспора, как русские. Так же как и американский, этот русский плавильный котел оказывается при ближайшем рассмотрении «салатом», состоящим из многочисленных этнических и региональных ингредиентов. Фактически, только русский язык служит объединяющим фактором для этого «содружества независимых эмигрантов» [2].

В данных условиях ярко выражены два вектора языкового сдвига: этнический и поколенческий. Этнические группы поддерживают русский язык лишь постольку, поскольку это служит их практическим целям, создавая подобие диалектного континуума со значительным разбросом периферийных явлений. Размер русскоязычной коммуны открывает новые возможности для тех, кто в той или иной степени владеет русским языком. При этом вне делового общения ни о какой принадлежности к русской культуре говорить не приходится, и в пределах семьи или субдиаспоры земляков поддерживаются национальные языки и традиции. Таким образом, для многих эмигрантов речь идет уже о трехязычии: национальный язык дома, русский на работе, английский в государственных учреждениях. Ситуацию усугубляет конфликт «отцов и детей». Ни для кого не секрет, что представителям старшего поколения значительно труднее адаптироваться в условиях эмиграции. Для детей эмигрантов, в отличие от их родителей, полная интеграция в американское общество является не только престижной, но и реально возможной. Выросшие в США поддерживают русский язык преимущественно в рецептивной функции, общаясь за пределами семьи исключительно по-английски. Для этой категории носителей языка русский язык становится средством самоидентификации в кругу сверстников, особенно на фоне четко обозначенных этнических групп: итальянцев, латиноамериканцев и т. д.

Взросление и ослабевание влияния семьи неизбежно ведет к частичной или полной утрате языка. Присутствие в стране трех поколений носителей языка

заметно повышает шансы его сохранения. Нередки случаи, когда в семьях билингов наблюдается поколенческая дистрибуция: общаясь с родителями преимущественно по-английски, дети учатся русскому языку у бабушек и дедушек. Облегчает задачу и то, что последняя волна эмиграции проходила в новых условиях, и выезд из страны необязательно воспринимался как нечто необратимо-трагическое. Возможность посещать бывшие места, доступ к информации и к новинкам культуры, с одной стороны, снимают стресс адаптации, с другой — не-едко ведут к отказу от попыток ассимиляции, особенно среди старшей возрастной группы. Учитывая сравнительно высокий образовательный уровень выходцев с постсоветского пространства, и как следствие, высокий престиж образования среди второго поколения, наличие русского языка в программах большинства колледжей должно замедлять процесс утраты языка.

Как уже было сказано, в мультикультурной среде метрополисов американцы чаще выбирают русский язык: в практических целях, или просто чтобы лучше понимать своих знакомых и близких. Но есть и обратная сторона. Наличие в учебной группе детей эмигрантов, как правило, негативно влияет на процесс обучения, поскольку их цели и мотивации существенно отличаются от американских студентов. Если для американских студентов это академическая и частично социокультурная мотивация, то дети эмигрантов руководствуются прежде всего просоциальными мотивами идентификации и аффилиации. В результате, многие дети эмигрантов переносят в аудиторию навыки общения, полученные в семье, и оказываются не в состоянии усвоить основы русской грамматики и правописания. Американские же студенты не в состоянии выйти на уровень дискурса, поскольку фокус их внимания сосредоточен на структурно-контрастном анализе двух языков.

В качестве положительных тенденций следует отметить, что роль русского как мирового языка нередко приводит в аудиторию детей тех самых «независимых эмигрантов» даже при отсутствии мотивации со стороны семьи: на уроках русского языка и литературы можно видеть детей эмигрантов из Прибалтики, Средней Азии, Кавказа, и даже из стран советского блока. Выбор предлагаемых языков ограничен, и далеко не все университеты в состоянии обеспечить изучение даже таких распространенных языков, как польский и украинский. Не имея возможности изучать язык родителей, студенты останавливают свой выбор на русском, как на логичном запасном варианте. Подобная логика создает иллюзию легкости, что для одних создает дополнительную мотивацию, а для других — ведет к отказу от лишних усилий в изучении языка. Порой носители близкородственных языков ведут себя так же, как выходцы из русскоязычных семей: узнаваемость определенной части лексикона ведет к отказу от изучения грамматики. Несмотря на это, данная группа близка к наиболее перспективной, на данный момент, категории изучающих русский язык — так называемых изучающих наследие (*heritage learners*). Исследования американских социолингвистов показывают, что несмотря на разнообразие групп иммигрантов, в процессе их ассимиляции наблюдаются

сходные лингвистические и социокультурные процессы [6]. Сам термин «изучающие наследие» здесь понимается широко и включает не только тех, кто начал образование на родине, но и тех, кто был рожден в США, и усваивал русский язык от родителей или даже через поколение. Оставив в стороне вопросы мотивации, чисто с лингвометодической точки зрения, проблемы изучающих наследие служат индикатором языкового сдвига в среде эмигрантов.

Языковая интерференция наиболее заметна на уровне лексики и именно этой теме посвящено большинство академических исследований [3; 4; 8; 9], а также эмоциональных публикаций в периодических изданиях. Следует оговориться, что термин «лексические ошибки» не совсем корректен в данном случае, поскольку англицизмы не всегда замещают русские эквиваленты, да и сам литературный русский язык претерпел немало изменений в последние годы. Несмотря на противоречивое отношение к заимствованиям, последние не следует рассматривать как акт неуважения к родному языку. Как было убедительно продемонстрировано [7], сторонники языковой экологии зачастую сами являются инициаторами значительного числа иноязычных заимствований. Процесс заполнения лексических лакун англицизмами, обозначающих новые для иммигрантов реалии, по сути сходен с тем, что происходит в русском языке в результате перехода к рыночной экономике, технологической эволюции и развития новых форматов поп-культуры, которые принесли значительное число англицизмов в русский язык (*мерчандайзинг, роуминг, топмодель, брэнд, шоп-тур, риэлти-шоу, сиквел, чизбургер*). Миллионы носителей языка на постсоветском пространстве включены в опосредствованный языковой контакт при помощи интернета и СМИ, демократичность которых ведет к снижению роли авторитетных источников. Во время посещения России студенты, потратившие немало усилий на изучение русского словарного состава, недоумевают, зачем нужны такие заимствования, как *паркинг, рентал, бизнес-ланч, прайс-лист, гипермаркет*, поскольку для них наличие англицизмов не ведет к актуализации позитивных коннотаций.

Перед теми иммигрантами, которые выросли при социализме, стояла двойная задача: им не просто приходилось осваивать новые понятия из американской действительности, но также столкнуться с тем, чего они не знали в силу различий в социальных системах. Представители этого поколения отмечают, что даже определение *частный* порой вызывало трудности и быстро замещалось на *прайват*. Если в 80–0-е гг. *моргидж* был для иммигрантов абсолютно новой американской реалией, то недавно прибывшие уж владеют словом *ипотека*. Несмотря на свою длину, *холодильник* и *телевизор* (ср. *фридж, тиви*) куда более устойчивы в речи эмигрантов, чем к примеру, терминология автолюбителя (*спэр, виндшилд, круиз контрол*), поскольку многие обучались вождению уже по прибытии в США. Таким образом, если и следует говорить о роли экономии в появлении заимствований, то речь идет скорее об экономии умственных усилий, чем экономии места, и длина англицизмов имеет вторичное значение.

Также следует упомянуть дифференциацию понятий (*трак/грузовик, ковер/коврик, бейсмент/подвал*) и семантическое расширение (*маленький апартамент, блок города, кредит по русскому*). Отдельно следует рассматривать лексические вкрапления, мотивированные исключительно социальным престижем и групповой самоидентификацией. В отличие от России, в русскоязычной диаспоре *рентал, фитнес* и *таймшер* не несут коннотации престижности. На первое место здесь выходит сам факт общения на английском.

Так, распространенные *бизи* (*занят, весь в делах*), *но-но* (*нет-нет*) не несут дополнительной смысловой нагрузки, кроме стремления «звучать по-американски», искаженное *турка* (*turkey/индейка*) не понимают ни русские, ни американцы, а попытки упомянуть в магазине *фунт* вместо общепринятого в диаспоре *паунд* подвергаются коррекции.

Что же касается русского языка в США, его сохранение определяется свободой выбора и культурной самоидентификацией иммигрантов. Процесс утраты родного языка неизбежен для определенной части перемещенных, не желающих рассматривать русский язык как часть своего культурного наследия. В то же время, для подавляющего большинства русскоязычных эмигрантов существуют все условия для предотвращения утраты языка. Сохранение родного языка остается правилом хорошего тона вне зависимости от того, какую волну эмиграции представляет данный конкретный индивидуум.

12 Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Крючкова Т. Б. Сохранит ли русский позиции мирового языка в XXI веке? // Русский язык в странах СНГ и Балтии. М., 2007.

2. Пустовойт И. Роль русского языка в формировании содружества независимых эмигрантов // Русский язык в странах СНГ и Балтии. М., 2007.

3. Пустовойт И. Лексическая интерференция в русскоязычной диаспоре США // Русский язык и литература. Проблемы изучения и преподавания. Киев, 2009.

4. *Andrews D. Sociocultural Perspectives on Language Change in Diaspora: Soviet Immigrants in the United States. Philadelphia, 1998.*

5. *Andrews D. Heritage Learners in the Russian Classroom: Where Linguistics can Help // ADFL Bulletin. 31. № 3 (Spring 2000). P. 39–4.*

6. *Gutierrez J. Teaching Spanish as a Heritage Language: A Case for Language Awareness // ADFL Bulletin. 29. 1. 1997. P. 33–6.*

7. *Haugen E. The Norwegian Language in America: A Study in Bilingual Behavior. Bloomington, IN, 1969.*

8. *Olmsted H.* American Interference in the Russian Language of the Third-Wave Emigration: Preliminary Notes // *Folia Slavica*. 8. 1986. P. 91–27.
9. *Polinsky, M.* Russian in the US: An Endangered Language // *Russian in Contact with Other Languages*. Oxford, 1994.
10. *Ricento T.* A Brief History of Language Restrictionism in the United States // *Official English? No! TESOL's Recommendations for Countering the Official English Movement in the US*. TESOL, 1996.

13. ГЕОРУСИСТИКА И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ ЯЗЫКА

Мы исходим из того — для нас неоспоримого — факта, что существующее на земле глобальное русскоязычное пространство формируется национальными вариантами русского языка. Русистика, осознавшее это пространство в качестве своего основного объекта, должна стать георусистикой, дисциплиной, в центре внимания которой — взаимодействие и взаимовлияние языков.

Мы используем термин «национальный вариант языка» вслед за В. Ю. Михальченко: «национальные варианты языка появляются в результате территориального обособления носителей языка и развития в разных территориальных образованиях (например, национальные варианты английского языка, функционирующего в Англии, США, Канаде, Австралии)» [3: 35]. Можно обсуждать степень удачности этого термина, можно уточнять некоторые аспекты дефиниции (Е. А. Журавлева категорически возражает против термина «казахский вариант русского языка», справедливо утверждая, что он — «казахстанский»), а именно «территориальность», а не «государственность» обособления, тем не менее, именно этот термин является сегодня наиболее приемлемым на данном этапе обсуждения проблемы. Наиболее приемлемым при одном условии — при условии адекватного понимания категории «вариант», каковое является определяющим для описания реальных лингвистических механизмов формирования национальных вариантов языка.

Для классической русистики понятие вариант прочно связано с понятием норма.

Норма и варианты — вот как это звучит в лингвистическом обиходе. Как правило, когда

речь заходит о вариантах, в «общественном лингвистическом сознании» возникает ассоциация с чем-то деструктивным, самим своим существованием негативно влияющим на норму, разрушающим норму. Говоря о варьировании, лингвисты имеют в виду прежде всего то или иное

видоизменение формы знака: «Поэтому в современной лингвистике по отношению к разным видам синонимии понятия варианта и вариативности не используются. Они применяются главным образом к таким различиям языковых единиц, которые не связаны с разницей в их значении. Иначе говоря, вариативность — это прежде всего несоответствия во внешнем виде, в форме языковых знаков, которые имеют один и тот же смысл. . . Возникает вопрос: на каком основании мы говорим о вариантах, вариативности? Ведь вариант — это видоизменение, разновидность какой-то основы. Но что может рассматриваться в качестве такой основы, допускающей варьирование? Какова точка отсчета при установлении вариативных форм? При ответе на эти вопросы мы сталкиваемся с одним из фундаментальных лингвистических и социолингвистических понятий — понятием языковой нормы» [1: 37–39]. Иначе говоря, это субстанциональное варьирование.

Между тем, в функциональной лингвистике [2] отношения инварианта и варианта (точнее, вариантов) видятся несколько иначе. Инвариант и варианты рассматриваются как разные формы существования одной и той же реалии. Инвариант, реализуясь в различных условиях, порождает множество вариантов.

Сказанное станет более отчетливым на примере конкретных языковых единиц. Так в фонологической системе русского языка, формируемой идеальными эталонными единицами, допущенными к формированию означающих русского языка, существует фонема <o>. Она существует в системе фонем русского языка как «не- <a>», «не- <e>», «не- <y>» и т. д. и определяется как набор фонологических признаков. Именно эта форма существования фонемы выступает как инвариант по отношению к множеству вариантов — звукотипов, реализующих фонему в различных фонетических позициях: [o], [o], [α], [ь], [ъ]...

Само допущение о том, что звукотип [ъ] может быть вариантом <o>, недопустимо, если только мы не отдаем себе отчет в том, что отношения инвариант/вариант могут основываться не только на субстанциональном тождестве/подобии, но и на тождестве функциональном. Между тем функциональные тождества субстанционально различных реалий пронизывают мир человека. Простейший пример: мелок, перьевая ручка, шариковая ручка, карандаш, принтер, гусиное перо... Варианты фонемы <o>, не будучи тождественны друг другу по своим артикуляторным и акустическим свойствам, тем не менее, тождественны функционально как реализации конкретной фонемы в конкретной фонетической позиции. Конечно же, основной вариант фонемы <o> звукотип [o] — это иной звукотип, чем, скажем, вариант [α], представляющий фонему <o> в первом предударном слове. Иной артикуляторно и акустически. Тем не менее, эти звукотипы тождественны по своей функции: цель их бытия в системе русского языка — бытие вариантами конкретной фонемы. Множество вариантов — иная форма существования фонемы. Это не единственный пример изоморфной для всех ярусов языка ситуации функционального тождества субстанционально нетождественных единиц.

Отношения функционального инварианта и вариантов изоморфны для всех подсистем языка. В семантике эти отношения осложняются односторонностью инварианта и двусторонностью знаковых вариантов. Мы писали об этом феномене, именуя его «семантема» и определяя в качестве основной единицы системы номинативных средств естественного языка [2: 145–150]. Фактором, обуславливающим существование множества вариантов семантемы, является разнообразие типовых ситуаций, в которых семантеме «приходится» реализоваться. Совокупность условий, определяющих осуществляемый говорящим выбор одного из возможных способов экспликации языкового понятия, мы называем позицией.

Регулятивность языка присутствует в сфере номинации в форме типических состояний «среды» — в форме множества позиций, требующих использования определенных вариантов той или иной семантемы. Говорящий в своей речевой деятельности — «бесперебойном процессе номинации» — сталкивается с необходимостью выразить конкретное языковое понятие. Говорящий располагает арсеналом средств такого выражения — совокупностью вариантов семантемы. В каждом конкретном случае возникает своего рода «кроссворд»: для экспликации семантемы в данной позиции будет избрана та номинативная единица, которая с точки зрения субъекта говорения максимально точно соответствует числу и характеру «клеточек»-признаков, присущих данной ситуации. Аналогия с кроссвордом достаточно наглядна: если в задании к нему мы прочитаем формулировку сигнификата, например, «орган зрения», который необходимо выразить в заданной ситуации, определяемой числом букв, то наши действия будут совпадать с поведением в реальной речевой ситуации: мы попытаемся отыскать слово с указанным нам смыслом, которое вошло бы в требуемое число клеточек или соответствовало бы заданным параметрам ситуации общения. Если «клеточек» три, это — «око», если четыре — «глаз» и т. д.

Рассмотрим ряд примеров, наглядно демонстрирующих лингвистический механизм формирования вариантных единиц внутри языковой системы. Так, в картине мира каждого носителя русского языка есть концепт (сигнификат) «верховный законодательный орган». Этот концепт может быть реализован в речи рядом соотносительных, но не тождественных номинативных единиц: *Государственная Дума, Парламент, Верховная Рада*.

Выбор того или иного варианта реализации данного концепта определяется позиционными условиями. В зависимости от того, в какой позиции находится говорящий по отношению к конкретному объекту реальной действительности, им может быть выбрана в качестве основного варианта каждая из этих единиц. Если речь идет о Российской Федерации, то позицию основного варианта занимает сочетание *Государственная Дума*, если объектом номинации выступает украинский орган власти, то основным вариантом становится сочетание *Верховная Рада*.

Особенности реализации инвариантного значения в грамматике мы можем наблюдать на примере изменения соотношения предлогов *на* и *в* в сочетаниях «на Украине» / «в Украине». Данные предлоги выражают одно и

то же пространственное значение, но для русского языка в России основным вариантом реализации данного значения в указанном сочетании будет форма с предлогом *на*, а для варианта русского языка в Украине позицию основного варианта занимает форма с предлогом *в*.

В фонетической системе русского языка в Украине и в России наблюдается изменения между соотношением вариантов реализации фонемы <ɛ>. Так, при реализации этой фонемы в русском языке в России основным вариантом является взрывной [г], а фрикативный [ɣ] находится на периферии, возникая, например, в слове [боу]. Однако в речи носителей русского языка в Украине фрикативный звук перемещается с периферии и постепенно начинает выступать в качестве равноправного варианта реализации данной фонемы.

После этих примеров ясно, что, говоря о национальных вариантах русского языка, мы имеем в виду русский язык как инвариант, противопоставленный другим инвариантам, таким как английский язык, украинский язык, немецкий язык... Этот инвариант реализуется в различных «позициях», каковыми выступают государства: Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан и других. Конечно же, основным национальным вариантом русского языка (подобно основным вариантам фонемы, семантемы и других языковых единиц) является российский вариант русского языка. Именно он, равно как и основной вариант фонемы или семантемы, в массовом сознании отождествляется с самими инвариантом.

Российский вариант русского языка, тем не менее, это один из национальных вариантов русского языка, существующих на территориях иных государственных образований. К сожалению, мы до обидного мало знаем о том, что из себя представляют «неос-новные» национальные варианты русского языка: каковы направления варьирования, какова мера или глубина варьирования — на все эти и многие другие вопросы нет не только ответов, но и инструментария для их получения.

Как представляется, внимательное и адекватное отношение к принципиально присущему естественному языку свойству существовать в форме множества вариантов заставило бы нас наконец-то отказаться от одного из самых стойких окололингвистических мифов — мифа о том, что любое взаимодействие языков, взаимодействие, ставшее обыденным делом в эпоху глобализации, приводит к «порче» «чистых», «идеальных», «правильных» языков.

13 ЛИТЕРАТУРА

- 1. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика: учебник для вузов. М.: РГГУ, 2001.**
- 2. Рудяков А. Н. Язык, или Почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка). Киев: Грамота, 2004.**
- 3. Словарь социоллингвистических терминов / Под ред. В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН, 2006.**

14. УЧЕТ ЯВЛЕНИЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК НЕРОДНОМУ В ШКОЛАХ С ПОЛИЭТНИЧЕСКИМ СОСТАВОМ УЧАЩИХСЯ

При обучении русскому языку как второму нерусские учащиеся встречаются с большими трудностями, особенно тогда, когда их родной язык относится к иной языковой системе. В этом случае они, как правило, мыслят на родном языке, поэтому допускают большое количество интерферентных ошибок, то есть ошибок, являющихся следствием ложных соответствий, которые ими устанавливаются между единицами двух языковых систем: системой своего родного языка и системой изучаемого языка. Касаясь данного вопроса, известный лингвист и методист Л. В. Щерба отмечал, что родной язык нельзя изгнать из голов школьников, которые только тогда понимают смысл нового для них слова или языкового явления, когда находят для них соответствующие эквиваленты в родном языке [3: 56–7].

Интерферентные ошибки обычно вызывают явления, существующие в родном и изучаемом языках, но имеющие различия, и явления, которые вовсе отсутствуют в родном языке. Поэтому, например, в процессе работы над произносительными навыками нерусских учащихся необходимо учитывать особенности фонетической и фонологической систем русского и родного языков школьников. Важно иметь в виду, что в разносистемных языках наблюдаются как количественные, так и качественные расхождения звуков.

Есть языки, в которых нет русских звуков «щ», «ы» и т. д. Нет в них также деления согласных на твердые и мягкие. В результате неправильного произношения слов с этими звуками у обучаемых появляется так называемый акцент, определяемый А. А. Реформатским как «подчинение чужой фонетики фонологическим навыкам своего языка» [1: 508].

При обучении орфоэпическим нормам русского языка необходимо добиваться того, чтобы ученик в конечном счете научился правильно произносить звуки не только в изолированной позиции, но и в потоке речи.

В школах с полиэтническим составом учащихся особое внимание следует уделить выработке навыков постановки ударения в словах и интонационного оформления своих мыслей согласно законам русского языка. Практика показывает, что ошибки в постановке ударения в речи нерусских учащихся весьма распространены и устойчивы. Связано это с тем, что в русском языке ударение не имеет постоянного места и в разных словах может стоять то на первом слоге, то на втором, то на третьем и т. д. Тогда как для носителей многих родных языков привычной является постановка ударения на одном и том же слоге. Следовательно, работа по фонетике в полиэтнических школах должна неразрывно сочетаться с работой над ударением (как словесным, так и логическим), приобретением навыка деления предложений на интонационно-смысловые отрезки при помощи пауз, а также с работой над особенностями произношения наиболее распространенных в русском языке интонационных конструкций. При этом необходимо довести до сознания учащихся, что правильное литературное произношение — важный показатель общекультурного уровня человека, что орфоэпические ошибки отвлекают

слушателя от содержания предмета речи и тем самым затрудняют процесс межличностной коммуникации.

Говоря учащимся об особенностях русского ударения, на конкретных примерах следует показать следующее:

- 1) ударный слог произносится с большей силой; ударение характеризуется большей громкостью ударного слога;
- 2) ударный слог более длительный;
- 3) ударный слог в отличие от безударного характеризуется значительной напряженностью произносительного аппарата, а также усилением выдоха.

При изучении ударения важное место должны занимать акцентологические упражнения с использованием технических средств обучения. Работу над произношением в нерусской аудитории необходимо производить в продолжение всего курса русского языка с тем, чтобы обучаемые достигли соответствующего уровня речевого самоконтроля, т. е. научились слышать себя и не пропускать русские звуки, по выражению известного ученого Н. С. Трубецкого, через «фонологическое сито» родного языка [2: 60].

Изучение темы «Лексика» следует проводить с учетом сходств и различий в количестве значений слов в родном и русском языках учащихся, которые подразделяются на следующие группы:

- 1) слова, совпадающие по значению в родном и русском языках;
- 2) русские многозначные слова, которым в родных языках соответствуют однозначные слова;
- 3) многозначные слова родных языков, которым в русском языке соответствуют однозначные слова;
- 4) русские слова, которые в родных языках передаются словосочетаниями;
- 5) слова родного языка, которые в русском языке передаются словосочетаниями.

Лексические расхождения между русским и родными языками вызывают у учащихся большие трудности. Особые же трудности возникают при усвоении ими русских слов с переносным значением в силу различия образных систем языков, на что нужно обращать постоянное внимание на уроках русского языка и литературы.

По теме «Лексика» в методике преподавания известны различные типы упражнений, наиболее эффективными из которых являются:

- 1) упражнения на выбор лексических единиц;
- 2) упражнения на усвоение грамматических норм и структур лексических единиц;
- 3) упражнения на сочетание лексических единиц;
- 4) упражнения на актуализацию лексических единиц в аспекте ситуативно-тематической направленности речевого высказывания;
- 5) упражнения на конструирование текстов с использованием слов с переносным значением.

Такого рода упражнения будут способствовать обогащению лексического запаса учащихся.

При изучении раздела «Морфология» возникает острая необходимость в том, чтобы особо выделить те языковые явления русского языка, которые отсутствуют в родных языках учащихся, и организовать работу по формированию у обучаемых умений и навыков правильного употребления их в речи. Одновременно потребуют корректировки также знания и умения, имеющиеся в языковом опыте учащихся, но еще недостаточно сформированные. В данном случае речь идет о тех темах школьного курса русского языка, которые хотя и изучались учащимися, но по тем или иным причинам были усвоены слабо и нуждаются в повторном рассмотрении.

К грамматическим явлениям, отсутствующим в родных языках или не имеющим прямых соответствий с явлениями русского языка, вызывающими особые трудности у учащихся, относятся:

- 1) наличие в русском языке категории рода существительных и ее отсутствие в родных языках;
- 2) несовпадение падежных систем русского и родных языков;
- 3) наличие предлогов в русском языке и отсутствие их в родных языках;
- 4) наличие категории совершенного и несовершенного вида в русском языке и отсутствие ее во многих родных языках;
- 5) различия в категории одушевленности и неодушевленности в русском и родных языках и т. д.

Работа над данными грамматическими явлениями в школах с полиэтническим составом учащихся требует к себе особого внимания.

Изучая тему «Части речи», учащиеся прежде всего должны научиться определять род существительного по его значению (семантические признаки), по падежным окончаниям (морфологические признаки) и по словам, которые в предложении согласованы с существительными (синтаксические признаки). Особые трудности в работе над данной темой вызывает у нерусских школьников определение рода существительных по морфологическим и синтаксическим признакам. Следовательно, этому материалу нужно уделить особое внимание.

Значительные трудности связаны и с усвоением категории одушевленности и неодушевленности, так как в родных языках вопрос «кто?» ставится только к словам, обозначающим человека. Слова же, обозначающие животных, насекомых, птиц и неживые предметы, отвечают на вопрос «что?».

Одной из наиболее трудных тем в курсе русского языка является «Глагол». Носители многих родных языков (например, тюркских) сталкиваются с большими трудностями, вызываемыми многообразием грамматических значений этой части речи, сложностью ее образования и изменения. Эти трудности усиливаются тем, что русскому глаголу присущи такие грамматические категории, которые не имеют аналогов в родных языках обучаемых. Это прежде всего категория вида. Неправильное употребление видовременных форм глагола характерно для многих нерусских учащихся. Оно с трудом ликвидируется вплоть до окончания учащимися средней школы.

В процессе работы над морфологическими темами следует постоянно обращать внимание на текстообразующие возможности различных частей речи. С этой целью прежде всего полезно практиковать упражнения на употребление каждой из них как средства межфразовой связи.

При изучении курса синтаксиса следует особо выделить вопросы согласования и управления слов, а также порядка расположения членов предложения, усвоение которых у нерусских учащихся вызывает серьезные трудности. Школьникам необходимо показать, чем отличается мелодика русской фразы от мелодики фразы того или иного языка, чтобы предупредить появления у обучаемого акцента. Методика обучения русскому языку в полиэтнических классах должна предполагать также обучение нерусских учащихся национальной культуре русского народа, ее специфике, которая отличается от родной культуры. В связи с этим школьники должны овладеть русским речевым этикетом, являющимся одним из важных элементов национальной культуры. Правилам речевого поведения на уроках необходимо обучать с учетом национальных особенностей речевого поведения нерусских этносов.

Культуроведческому аспекту обучения русскому языку нужно найти место при изучении всех программных тем. Важность этого вопроса в настоящее время осознается не только учеными и учителями, но и широкой общественностью. Поэтому школьники должны получать знания о русском языке как форме выражения национальной культуры, взаимосвязи языка и истории народа, о национально-культурной семантике русского народа, о русском речевом этикете как элементе национальной культуры, а также о диалоге культур разных народов. Все это будет способствовать выработке у учащихся толерантного сознания и навыков межличностной и межэтнической коммуникации.

14. ЛИТЕРАТУРА

1. Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе. М.; Л., 1947.
2. Реформатский А. А. Фонология на службе обучения произношению родного языка // Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
3. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1961.

15. ИЗМЕРЕНИЕ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ВИТАЛЬНОСТИ

Около 30 лет назад было введено понятие этнолингвистической витальности (*ethnolinguistic vitality*). В течение прошедшего времени накопилось значительное количество исследований, но концептуальная основа витальности не успела ещё стать отдельной областью, соединяющей социолингвистику, культурные исследования и социальную психологию [8; 12]. Частично это обусловлено большой запутанностью феномена, из-за чего

трудно предложить подходящую основу для анализа процессов языкового сдвига и смены идентитета [4: 21]. Данная работа предлагает короткий обзор прошлых исследований и описывает принципы новой модели, объединяющей взгляды социальной психологии, социолингвистики и коммуникативных исследований.

1. Понятие этнолингвистической витальности

«Витальность этнолингвистической группы — это та сила, которая заставляет группу вести себя в межгрупповых ситуациях как отличная и активная коллективная единица» [7: 308]. Было выдвинуто предположение, что группы, имеющие низкую витальность, склонны к прекращению существования как отдельные коллективы, тогда как группы с высокой витальностью вероятнее всего выживут. Были предложены три структурные переменные, которые с наибольшей вероятностью могут влиять на этнолингвистическую витальность: демографическое состояние группы, её институциональная поддержка и статусный фактор [7].

За «грубые и неточные механизмы анализа» [9: 193] и за недостатки в детализировании понятие и измерение этнолингвистической витальности было сильно раскритиковано. Критика была резко отвергнута [10], но проблемы методологического характера остались: несмотря на то, что понятие этнолингвистической витальности интуитивно хорошо ощутимо, исследовательские работы в данной сфере до сих пор не дошли до разработки единой, широко акцептированной техники измерения витальности. Причины тому разные.

Первоначальные проблемы проистекают из-за того, что социальные явления крайне разнообразны и трудно измеримы. Очевидно, что на витальность групп влияют разные факторы: экономические, демографические, историческо-культурные и политические. К тому же, до сих пор отсутствует какой-либо общий способ для измерения экономической, культурной, политической или демографической мощи одной или другой групп. Эти обстоятельства можно описать довольно детально, но невозможно выразить в соизмеримом виде. Вторая методологическая проблема вытекает из того, что так называемые факторы объективной витальности не влияют на витальность или ассимиляцию группы прямо, а только косвенно. Причина этому в том, что, строго говоря, смена языка происходит не на уровне группы, а на уровне индивида. В зависимости от индивидуальных убеждений и на основе собственного решения конкретная личность решает на каком языке говорить со своими детьми и давать им образование. Понятно, что процесс смены языка обусловлен позицией индивидуума, а не экономической, политической или культурной мощностью общей группы. Известно, что отношения и убеждения человека формируются в большой степени под влиянием общественного дискурса, поэтому объективные факторы витальности могут оказывать воздействие на позицию индивидуума только в той мере, в какой они отражаются в общественном дискурсе. Следовательно, исходя из вышесказанного, разумно рассматривать большую или меньшую силу жизненной функции группы путём измерения отношений и верований её

членов. Данная методика предполагает, что какая бы ни была реальность, если членам группы кажется, что их группа бесперспективна, то они ведут себя одинаково, меняя язык, независимо от численности этой группы, статуса и прочих объективных факторов. Естественно, что связь установок в поведении не прямая [1], но предположительно стойкая. Итак, используя хорошо развитую в области изучения отношений методику, возможно получить легко сравнимые результаты по витальности довольно разных групп. Эти положения и составляют основу для представленной ниже модели витальности (V).

2. Принципы модели V

Основываясь на теории социального идентитета [11] и на предыдущих моделях этнолингвистической витальности [2; 3; 7], модель V [5; 6] подробно описывает структурные отношения между четырьмя переменными: 1) осязаемая силовая разница между внутренней группой и её наиболее заметной внешней группой (*perceived strength differential*, PSD), 2) уровень диссонанса между группами (*the level of inter-group discordance*, D), 3) осязаемая межгрупповая дистанция (*perceived inter-group distance*, R) и 4) уровень утилитаризма в системе ценностей определённой группы (*the level of utilitarianism*, U). Рассмотрим предложенную модель подробнее.

2. 1. Осязаемая разница в силе положений

Предполагается, что по своей сути витальность зависит от реальных или символических возможностей и вознаграждений (включая позитивную социальную идентичность), которые группа может предложить своим членам. Осязаемая разница в силе положения какой-либо внутренней группы (S1) фиксирует общее мнение, насколько ценно быть членом этой группы. Осязаемая разница в силе положения самой заметной внешней группы (S2) определяет убеждение, насколько желанно быть членом этой внешней группы. Осязаемая силовая разница между группами (PSD) выражает, насколько желанным для личности будет поменять свою принадлежность к той или иной группе.

Если PSD более близок к внешней группе (S2), то социальная мобильность рассматривается членами внутренней группы (S1) как путь к улучшению своего социального положения в обществе. При незначительной разнице восприятия силы положений групп, издержек при смене идентичности будет больше чем возможных преимуществ. Математически, это можно выразить в виде формулы: $V = S1 - S2$.

В этой формуле: S1 — обозначает осязаемую силу внутренней группы (G1), S2 — обозначает осязаемую силу заметной внешней группы (G2). Если $V \geq 0$, то витальность группы G1 высокая, если $V < 0$, то группа (G1) имеет тенденцию к ассимиляции с группой (G2), и чем она выше, тем отрицательнее будет величина V.

2. 2. Межгрупповой диссонанс

Другой фактор, который воздействует на витальность, это стабильность ситуации внутри группы. Ощущаемая нестабильность может усилить витальность [13]. Стабильность может выражаться через комбинирование

факторов законности и витальности [7:335]. Следовательно, можно утверждать, что осязаемая стабильность ситуации внутри группы тем выше, чем больше негативная силовая разница между группами (PSD) и чем более законной считается ситуация.

Для понимания этой закономерности в модель V внесена переменная диссонанса D). Диссонанс выражает осязаемую незаконность межгрупповых силовых отношений, а также стигматизацию, дискриминацию, исторические несправедливости и т. д. Чем меньше негативный PSD и/или выше D, тем более нестабильной воспринимается ситуация, так как группа с низким статусом имеет как мотивацию (установление справедливости), так и осязаемое желание поменять силовые отношения. Это предполагает более высокую витальность внутренней группы (G1). Когда осязаемая силовая разница между группами высокая, а ситуация считается законной и стабильной, то члены внутренней группы (G1) переходят во внешнюю группу (G2). Это указывает на низкую витальность G1. Когда к имеющейся формуле добавлен фактор D, то она приобретает следующий вид:

$$V = (S1 - S2) + D.$$

2. 3. Межгрупповая дистанция

Однако высокая стабильность не всегда означает смену языка и идентичности. Есть ситуации, когда члены группы с низким статусом могли бы извлечь определённую пользу от смены группы, но альтернатива социальной мобильности для них не открыта. Социальная мобильность возможна только, если границы групп проходимы, и прототипы членов соответствующих групп достаточно похожи. В модели V эти факторы выражены переменной межгрупповой дистанции (R). Это сумма культурных различий между группами (язык, религия, ценности, коллективизм, гендерные роли, еда, одежда и прочее) и уровнем сцепления их социальных сетей. Чем больше межгрупповая дистанция между внутренней группой G1 и внешней группой G2, тем меньше витальность G1 находится под влиянием высокого статуса G2. Эффект межгрупповой дистанции может быть сформулирован следующим образом: $V = (S1 - S2) + D) / R$.

Чем выше величина R, тем ближе V подходит к нулю, точке стабильности. В таком случае группа с низким статусом, которая очень отличается от доминантной группы по расовым, языковым и религиозным признакам, будет иметь более высокую витальность, чем группа с похожим низким статусом, которая очень близка к доминантной группе по тем же самым признакам.

Кроме того, есть ситуации, когда даже сходства не обуславливают смену принадлежности к группе, как, например, в случае эмишей: они двуязычны, расово близки к большинству белых американцев и христиане по религии, но группа довольно витальна.

Возможная причина их успешного сохранения обусловлена консервативными культурными ценностями, которые выражены индексом утилитаризма (U).

2. 4. Утилитаризм

Индекс U несёт в себе влияние культурных ценностей утилитаризма и традиционализма на витальность. Чем выше утилитаризм в группе с низким статусом, тем больше вероятность, что её члены предпочтут другие, более полезные социальные идентичности.

С другой стороны, если группа очень традициональна и эмоционально привязана к своему языку и идентичности, это может значительно усилить её витальность. Предполагая, что утилитарные и традиционные ценности — это две противоположности одной величины ценностей, то влияние U на модель V может быть выражено так: $V = U ((S1 - S2) + D) / R$.

Если $U = 0$ (т. е. абсолютная приверженность традициям и отсутствие утилитаризма), то целое уравнение становится равно нулю, тем самым означая, что группа витальна несмотря на негативный PSD. Это может быть случай очень консервативной группы (например: эмиши). Если $U = 1$, то утилитаризм не имеет никакого влияния на витальность.

Если группа максимально утилитарна, то есть $U = 2$, то воздействие PSD на витальность возрастает вдвое.

Заключение

Данная статья представляет формальную модель, которая может быть использована для получения абсолютно сопоставимых данных в разных межэтнических контактных ситуациях. Теоретически, математическая модель V ставит точную гипотезу о взаимодействии описанных выше факторов, что в свою очередь делает возможным опровержение модели в ходе опытного тестирования и позволяет систематическое и накопительное (кумулятивное) усовершенствование теории посредством сравнительных исследований.

15. ЛИТЕРАТУРА

1. Ajzen I., Fishbein M. The influence of attitudes on behavior // The handbook of attitudes / D. Albarracin, B. T. Johnson & M. P. Zanna (eds.). Mahwah; New Jersey: Lawrence Erlbaum, 2005.
2. Allard R., Landry R. Subjective Ethnolinguistic Vitality: A Comparison of Two Measures // *International Journal of Sociology of Language*. 1994.
3. Bourhis R. Y. Acculturation, language maintenance, and language shift // Theories on maintenance and loss of minority languages / J. Klatte-Folmer & P. van Avermaet (eds.). Munster; New York: Waxmann, 2001.
4. Clyne M. Dynamics of language contact. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
5. Ehala M. An evaluation matrix for ethno-linguistic vitality // Rights, Promotion and Integration Issues for Minority Languages in Europe / S. Pertot, T. Priestly & C. Williams (eds.). Hampshire, UK:

- Palgrave Macmillan, 2008.
6. *Ehala M.* The role of MTE in language maintenance and developing multiple identities // *European Identities in Mother Tongue Education* / S. Kiefer & K. Sallamaa (eds.). Linz: Trauner Verlag, 2005.
  7. *Giles H., Bourhis R. Y., Taylor D. M.* Towards a theory of language in ethnic group relations // *Language, ethnicity and intergroup relations* / H. Giles (ed.). London: Academic Press, 1977.
  8. *Hogg M. A.* Social identity theory // *Contemporary social psychological theories* / P. J. Burke (ed.). Palo Alto, CA: Stanford University Press, 2006. PP.
  9. *Husband C., Saifullah Khan V.* The viability of ethnolinguistic vitality: Some creative doubts // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 3 (3). 1982.
  10. *Johnson P., H. Giles & R. Y. Bourhis.* The viability of ethnolinguistic vitality: A reply // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 4. 1983.
  11. *Tajfel H., Turner J. C.* An integrative theory of intergroup conflict // *The social psychology of intergroup relations* / W. G. Austin & S. Worchel (eds.). Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979.
  12. *Taylor D. M., Usborne E.* Is the social psychology of language a genuine field of study? // *Journal of Language and Social Psychology*. 26. 2007.
  13. *Turner J. C., Brown R. J.* Social status, cognitive alternatives and intergroup relations // *Differentiation*

16. ТИПЫ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ КАРПАТСКОГО КОНВЕРГЕНТНОГО АРЕАЛА

Карпатский лингвистический ареал представляет собой обширный языковой континуум, объединяющий языки и диалекты многочисленных народов и этносов, населяющий роостранственную территорию от южной Польши по Драву, среднее и нижнее течение уная и от Моравы по течению Днестра. Данный ареал специалисты называют еще Карпато-Дунайским или Карпато-Балканским языковым ареалом, языковым союзом или ареальной лингвистической зоны. Как показывают исследования данного ареала, мы находим здесь многочисленные общие лингвистические элементы и структурные модели, как плане содержания, так и в плане выражения на всех языковых уровнях. Лингвистические элементы всех уровней в Карпатском конвергентном ареале определяются термином «карпатизмами», что и способствовало зарождению научной дисциплины «карпатского зыкознания».

Развитие, изменение и функционирование языков и диалектов народов, населяющих Карпатский лингвистический ареал, обеспечивается достаточно

сложным механизмом взаимодействия как внутренних и внешних, так и конвергентных и дивергентных лингвистических факторов. Первостепенная роль этому конвергентно-дивергентному процессу принадлежит лингвистической интерференции как результату языковых контактов.

Характерно, что в настоящее время исследования в области языковых контактов (интерференции, межъязыковых отношений, взаимодействия и контактирования языков) занимают одно из престижных мест не только в области общего языкознания, но и социолингвистики, становясь одной из центральных исследовательских проблем современной лингвистической науки.

Следует отметить, что в истории языкознания были попытки сузить понятие «языковых контактов» до представлений о «языковом субстрате». Некоторые лингвисты давали понятию «языковые контакты» более широкое толкование, включая в него различные языковые связи, на разных лингвистических уровнях, установившиеся как между генеалогически родственными и типологически близкими, так и не родственными, типологически отдаленными языками и диалектами. Более широкое толкование понятия «языковые контакты», по нашему мнению, полнее всего отражает многообразие межъязыковых отношений, тем более, если речь идет о классификации типов языковых контактов. При этом следует учитывать как экстралингвистические (Б. А. Серебренников, Ю. А. Жлуктенко), так и интралингвистические (В. М. Русановский, К. К. Целуйко, А. М. Рот и др.) факторы. Поскольку, в иерархии факторов конвергенции языка в Карпатском ареале особое место занимает межъязыковые взаимоотношения, то и классификация типов языковых контактов должна осуществляться по нескольким социолингвистическим критериям.

Сравнительно-историческое языкознание признавая знаковую природу языка и закономерный характер языковых изменений, обнаруживает в ряде языков внутрисистемные соответствия, и, таким образом, приходит к необходимости признать такие языки генетически родственными, возникшими путем дивергенции общего праязыка (например, латинского языка). Такая интерпретация научно подтверждается и тем, что историческое изучение данной проблемы выявляет в родственных языках больше схождений (конвергенций) в прошлом, чем в настоящее время. Это ещё раз подтверждает концепцию о том, что в развитии современных языков имел место процесс дивергенции. Поэтому процессы дивергенции и конвергенции в развитии и функционировании современных языков не могут смешиваться, поскольку они имеют диалектически противоположную направленность, различное содержание и приводят к разным результатам. При дивергенции различия в языках со временем увеличиваются, а при конвергенции, наоборот, — уменьшаются. Дивергенция охватывает самые глубинные сферы языкового материала (фонетику, лексику, грамматику), в то время как конвергенция затрагивает прежде всего периферийные слои языка, лишь затем, в зависимости от экстралингвистической ситуации, проникает глубже. Следовательно, дивергенция приводит к генетическому родству или

празыку), а конвергенция — к созданию вторичных сходств в языках независимо от их происхождения.

Исследуя проблемы балканского языкового субстрата, В. Г. Георгиев [1] выдвинул тезис о том, что по существу, речь идет не об одном субстрате, а о двух, поскольку дакомизийский и фракийский были, хотя и близкородственными, но разными языками. Этот тезис был поддержан Ч. Погирком [5], А. Врачу [7], З. Михаил [4] и др. Однако И. И. Руссу [6] и Г. Ивэнеску [3] восприняли этот тезис с большими оговорками, хотя были вынуждены признать, что существовали диалектные различия между гето-дакским севера и ракийским, функционирующим на юге Карпатского лингвистического ареала. Следовательно, дако-мизийский и фракийский языки или диалекты, функционировавшие на территории Балкан, проникли и в Центральную Европу, в том числе на территории Словакии, южной Польши, Западной Украины, входящих в Карпатский лингвистический ареал.

Таким образом, можно предполагать, что в языках и диалектах Карпатского лингвистического ареала мы имеем дело с языковой интерференцией дакомизийского, фракийского и других субстратов. По мнению А. М. Рота [2: 19], целесообразно эти субстраты называть просто карпатско-балканскими языковыми субстратами, являясь по существу, частью карпатско-балканской макроизоглоссы. Наличие или отсутствие языкового субстрата, полагает А. М. Рот, не является единственным фактором, влияющим на существование языкового союза, поскольку в образование языкового союза включаются и многосторонние языковые контакты и координативные подтипы билингвизма и мультилингвизма, которые характеризуют языковую интерференцию и языковую ситуацию Карпатского лингвистического ареала. Следовательно, даже если Карпатский лингвистический континуум и входил в состав балканского языкового союза, он был его северной, но автономной периферией.

Социолингвистические критерии позволяют определить, локализовать и описать межъязыковые отношения на территории Карпатского лингвистического ареала, что обосновывает измерение языковой ситуации по следующим типам: 1) внутренние языковые контакты, которые могут быть: а) маргинальными (пограничными), обеспечивающими непосредственные межъязыковые отношения лишь на незначительной глубине территории смежных языков и диалектов; б) интрарегиональными, обеспечивающими непосредственные межъязыковые отношения на всю глубину территории смежных языков и диалектов; 2) внешние языковые контакты бывают только немаргинальными.

Таким образом, указанные социолингвистические критерии позволяют установить продолжительность и интенсивность межъязыковых отношений, которые делятся на множество типов и подтипов: 1) перманентные языковые контакты, обеспечивающие долговременные, систематические и интенсивные связи между языками и диалектами разных этнических групп; 2) каузальные языковые контакты, представляющие собой случайные или временные связи между языками и диалектами разных этнических групп. Со-

циолингвистические критерии способствуют также выяснению тех ситуаций, при которых устанавливаются конкретные языковые взаимосвязи между естественными и искусственными языковыми контактами.

Исследование проблем межъязыковых отношений в социолингвистическом аспекте предполагает в основном изучение явлений естественных языковых ситуаций. Однако только экстралингвистические критерии не позволяют заглянуть внутрь межъязыковых отношений и изучить особенности процесса влияния так называемого «механизма конвергентного развития языковых контактов» взаимодействующих языков и диалектов, измерить динамику языковой интерференции и установить ее типы, поскольку социолингвистические критерии данной проблемы разработаны недостаточно. В специальной литературе по проблемам изучения языковых контактов встречаем множество противоречивых взглядов, диаметрально противоположных выводов, что препятствует изучению вопросов, связанных с динамикой языковой ситуации, структурных уровней и типов языковых контактов, определением механизма конвергентного развития, изменения и функционирования языков в исследуемом нами Карпатском лингвистическом ареале.

Социолингвистический анализ языковых контактов Карпатского лингвистического ареала позволяет определить и описать следующие типы билингвизма: 1) болгарско-румынского, болгарско-венгерского; 2) венгерско-румынского, венгерско-немецкого, венгерско-словацкого, венгерско-сербского, венгерско-украинского; 3) немецко-румынского, немецко-венгерского, немецко-польского, немецко-сербского, немецко-словацкого, немецко-украинского; 4) польско-румынского, польско-словацкого, польско-украинского; 5) румынско-сербского, румынско-венгерского, румынско-немецкого, румынско-польского, румынско-украинского; 6) сербско-румынского, сербско-венгерского, сербско-немецкого; 7) словацко-румынского, словацко-венгерского, словацко-немецкого, словацко-польского, словацко-украинского; 8) украинско-румынского, украинско-венгерского, украинско-польского, украинско-словацкого.

Основным фактором, оказавшим действенное влияние на интенсивность языковой ситуации в Карпатском лингвистическом ареале, является культурно-исторические и религиозные связи народов ареала. На протяжении многих веков совместной жизни народы Карпатского ареала всех национальностей постоянно обменивались духовными богатствами своих культур, следы которых мы находим в фольклоре, народной музыке, танцах, зодчестве, национальной одежде, а также в книжно-литературной форме билингвизма.

Интерференция в ситуации многоязычия способствует более интенсивной выработке общих конвергентных «карпатских» черт у взаимодействующих языков и диалектов исследуемого языкового континуума, значительному взаимопрощению их структурных различий, чем при билингвизме.

Исследования в области карпатского языкознания последних десятилетий XX в. помогли глубже исследовать «механизм» образования и характер функционирования карпатизмов, а также установить некоторую динамику развития и взаимодействия румынского, олгарского, венгерского, немецкого, польского, словацкого, украинского языков, функционирующих в Карпатском лингвистическом ареале. Теория языкового субстрата, языкового союза и языковой интерференции были разработаны известными лингвистами разных стран: В. И. Абаев, С. Б. Бернштейн, Р. А. Будагов, В. М. Жирмунский, Э. А. Макаев, А. Вашек, З. Голомб, П. Папахаж, В. Пизани, К. Й. Сандфельд, Б. А. Серебренников, П. Скок, О. Н. Трубочев, П. И. Хайду и др. Однако они всесторонне изучали лишь динамику языковой интерференции балканского субстрата и балканского языкового союза.

Социолингвистические процессы конвергентного развития, отражающие общие экономические, исторические, этнографические и географические факторы, а также длительное многолатеральное взаимодействие языков и диалектов способствовали развитию основных типов языковых контактов. Именно эти факторы воздействовали на языковую ситуацию и языковую систему взаимодействующих языков и диалектов, на образование карпатизмов в контексте материальной и духовной культуры народов, населяющих современный Карпатский конвергентный лингвистический ареал.

Научный интерес представляет анализ карпатизмов на лексическом и этимологическом уровне, что непосредственно связано с языковыми заимствованиями в каждом из языков ареала. В исследуемом языковом ареале, благодаря многолатеральным языковым контактам, историческим источником многих лексических заимствований (карпатизмов), вероятно, был не один контактирующий язык или диалект, а несколько или все. Следовательно, все языки и диалекты Карпатского лингвистического ареала были первоначально историческими источниками заимствования, интерференции и образования карпатизмов.

Свидетельством билатеральных и многосторонних языковых контактов Карпатского лингвистического ареала являются семантические кальки-карпатизмы, составляющие различные лексико-семантические микроструктуры, в которых доминирует лексика социального образа жизни и горного пастушества. Лексические "карпатизмы" охватывает также терминологию жилищного строительства, скотоводства и пастушества, религиозных, национальных обрядов и одежды.

Особый научный интерес вызывает измерение динамики языковой ситуации двуязычия и многоязычия народов и этнических групп Карпатского лингвистического ареала. Более обоснованной и полной является классификация языковых контактов, данная на основе социолингвистических принципов и представляющая научный, общественный и практический интерес. Прогресс в развитии и функционировании языка связан со следующими типами языковых изменений: обогащение лексики, упорядочение грамматического строя, стабилизации системных отношений и

устранение исключений, переход от конкретных категорий к более абстрактным как в лексике, так и в грамматике, семантике, терминологии и др.

При определении основных типов и подтипов билингвизма в Карпатском конвергентном лингвистическом ареале необходимо исходить из типологии языкового состояния ареала, поскольку большинство из типов двуязычия народов и этнических групп, населяющих огромную территорию ареала, выросло из многовековых (более тысячу лет) перманентных маргинальных и интеррегиональных языковых контактов.

16. ЛИТЕРАТУРА

1. *Георгиев В.* К вопросу о балканском языковом союзе // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6.

Языковые контакты. С. 398–418.

2. *Ром А. М.* Особенности взаимодействия языков и диалектов Карпатского ареала. Ужгород, 1973.

3. *Ivănescu Gh.* Teoria lui Vladimir Georgiev despre limba traco-dacă // Analele Univ. Timișoara.

Filologie. Timișoara, 1964, № 2. P. 255–258.

4. *Mihail Z.* Terminologia portului popular românesc în perspectivă Sud-Est Europeană. Buc., 1979.

5. *Poghirc C.* Considerations linguistiques sur l'ethnogenese paleobalkanique // Revue des etudes sudest europeenne. Buc., 1976. V. 14, № 2. P. 207–220.

6. *Russu I. I.* Etnogeneza romanilor: Fondul autohton traco-dacic și componenta latino-romanică. Buc., 1981.

7. *Vraciu A.* Limba română și limbile balcanice: Problema substantivului // Actele celui de al XII-lea

Congres intern. de lingvistică și filologie romanică. Buc., 1971. V. 2. P. 965–973.

17. МАКАРОНИЧЕСКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ СОЦИУМЕ

Современное состояние языка очень поучительно. Развитие русского языка позволяет отслеживать все те процессы, которые происходят в социодинамике, в психоисрии, в динамике социальных представлений, в общественной морали на фоне цивилизационного слома, грандиозной социальной мобильности, социальной динамики, расширения объема информации, на который *volens nolens* отвечает человеческое сознание.

Типичными для русского языка начала XXI века являются:

- жаргонизация, широкое присутствие арготизмов, молодежного сленга, компьютерного сленга;
- интеллектуализация, языковая игра, карнавализация; интертекстуальность и лингвокреативность; лингвоцентризм присуц даже жаргону как отражение

рефлексии над языком; лингвокреативность присуща даже неологизмам; заимствование элементов рекламы, слоганов, новояза;

- варваризация, заимствования (транслитерации и кальки);
- бюрократизация.

Из вышеуказанных процессов, характерных для современного русского языка, в статье показательными примерами иллюстрируются варваризация и жаргонизация. Часть новых заимствований привносится в язык в силу того, что не существует слов для самих понятий (*сканнер*), часть — как эвфемизм (*фанд-райзинг* вместо *идти по миру*, *секьюрити* вместо *обслуга*), часть — от дурной моды отвергать свое. Нет необходимости отказываться от экзотизмов, терминов и заимствований, но увеличивается число заимствований, которые говорящие воспринимают как чуждые. Необоснованные варваризмы по сути дела выступают метафоризацией престижности.

Переводоведческую проблему представляет передача неассимилированных слов и заимствований. Характерной приметой выступает сегодня использование множества транслитерированных и транскрибированных терминов из английского языка: *дисбурсментский счет*, *аудит* = *ревизия*, *авуары* = *денежные средства*, *акт сюрвейера* = *наблюдателя*, *супервизирование*, *аутсайдер*, *диверсификация экспортной базы*, *ликвидность*, *банковская интервенция*, *консорциум*, *холдинг*, *банк-ремитент*, *бартер*, *бенефициар*, *брокераж*, *чартер*, *валоризация*, *капитализация*, *толлинг*, *дисконт*, *тендер*, *клиринг*, *менеджер*, *маркетинг*, *брэндинг*, *франчайзинг*, *франшиза*, *лизинг*, *мониторинг*. *мерчандайзер*, *варрант*, *котировка*, *локаут*, *преференциальные льготы*, *ноу-хау лицензиара*, *брокерские операции*, *консигнационные операции*, *онкольная операция (on call)*, *опцион*, *бонусное отчисление*, *банк, расположенный в офшорном финансовом центре*, *хеджер*, *фондовый рынок*, *гудвил*, *консолидированный*, *солидарный*, *субсидиарный*, *консигнационный агент*, *флуктуации рынка*, *маржинальный доход*, *лицензия*, *депозитарий*, *детенишен*, *дилер*, *риэлтер*, *дистрибьютер*, *дивиденд*, *дисконтер*, *ипотека*, *презентация*, *консенсус*, *рецессия*, *римесса (remittance)*, *роялти*, *свог*, *тайм-чартер*, *тарифы*, *таксатор (tax-collector)*, *тендер00 1.000 284*, *терминал*, *транзит*, *трансферт*, *фондирование*, *форфейтинг*, *фри-аут*, *хайринг*, *инжиниринг*.

Злоупотребление англоязычной терминологией маскирует отсутствие самостоятельного мышления, усвоенность истин извне, без критической оценки, пустоту речи, скрывающуюся за не всегда доступным декодированию «фасадом»: *легальность*, *легитимность*, *промоушен*, *комиссионер*, *индемнитет*, *ратификация*, *конвенционный*, *компетенция*, *консигнация*, *консорциум*, *контрагент*, *контракт «продакшн шеринг»*, *контроферта*, *конъюнктура*, *котировка*, *транзикация*, *лаг*, *ликвидность*, *либерализация*, *лизинг*, *ликвиды*, *лимиты*... Наблюдается засилие и повседневной иностранной лексики, в том числе сниженной, употребляемой к месту и не к месту — *нюсмейкер*, *секьюрити*, *хедлайн*, *ридер*, *бемиситтер*, *кастинг*, *киллер*, *промоушен*, *мерчандайзинг*, *фандрайзинг*, *маркетинг*, *брэндинг*, *менеджер* вместо *продавец*). Вплоть до смешного: «*Ильич* — *бренд*

нашего города» об Ульяновске.

Подобно транслитерации варваризмов к сходным семантическим явлениям в газетах мы относим необоснованно частое и не вызванное объективными потребностями речевого поведения калькирование англоязычных терминов, особенно терминов-словосочетаний: *валюта, привязанная к доллару (currency pegged to dollar)*, *расширять продажу (expand = extend sales)*, *платеж против аккредитива (payment against a L/C)*, *оценка по критерию цена-качество (cost effectiveness = рентабельность)*, *одобренный банк (approved bank)*, *длинные кредиты (long money)*, *колеблющаяся валюта (fluctuating currency)*, *свободно плавающая валюта (freely floating currency)*, *продолженный (продленный вексель) (extended = prolonged bill)*, *оживление рынка (revival of the market)*, *отмывание денег (laundering of the money)*, *разводнение акционерного капитала (watering of shares)*, *неосязаемые активы (non-tangible assets)*, *вялость рынка, (slackness = dullness = sluggishness of the market)*, *на давальческой основе (on a give and take basis)*.

Калькирование наблюдается и в манере построения фразы, что доказывают обильные заимствования в менталитете в сфере менеджмента: *Доставка может быть осуществлена с завода... Мы размещаем заказы... Мы (существуем) на рынке... Возможно мы сможем дать Вашей компании большие заказы... Драматически изменить стиль... Доставьте на наш адрес...*

Надуманная аббревиатурность (*поставляем в ценах СИФ, ведем расчеты в ценах ФОБ*), увлечение различными индексами (часто эпонимы) тоже заставляют выглядеть текст «иностранным».

Социальные изменения в современном российском обществе вызвали невиданные изменения и в разговорном русском языке. Современная беллетристика, где язык, по меткому выражению В. В. Виноградова, олитературивается, также не может не отражать эти изменения. Это, например, феномен сниженности, вульгаризации речи — мы называем его *феномен новой разговорности*. Это особая лингвоцентричная креативность — *новый фольклор*, отражением которого являются реклама и эстрада, даже масс-медиа.

Феномен билингвальности в современном российском бизнесе (русский плюс английский, официально продекларированные международными компаниями в качестве кредо), влияет на состояние современного русского языка. Современная российская беллетристика дала прекрасный полевой материал — книги С. Минаева «Duxless» и «The Телки». Главный герой указанных романов — бизнес-профессионал из международной компании в Москве.

Разговорный язык вестеринизированных героев пересыпан английскими словами:

— *И ты собираешься уехать в Штаты?*

— *Еще пару лет, honey. Получу head of purchasing, осуществлю some investments и все. Быстро сделать карьеру и состояние можно только в России, you know, а делать investments и жить я хочу в America.*

Язык как романа, так и героев воплощает их ценности. Это мир менеджмента, имеющего вестеринизированный флер:

— Ты решил отменить совещание?

— *Management meeting? Совещание? Нет, honey, солнце мое. Просто тут у меня ...*

— *you know* — порезал десну. Да мне тут на *reception desk* ... секретарши дали *drug*... из аптечки.

Когда тебе дадут пост партнера, ты будешь исполнять *same tricks*.

Это слишком *overestimated* проблема, — говорит одна из героинь подруге.

Компания Вадима купила в сериале продакт-плейсмент для своих духов.

Ленка. Я тебя умоляю. Все *cool*. Лена, *relax*, что такого произошло?

Клавишей *Escape* мне служили книги, привезенные мамой из *Russia*.

Это компьютеризированный мир, мир дивайсов: в *аттаче* — текст статьи; дома открываю почту, вытираю сотню писем спама; отвечаю на какие-то камни в своем ЖЖ.

«Экспаты» и «люди мира» — населяющие мир мультинационального бизнеса показаны в качестве социальной группы в романах С. Минаева. Флажками этого мира являются *маркет-ресерч*, *филд-репорт*, *сейлз*, *аутсорсинг*. Кумиры находятся на Западе, а в речи персонажа отражаются пласты варваризмов, заимствований и англицизмов, являющихся синонимами престижности, продвинутости, знакомства с европейской культурой, потребления западных продуктов.

Prada Vogue cafe, *Chateau Margaux*, *Vuitton*, *Plaza Athenee*, *Chivas Regal*, *Челси* — позывные тусовки, сигналы, посылаемые «продвинутым». Не обойтись без *Wi Fi* — для понимающего. В романах фигурируют персонажи гламура — *Ян Шрагер* и *Стив Рабелл*, *Филипп Старк*...

Сложные образцы игры слов, интертекста, часто макаронического — признак городской культуры современного российского мегаполиса:

Как закалялся «*style*»

Москва — город менеджеров на *hold-e*.

Здесь читают глянец — меню удовольствий *GQ* и *Vogue*, обсуждают *party*, *nightpeople*, *spa-салон*, сумки *Tod's*, товары *Pal Zelier*, *i Paul & Shark* и «все эти нескончаемые *cartier* — *tiffany- alainsilbershtain*».

Соответственны аллюзии: из-за алчной неврастенички, вообразившей себя Хербом Ритцем; а на полу валяется дубленка, как в том клипе у Боно из *U-2*; дальнейшее происходит как в боевиках *Гая Риччи*.

Наш герой — Хомо брэндикус. Он — англоман, если под этим понимать знатока современной американской музыкальной культуры. В его голове звучит *Moby* — “*We're all made of stars*”.

Для нашего героя характернее совсем иной ассоциативный ряд: двух молоденьких студентов, похожих на *Кайли Миноуг*; как в клипе *Satisfaction* *Benassi*.

Показательны аллюзии к фильмам: Я хочу оказаться героем, которого играл *РиверФиникс* в «Моем собственном *Айдахо*».

Кстати, обратный перевод макаронических текстов представляет собой проблему: они теряют стилистическую характеристику «неродные» на языке-рецепторе при обратном переводе.

Наряду с вторгающейся в язык варваризацией идет жаргонизация — широкое присутствие арготизмов, молодежного сленга, компьютерного сленга — *аккаунт, анлимитед, аппгрейд, апдейт, аттач, бластер, браузер, брандмауэр* (то же, что и *фейрволл*), *инсталляция, интерфейс, кластер, коннект, крэкер, кулер, курсор, кэш, мейлер, модем, модератор, монитор, ноутбук, патч, портал, принтер, провайдер, слэш, сканер, стимутор, сэмплы, трэкбол, утилиты, флоп, хакер*. С ней соотносительны проблемы вторжения в разговорный язык «общего жаргона», жаргонизированности просторечия молодого поколения. Просторечие насыщено жаргоном. Жаргон заполнил СМИ, литературу.

Характерно, что ряд заимствований переосмысливается в языковой игре. Результаты варваризации в языке вовлекаются в процесс построения жаргонизмов: *черный нал, маржа (margin), карга (cargo)*. Показателен лингвоцентризм жаргона: *аська, батоны, винды, вarez, винт, доска, ламер, юзер, мать, мастдай (mustdie), оффтопик, пень, писюк, прокси, рулез, сидюк*. Существующая практика перевода учебных материалов требует осмысления. Возьмем учебник в области экономики и управления в туризме — он полон транслитерированных заимствований, не вполне укоренившихся в языке и имеющих русские аналоги:

инкаминговый туризм, теории нейминга, туроперейтинг, дестинация, рекреационные возможности, кейтеринг... Практика перевода деловой корреспонденции заставляет вдумываться в языковую и культурную идентичность переводчиков.

Показателен лингвоцентризм современного молодежного жаргона. При изучении общемолодежного жаргона, складывавшегося в конце 1980-х и начале 1990-х гг., а также языка различных групп молодежи, а именно: музыкантов, диггеров, путешественников автостопом, байкеров, спортивных фанатов и многих других, — обращают на себя внимание как метафоризация и переосмысление (семантические способы), так и транслитерация слов: *Акум, активный флип, Алик* (мобильные телефоны фирмы Alkatel), *битая трубка, биллинг, блютуз, голозуб, синезуб, браузер, вапиться* (пользоваться WAP-режимом), *ваять мэски, вибра, гнумас, горюче-смазочные материалы (GSM), Жабa(Java), кирпич* (телефон, имеющий большие массу и линейные размеры), *красный глаз(IrDA), лыжа, мотор, моторулез, нетбизя* (network busy), *нюша, ночка, чухня, перешивать* (перепрограммировать интегральную микросхему памяти сотового телефона), *распиновка* (описание назначения контактов разъема сотового телефона), *роуминг, Семен, Сима, соньерик, Филипп, хот-биллинг, ШАР-ЖПРС* (просторечное название функции WAP-GPRS).

За последние годы язык в целом, а именно пласт молодежной лексики и жаргона обогатились следующими прописавшимися транслитерированными и не всегда приспособленными по форме к нормам русского языка

заимствованиями: *бишура* (тест на подтверждение беременности; от надписи на упаковке англ. *be sure*); *сейшн*, *беби*, *найсовый*, *ангрейдить*, *аскер*, *аскать*, *байкер*, *байк*, *берздей*, *бестовый*, *беспрайсовый*, *блэковка*, *блэк*, *бразер*, *брейкер*, *задринчить* *вайну*, *вайф*, *винды*, *виндовский* _____, *войс* («*Войс был молодой, звонкий, веселый*»), *выдринкать*, *герлы*, *гуд*, *даун*, *дарлинг*, *драйв*, *дринкать*, *дэнс*, *заинсталлить*, *задринчить*, *заслипать*, *засэйшенный*, *зафачить*, *трузера на зипперах*, *ивнинг*, *интерсейшен*, *искейпнуть*, *кантри* («*Поехали на кантри!*»), *крейзи-хаус*, *лайкать*, *лейбл*, *мани*, *мессидж*, *миксовать*, *милитэр*, *мэновый*, *мэйкаться*, *мэйло*, *найтовать*, *ню-вейвицк*, *олдовый*, *отпринтить*, *отфачить*, *отфэйсовать*, *парента*, *пати*, *перенайтать*, *пилл*, *постикать*, *прайзовый*, *прайс*, *проаскнуть*, *пэрэнс*, *рейв*, *релакснуться*, *флет*, *сконнектиться*, *спикать*, *тин*, *трэшер*, *фазер-мазер*, *фак-сейшн*, *файновый*, *фэн*, *фейс*, *френд*, *форэвер*, *форин*, *фейсушник*, *хич-хайк*, *шузы*.

Характерна специфическая манера речи — американизированные интонации типа *rising tone*, характер обращения СМИ и других отправителей публичной речи со своей аудиторией (*типлы*, *хай*).

Исследования вышеуказанных феноменов позволяют отчетливо видеть новый ракурс социолингвистики — перевыражение социальности в языке и формирование языком социальности и культуры.

18. МНОГОЯЗЫЧНЫЕ СИСТЕМЫ КОММУНИКАЦИИ

Приметой времени начала XXI века является повсеместное использование в между народном обмене информацией многоязычных систем коммуникации в языках, не пользующихся латинским письмом. Эти системы создаются на базе знаков латинского письма. Они способствуют взаимодействию языков с разными графическими системами письма.

Уходит в прошлое использование с этой целью систем транслитерации и транскрипции имен и названий в языках, не пользующихся латинским письмом, поскольку данные системы не отражают орфографии транскрибируемых и транслитерируемых текстов.

Многоязычные системы коммуникации, напротив, отражают орфографию тех языков, в которых они используются. Один из авторов доклада, В. Т. Галенко предложил использовать такие системы в качестве аутентичных форм письма государственных языков стран, не пользующихся латинским письмом [1: 83–88]. Неорфографическое латинское письмо может быть заменено, например, орфографическим письмом кириллических языков и слоговым орфографическим письмом китайского языка. Сегодня Китайская Нароная Республика — единственная нелатинопишущая страна, правительство которой придало аутентичной форме письма китайского языка на латинской основе — системе *Пиньинь* — статус официального государственного письма КНР для международного обмена информацией [5]. В самом Китае система *Пиньинь* используется как инструмент для искоренения речевых диалектов в китайском языке и для создания произносительной базы единого нормативного чтения иероглифического письма на всех уровнях образования и управления в стране. Иероглифы

китайского языка, представленные в системе *Пиньинь* с использованием компьютерной программы, конвертируются в кириллический текст в системе *Палладий плюс*. Система *Пиньинь*, используемая для передачи китайских имен и названий в западноевропейских языках, адекватна системе *Палладий плюс* для кириллических языков. Алфавитные знаки системы *Пиньинь* в основном соответствуют знакам общепринятой фонетической транскрипции. Для записи этих фонетических знаков в системе *Пиньинь* используется 31 символ и 50 алфавитных знаков.

Всякий, кто поставит перед собой задачу проанализировать системы транскрипции или транслитерации, обнаружит, что в мире не существует таких систем, в которых можно было бы транскрибировать или транслитерировать тексты с одного языка сразу на многие другие языки. Следовательно, система *Пиньинь*, которая единообразно используется всеми европейскими языками для представления в них китайских имен собственных, не является транскрипцией в общеупотребительном смысле, а представляет собой новую систему передачи имен и названий в прикладной и компьютерной лингвистике. В современном Китае, используя орфографическое письмо на основе алфавитных знаков западноевропейских языков, пишут по-китайски в системе *Пиньинь*. Это служит весомым доводом не применять к многоязычным системам коммуникации термин «транскрипция».

Единообразное представление с помощью системы *Пиньинь* имен собственных китайского языка в текстах на других языках выводит эту систему на более высокий уровень, чем простая транскрипция. Теперь китайские имена собственные могут записываться по-китайски в каждом латинизирующем языке. В связи с этим, В. Т. Галенко предложил использовать термин «аутентичная форма письма» (Authentic Scripts) по аналогии с терминологией, которая используется в России для русского аутентичного письма.

Систему *Пиньинь* следует использовать в кириллических языках так же, как она применяется в латинизируемых языках, т. е. применять единообразное написание китайских имён и названий в белорусском, болгарском, македонском, русском и украинском языках. В этом случае применение системы *Пиньинь* не будет приводить к разнобою в написании китайских имён и названий на языках с кириллической письменностью. Многоязычные системы коммуникации китайского языка и русского языка являются равноценными при взаимной конверсии текстов на этих языках и при их передаче латинским письмом.

Писать по-русски латинскими буквами в сфере международного обмена информацией можно так же, как уже 30 лет пишутся во всех латиноалфавитных языках мира китайские имена и названия, т. е. по-китайски. Аутентичная форма письма с использованием письменных средств западноевропейских языков достоверно передает фонематический строй славянских языков: белорусского, болгарского, македонского, русского и ук-

раинского. Этим она отличается от всех известных отечественных и зарубежных систем конверсии письменности, включая транслитерацию и транскрипцию. Прежде всего, имеется в виду отдельная передача средствами латинской графики мягких и твердых звуков в языках, использующих кириллицу.

В частности в текстах, записанных в аутентичной форме письма русского языка, азличаются мягкие и твердые согласные, а также мягкая гласная “О” и йотированная “О”, “Ё” и “Е” после согласных, хотя до сих пор считалось, что различать русские мягкие и твердые согласные можно только на самом русском письме, а не в его конвертированных формах. Это можно видеть на примерах передачи следующих названий в аутентичной форме: *Чёшская губа* (залив Баренцева моря) → *Chyeshskaya guba*, *чешская речь* → *cheshskaya rech'* или *Подъячево* → *Pod'yachevo*. «Аутентичная форма письма» не является самостоятельной письменностью и не заменяет традиционные национальные формы русского письма и китайского письма.

II. TransCyrillic Alphabet — International Form

(autor V. T. Galenko)

* a b ch d e f g i i

* k kh l m n o p r s

* sh t tz u v x y z zh

Алфавит **TransCyrillic** состоит из 27-ти графем (алфавитных знаков): монографов — 22, диграфов — пять.

Международные названия графем **TransCyrillic Alphabet — International Form** соответствуют названиям звуков [a], [b], [tʃ], [ts] и названиям некоторых других звуков фонетического алфавита Международной фонетической ассоциации (МФА) [1: 83–88]. Монографы и диграфы систем аутентичного письма китайского и русского языков (*kh*, *tz*, *z*, *zh*) имеют схожие или близкие звучания.

Поскольку процессы коммуникации в настоящее время осуществляются преимущественно в Интернете, особое значение приобретает то, что системы аутентичного письма на основе латиницы используют единую кодировку ASCII (American Standard Code for Information Interchange). Таким образом, имена и названия на языках, не использующих латиницу (в частности названия географических объектов), переходят из одного языка в другой язык, сохраняя свое написание в соответствии с орфографией исходного языка.

Что касается системы аутентичного письма русского языка, то в ней учитываются некоторые особенности русских слов. Например, приставка «от» в словах, корень которых начинается с буквы «з» в компьютерной программе этой системы позволяет правильно конвертировать это слово обратно в русское письмо *otzvuk* → *отзвук*, хотя алфавитный знак «tz» в этой системе передает русскую букву «ц». В словах иностранного происхождения система допускает использование знаков, не входящих в ее алфавит, для

отображения облика имени или названия на языке оригинала, например, *жюри* → *jury*,

дарвинский → *darwinskiy* [2].

Мы хотели бы обратить внимание на то, что правительство КНР наделило систему аутентичного письма *Пиньинь* статусом официального государственного письма КНР для международного обмена информацией, Правительство же Российской Федерации пока такого шага не сделало и не наделило статусом официального государственного письма русского языка соответствующую многоязычную систему коммуникации.

18. ЛИТЕРАТУРА

1. *Галенко В. Т.* Нормализованное написание русских географических названий в латинице // Известия РАН: Серия географическая. 2005. № 4.

2. *Галенко Г. В.* Программа для драйвера клавиатуры ЭВМ «Кодгал — Двудеинная конверсия нелатинских символов письма» (Кодгал — Codgal) // Программы для ЭВМ, Базы данных, Топологии интегральных схем: Официальный бюллетень Российского агентства по патентам и товарным знакам. 2001. № 1 (34). С. 116. Приоритет от 07 09 2000.

3. *Галенко В. Т.* Программа Chinese-Cyrillic system // Программы для ЭВМ, Базы данных, Топологии интегральных схем: Официальный бюллетень Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам. 2007. № 2 (59). Приоритет от 26 10 2006.

Объекты авторского права, имеющие государственную регистрацию:

4. Atlas of China. Beijing: China Cartographic Publ. House, 1999. Index glossary in *Pinyin*.

5. *Galenko V. T.* Authentic Texts and Authentic Scripts //Scientific and Technical Information Processing. 2008. Vol. 35, No. 3.

19. ЧЕЛОВЕЧЕСТВО И ЯЗЫК С КИБЕРНЕТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ

Проблемы возникновения и развития языка целесообразно рассмотреть в контексте системного представления о человечестве как о целостной самоуправляющейся иерархической системе, проявляющей целесообразность своего приспособительного поведения. В ходе развития человечества последовательно образуются иерархические подсистемы со всё большей иерархической «высотой», демонстрирующие всё более сложные и более оптимальные (энергетически) формы своего приспособительного поведения как целого (рис. 1). Саму же процедуру последовательного наращивания числа уровней/ярусов иерархической системы в ходе её формирования будем называть метаэволюцией [1].

В процессе метаэволюции человечества выделяются основные моменты: ≈123 тыс. лет назад, ≈8, 1 тыс. лет назад, ≈1446 г., ≈1946 г., ≈1979 г. и т. д. (цифры расчетные, периоды между ними соотносятся как ≈15 : 1, точнее, *ee* : 1, т. е. реализуют соотношение, характерное для критических уровней систем живой природы [2] и человечества [1]). Эти временные моменты модельно связаны с началом возникновения новых ярусов в иерархии системы человечества, с типичными размерами — радиусами условного круга той же

площади — соответственно ≈ 15 км («округа»), ≈ 222 км («сверхрайон»), $\approx 3,37$ тыс. км («сверхстрана»), ≈ 51 тыс. км (Земля), ≈ 773 тыс. км (околосолнечный Космос) и т. д. (которые, по тем же причинам, соотносятся между собой как $\approx 15 : 1$, или $ee : 1$), а содержательно — с началом создания развивающимся человеком новых *информационных технологий (ИТ) общения между людьми, социально-инфраструктурно-коммуникационных технологий (формирования сообществ людей, а также соответствующих инфраструктуры и коммуникаций на всё больших территориях) и производственно-рабочих технологий* (создания всё более «тонких» антропогенных технологий преобразования окружающей природы). Указанные события, происходящие в ходе развития человечества, уместно называть *метаэволюционными скачками*.

Предчеловек *Hominoidea* использовал информационные «пред-технологии» (предИТ-1) посредством сигнальных поз; проточеловек *Homo ergaster/Homo erectus* использовал информационные «прото-технологии» (протоИТ-2) посредством мимики и жестов. К информационной технологии ИТ-3, развиваемой «собственно» человеком *Homo sapiens*, следует отнести речь/язык (устную речь как средство общения), к ИТ-4 — использование им для этого письма/письменности, к ИТ-5 — технологию тиражирования информации (книгопечатание), к ИТ-6 — компьютерные (локальные) ИТ, к ИТ-7 — сетевые (распределённые) ИТ, и т. д.

Помимо закономерности в последовательности моментов метаэволюционных скачков, в ходе метаэволюции человечества удастся выявить закономерности в моментах наступления и некоторых других исторических событий. Прежде всего, моментов начала озникновения *прообразов (преамбул, предвестников* и т. д.) будущих метаэволюционных скачков. Действительно, никакое крупное системное событие не происходит неожиданно и необоснованно, его наступление всегда предвещают какие-то события низшего ранга и меньшей значимости. Применительно к развитию ИТ это означает, что «прото-формы» каждой из ИТ-*n* несколько опережают их возникновение как таковых. Моменты их появления можно ориентировочно определить, вычитая из времени завершения рассматриваемого периода между метаэволюционными скачками величину последующего периода (меньшего в ≈ 15 , или $ee = 15$, $15426\dots$, раз, чем рассматриваемый). Эти моменты времени и события, отражающие начало возникновения прообразов (протоформ) будущих метаэволюционных скачков, будем далее обозначать как **n**–□.

Другая важная историческая последовательность в развитии человечества — рязпроизводственно-технологических революций (верхнепалеолитической, аграрноремесленной, промышленной и т. д.), инициируемых, как представляется, происходящими несколько ранее метаэволюционными скачками. Это последнее соображение подкрепляется тем эмпирическим фактом, что периоды между метаэволюционным скачком и следующей за ним производственно-технологической революцией также сокращаются в ходе метаэволюции человечества (до ≈ 1981 г.), причем именно в ee раз. То есть с основными моментами системного усложнения человечества

функционально связаны моменты пиков скорости развития производственно-технологических революций, инициируемых формированием всех вышеперечисленных «троек» технологий, соответственно: $\approx 40,3$ тыс. лет назад (верхнепалеолитическая революция), $\approx 2,7$ тыс. лет назад (аграрно-ремесленная), ≈ 1806 г. (промышленная), ≈ 1970 г. (микропроцессорная), ≈ 2004 г. (сетевая «мобильной телефонии»). Моменты времени производственно-технологических революций и сопровождающих их событий будем далее обозначать как $n+\square$.

Весьма важно, что каждый новый метаэволюционный скачок, помимо «собственных» информационного переворота плюс прироста иерархических ярусов в системе «сверху» и «снизу», дает толчок к кардинальным усложнениям носителей всех предыдущих информационных переворотов: возникновение письменности сопровождается развитием праязыков «сверхрайонов», возникновение технологии тиражирования информации — развитием языков «сверхрайонов» и «сверхстран», возникновение компьютеров — дальнейшим развитием языков «сверхрайонов», «сверхстран», а также языков компьютерной эпохи, и т. д. Модельно это связано с тем, что появление каждой новой иерархической подсистемы человечества — и лидирование новой ИТ («лидирующая ИТ» — впервые создающаяся на отрезке времени между метаэволюционными скачками) — не означает элиминации предыдущих: все они сосуществуют, активно взаимодействуют и коэволюционируют.

Так, праязык человечества создавался в период 231–123 тыс. лет назад в протоформах, в период 123–40,3 тыс. лет назад (до пика скорости развития в момент верхнепалеолитической революции) в развитых формах. Эмпирические оценки этих времен разнятся:

«Сравнительно-исторический метод позволяет путем сравнения праязыков отдельных макросемей (общим числом не более 10) наметить формы вероятного исходного праязыка *Homo sapiens sapiens* ..., который после своего возникновения около 100 тыс. лет назад мог распасться на диалекты, давшие около 40–30 тыс. лет назад по мере расселения человека из Африки по Евразии и увеличения числа древних людей начало отдельным языкам (праязыкам макросемей)» [3]; «У человечества был один праязык. Он возник 40–50 тысяч лет назад» [4]. Его ареал — округа. Праязыки «сверхрайонов» создавались в период 15,7–8,1 тыс. лет назад (протоформы), 8,1–2,7 тыс. лет назад (развитые формы) и далее. Считают, что «...если существование праиндоевропейского условно можно локализовать примерно в 6–5 тыс. до н. э., то существование праностратического следует отнести к периоду более 10 тыс. до н. э.» [5]. Языки «сверхстран» создавались в период 946–1446 гг. (протоформы), 1446–1806 гг. (развитые) и далее.

Логично предположить, что аналогичные тройки периодов «1913–1946–1970 гг.–далее» и «1977–1979–2004 гг.–далее» соответствуют появлению и развитию в подходящих формах («протоформе»–«развитых»–«дальнейшего развития») общепланетарных языков компьютерной предэпохи/эпохи (программирования, профессиональных/молодежных сленгов и т. п.) и

«сверхпланетарных» языков сетевой предэпохи/эпохи . Думается, анализ ее позволит специалистам-языковедам подробнее ознакомиться с системно-кибернетическим методом восстановления хода исторического процесса.

Таблица 1. Последовательные этапы метаэволюции человечества

№ п

этапа

Расчетное время начала лидирования

(лет назад, гг.)

Формирующийся субъект метаэволюции и используемые им информационные технологии (в ареале с указанными характерными радиусами)

1 2 3

0 440,7–427, 8–415, 0 млн. Цефализация позвоночных □ головной мозг ($\approx 0,28–4,2 м$) 0+ □ 148,1–140,1–132,1 млн. Млекопитающие, птицы □ развитой головной мозг

1–□ 56,3–54,6–53,0 млн. Высшие позвоночные □ протоПСЕВДО-позы

1 29,1–28,2–27,4 млн. ПСЕВДО-гоминоиды (*Hominioidea*). ПСЕВДО-позы ($\approx 4,2–64 м$)

1+□ 9,8–9,3–8,7 млн. Гоминиды (*Hominidae*). Развитые ПСЕВДО-позы

2–□ 3,72–3,61–3,51 млн. Австралопитеки. ПротоКВАЗИ-мимика/жесты

2 1,92–1,86–1,81 млн. КВАЗИ-люди (*Homo erectus*). КВАЗИ-мимика/жесты ($\approx 64 м—1 км$)

2+□ 647–612–577 тыс. «Гейдельбергский человек». Развитые КВАЗИ-мимика/жесты

3–□ 238–231–224 тыс. «Пресapiентные» неандертальцы эпохи мустье.

Проторечь/прото-

язык

3 127–123–119 тыс. ЭВРИ-люди (*Homo sapiens*). Речь/язык ($\approx 1–15 км$)

Праязык («окружной-1а»).

3+□ 42,6–40,3–38,0 тыс. ЭВРИ'-люди: верхнепалеолитическая революция.

Развитые речь/язык (праязык «окружной-1б»)

4–□ 16,15–15,70–15,25 тыс. ЭВРИ"-люди. Протопраязыки аграрной эпохи

(окружные): протописьмо эпохи верхнего мадлена и речь. Праязык

«окружной-1в».

4 8,35–8,1–7,9 тыс. АГРО-люди. Письменность ($\approx 15–222 км$). Праязыки

«сверхрайонов-1а»: первичное письмо и речь. «Окружные-2а» языки.

4+□ 2,8–2,7–2,5 тыс. АГРО'-люди: аграрно-ремесленная революция.

Праязыки «сверхрайонов-1б» развитые: письмо на папирусе/пергаменте и

речь.

«Окружные-2б» языки.

5–□ 916–946–976 гг. н. э. АГРО"-люди: прототиражирование текстов. Прото-

«высокая печать» (ксилография). Протоязыки промэпохи («сверхрайонов»):

письмо на бумаге и речь. Праязыки «сверхрайонов-1в» (протонациональные).

«Окружные-2в» языки.

5 1431–1446–1461 ПРОМ-люди. *Тиражирование текстов* ($\approx 222–3370$ км).

Высокая печать. Языки «сверхстран-1а»: письмо и речь. Языки «сверхрайонов-2а» (национальные). «Окружные-3а» языки.

5+□ 1796–1806–1816 ПРОМ'-люди: промышленная революция. Развитое тиражирование текстов: литография (1798). Языки «сверхстран-1б» развитые.

Языки «сверхрайонов-2б». «Окружные-3б» языки.

6–□ 1912–1913–1914 ПРОМ"-люди: протокомпьютер (электронный триггер — 1918).

Протокомпьютерное тиражирование текстов: офсетная печать (1905) и пишущая машина Ундервуд (1903). Протоязыки компьютерной эпохи («сверхстран»). Языки «сверхстран-1в». Языки «сверхрайонов-2в». «Окружные-3в» языки.

6 1946 КОМП-люди. *Компьютеры, симбиоз человека и компьютера*

($\sim 3, 37-51$ тыс. км). Компьютерное тиражирование текстов. Языки компьютерной эпохи планетарные-1а. Языки «сверхстран-2а».

Языки «сверхрайонов-3а». «Окружные-4а» языки.

6+□ 1969–1970–1970 КОМП'-люди: микропроцессорная компьютерная революция. Развитые компьютеры. Развитое компьютерное тиражирование текстов. Языки компьютерной эпохи планетарные-1б развитые. Языки «сверхстран-2б». Языки «сверхрайонов-3б». «Окружные-4б» языки.

7–□ 1976–1977–1978 КОМП"-люди: протосети (локальные). Протосетевые компьютеры.

Протосетевое тиражирование. Протоязыки сетевой эпохи (планетарные). Языки компьютерной эпохи планетарные-1в. Языки «сверхстран-2в». Языки «сверхрайонов-3в». «Окружные-4в» языки.

7 1978–1979–1980 КОСМ1-люди. *Сети (глобальные), симбиоз человека и сети*

($\approx 51–773$ тыс. км). Сетевые компьютеры. Сетевое тиражирование текстов. Языки сетевой эпохи «сверхпланетарные-1а». Языки компьютерной эпохи планетарные-2а. Языки «сверхстран-3а». Языки «сверхрайонов-4а». «Окружные-5а» языки.

7+□ 2003–2003–2004 КОСМ1'-люди: сетевая революция (мобильной телефонии). Развитые сети. Развитые сетевые компьютеры. Развитое сетевое тиражирование текстов. Языки сетевой эпохи «сверхпланетарные-1б» развитые. Языки компьютерной эпохи планетарные-2б. Языки «сверхстран-3б». Языки «сверхрайонов-4б». «Окружные-5б» языки.

S0

P0

R0 H1

G1

Q1

s'

q1

g1

H'1

h'1

h1

"Сверхрайоны" аграриев-ремесленников и охотников-собирателей
сотни километров

... ярусы производственно-рабочих **d** технологий ... **D**

Люди + письменность
(аграрии-ремесленники)

метры

"Дворы" (семьи)
аграриев-ремесл.

декаметры

гектометры

"Поселения"
аграриев-рем.

"Округи"
агр.-рем.

километры

S1

декаметры

метры

P1

R1

R'1

километры

гектометры

s

H0

G0

Q0

Люди + речь/язык
(охотники-собиратели)
"Дворы" (семьи)
охотников-собирателей

"Поселения" охот-
ников-собирателей

"Округи" охотников-собирателей

q0

g0

h0

Люди+тиражирование
информации (индустриалы)

"Поселения"
индустриалов

"Округи"

индустриалов
"Дворы" (семьи)

индустриалов

S2

P2

R2 H2

G2

Q2

s''

q2

g2

R'2 H'2

h'2

h2

"Сверх-
районы"

индустри-
алов

R''2 H''2

"Сверхстраны" индустриалов, аграриев-ремесленников и охотников-
собирателей

h''2

метры

декаметры

гектометры

километры

сотни км

мегаметры

"Планетарное" Человечество юзеров, индустриалов, аграриев-ремесленников
и охотников-собирателей

Люди + компьютеры (юзеры)

"Поселения" юзеров

"Округи" юзеров

"Дворы" (семьи) юзеров

S3

P3

R3 H3

G3

Q3

q3

g3

H'3 R'3

h'3

h3

"Сверх-

районы"

юзеров

H''З R''З

"Сверх-
страны"

юзеров

R'''З

H'''З

h''З

h'''З

метры

декаметры

гектометры

километры

сотни километров

мегаметры

десятки мегаметров

s'''

Пра-язык ("окружной")

1) речь

Пра-языки "сверхрайонов":

1) речь

2) письмо

Языки "сверхстран":

1) речь

2) письмо

3) тиражирование текстов

(высокая печать)

Языки планетарные:

1) речь

2) письмо

3) тиражирование текстов (компьютерное)

4) обеспечение симбиоза человека и

компьютера

Время: + + + + ...

19. ЛИТЕРАТУРА

1. *Гринченко С. Н.* Метаэволюция (систем неживой, живой и социально-технологической природы). М., 2007; см. также

http://www.ipiran.ru/publications/publications/grinchenko/book_2/.

2. *Жирмунский А. В., Кузьмин В. И.* Критические уровни в процессах развития биологических систем. М., 1982.

3. Иванов Вяч. Вс. Глоттогенез // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 108–109.
4. Старостин С. А. У человечества был один праязык. Он возник 40–50 тысяч лет назад // Знание — Сила. 2003. № 8.
5. Сусов И. П. Введение в теоретическое языкознание: электронный учебник. Тверь, 2000 (2005)

20 О НЕКОТОРЫХ МЕТОДАХ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ДЛЯ РАЗРУШЕНИЯ СОЦИОФОБИЙ

На сегодняшний день особенно актуальна проблема социокультурного развития общества. Эволюция демонстрирует временной смысловой характер общественной системы, дифференциация раскрывает ее предметный смысловой характер, а коммуникация артикулирует социальный смысловой характер. В новом тысячелетии обострение экономико-политической ситуации в мире требует от государств проведения целенаправленной политики в плане создания и реализации социокультурных программ антикризисного развития, разрушение возникающих и формирующихся социофобий.

Фобии (от греч. *phobos* — страх) представляют собой навязчивые неадекватные переживания страхов конкретного содержания, охватывающих субъекта в определенной обстановке и сопровождающихся вегетативными дисфункциями (сердцебиение, обильный пот и т. п.). Фобии встречаются в рамках неврозов, психозов и органических заболеваний головного мозга. При невротических фобиях больные, как правило, осознают необоснованность своих страхов, относятся к ним как к болезненным и субъективно мучительным переживаниям, которые они не в силах контролировать [4].

Под социофобией принято понимать страх, связанный с общественной жизнью. Страх как эмоция, проявляющаяся в ситуациях угрозы биологическому или социальному существованию человека, направлен на источник действительной или воображаемой опасности, т. е. появляется при ее предвосхищении. От характера угрозы зависит вариативность интенсивности и специфики переживания страха (фобии) от опасения, боязни, испуга до ужаса. Страх, достигая силы аффекта (панический страх, ужас), способен навязывать стереотипы поведения, в т. ч. речевого поведения (бегство, оцепенение, вербальная и невербальная защитная агрессия).

В социокультурном развитии человека страх выступает как предупреждение о предстоящей опасности, фокусирует внимание на ее источнике, вызывает поиск путей ее избегания [4: 386]. Например, сформированный страх осуждения, т. н. общественное мнение, используется в воспитательных целях как регулятор поведения. Общество оценивает повышенную боязнь человека, находящегося под защитой социальных институтов, отрицательно. В связи с этим, воспитание устойчивости к социальным страхам, социофобиям обычно

направлено не на избавление от них, а на выработку умений владеть собой (страх публичных выступлений, страх покраснеть, страх противостоять слухам, страх межличностного конфликта, страх экономического кризиса и т. д.): «НЕ БОЮСЬ!», «НЕ СТРАШНО!».

Во время мирового экономического кризиса особенно важна разработка психолингвистических техник устойчивости к социальным страхам, спровоцированным фактором риска, т. е. возникшим в результате изменения условий существования, характеризующихся наличием угрозы для жизни человека. Например, потеря работы, невозможность выплачивать кредиты, оплачивать жилье, содержать семью, кормить, одевать, обучать детей и т. п. Аффективные состояния человека обусловлены его неподготовленностью к деятельности в условиях угрозы для жизни, астенизацией нервной системы, а также неожиданностью возникновения аварийной ситуации. Фактор риска обуславливает переживание человеком экстремальной ситуации. Нарастающая при этом психическая напряженность проявляется в его мимике, речевой активности, глубине сна, изменениях основных физиологических функций. Отмечаются неуверенность в надежности технических систем, когнитивное проигрывание вероятности возможных критических ситуаций. У человека, попадающего в измененные условия впервые, сразу же при преодолении психологического барьера психическая напряженность сменяется повышенным настроением, доходящим до эйфории и психомоторного возбуждения [4: 424]. Смена эмоционального состояния регулируется психологическими (снятие информационной неопределенности) и физиологическими (эмоциональное разрешение) механизмами. Неустойчивая психическая деятельность в условиях кризисных ситуаций обуславливает необычные психические состояния, проявляющиеся в форме ажитации (чрезмерно сильного возбуждения) и кратковременного ступора (резкой угнетенности, выражающейся в неподвижности и молчании). Глубокие психические изменения порождают аффективные неврозы в форме фобий, выраженных двигательных возбуждений и длительного ступора, которые могут приводить к неадекватным реакциям. Следствием этого является увеличение вероятности неблагоприятного исхода, в частности катастроф и крупных аварий.

Особенно важно изучение динамики и массовости социофобий. В процессе заражения массовый страх перед реальной или воображаемой опасностью способен нарастать и блокировать волю, рациональную оценку ситуации и выработку противодействия. Взаимодействующая социогруппа тем легче превращается в паническую толпу [2], чем менее ясны или субъективно значимы общие цели, чем ниже ее сплоченность и авторитет ее лидеров. В общей обстановке социопсихической напряженности выделяются следующие условия возникновения массовой паники (от греч. *panikon* — безотчетный ужас) [4: 266]:

—социально-ситуативные: общий дискомфорт, тревога, страх, сопровождающийся готовностью овладеть ситуацией, действовать в ней

определенным образом; ожидание тяжелых событий (землетрясение, война, военный переворот, экономический кризис и т. д.);

—*общепсихологические*: неожиданность, испуг, связанный с недостатком сведений об источнике опасности, времени ее возникновения и способах противодействия;

—*физиологические*: усталость, голод, опьянение и т. д.

Именно возможность возникновения массовой паники требует сегодня проведение социо- и психолингвистического изучения лингвокультурных условий и механизмов ее возникновения и развития для разработки специальных мер ее профилактики или прекращения.

На мой взгляд, в этой связи во всем разнообразии социолингвистических методов можно рассматривать различные варианты социометрического метода, разработанного еще Дж. Морено при исследовании политико-психологических последствий Первой мировой войны [3]. Основанный на косвенном опросе предпочтений членов лингвокультурной группы по отношению друг к другу, этот метод позволяет выявить неформальную структуру группы, определить ее лидеров, ведомых, и даже «отверженных». Получаемые в результате опроса данные позволяют построить социометрическую матрицу и социограмму группы, а также рассчитать ряд существенных показателей —индексов групповой сплоченности, групповой экспансивности, а также групповой интеграции. Многолетние социометрические исследования позволили выявить три базовых закона, особенно отличающих функционирование социальных лингвокультурных групп: социогенетический, социодинамический и социогравитационный.

1. Социогенетический закон. Высшие формы организации групп вытекают из простейших: для понимания социальной психологии всей группы необходимо изучить ее первичную организацию, для акцептирования социальной психологии общества важно исследовать особенности образующих его малых групп.

2. Социодинамический закон. В любой группе привязанности распределены неравномерно: всегда есть лидеры и ведомые, а также «социометрический пролетариат» — «отверженные» или «парии» (терминология Дж. Морено).

3. Социогравитационный закон. Сплоченность индивидов в группе прямо пропорциональна их влечению, притяжению или отталкиванию по отношению друг к другу, и обратно пропорциональна пространственной дистанции между ними (при условии, что возможности для общения константны).

Использование социометрических методов в социолингвистике позволит создать лингвистический механизм регулирования внутренней и внешней социальной ситуации в обществе в условиях кризиса с целью разрушения стихийно возникающих или формируемых социофобий. От лингвистически (семантически и грамматически) грамотной законодательной базы и организованной пропагандистско-разъяснительной политики через массмедиа [1] зависит судьба языковой ситуации особенно в многонациональных государствах в ближайшее время.

20. ЛИТЕРАТУРА

1. *Желтухина М. Р.* Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: О проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. Волгоград, 2003.
2. *Ле Бон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1995.
3. *Морено Я. (мл.)* Социометрия. Экспериментальный метод и наука об обществе. М., 2004.
4. Психология. Словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1990.